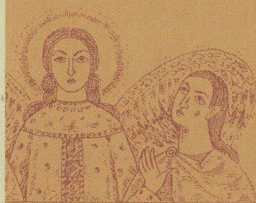

история / география / этнография

Владимир Соколов

З
анимательная
история
Древней Церкви
На пути к расколу

Ломоносовъ
издательство

Владимир Соколов

Занимательная
история
Древней Церкви

На пути к расколу

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 27
ББК 63.3(0)4
С59

Составитель серии Владислав Петров

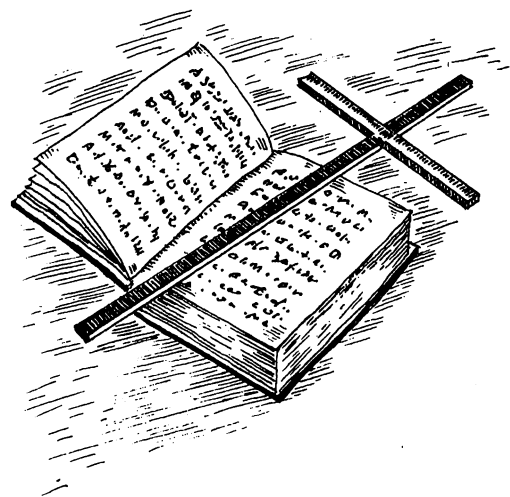
Иллюстрации Ирины Тибилевой

ISBN 978-5-91678-315-5

© Владимир Соколов, 2016

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2016

Ванналах мировой истории церковная летопись стоит особняком. Все мы слышали о крестовых походах и гугенотских войнах, о римских папах и испанской инквизиции, но, за исключением небольшого набора хрестоматийных фактов, церковное прошлое остается для нас почти полностью *terra incognita*. На широком полотне общечеловеческой истории, где духовным институтам отводится только внешняя и косвенная роль, церковные хроники выглядят чем-то обособленным и исторически малозначительным. В них видят скорее внутреннее дело самой Церкви, продолжение ее вероучения и религиозной проповеди, в лучшем случае — поприще для работы узких специалистов, которым в силу выбранной профессии приходится изучать хитроумные тонкости догматического богословия и вникать в бесконечные распри и раздоры давно забытых иереев. У человека несведущего может сложиться впечатление,

что история Церкви — это скучная семинарская наука, которая интересна только некоторым просвещенным верующим и профессорам духовных академий.

Однако достаточно взять любой известный первоисточник по этой теме — например, труды Евсевия Кесарийского или Сократа Схоластика, — чтобы убедиться, насколько ошибочны эти представления. Церковная история, которую мы чаще всего знаем непосредственно из рассказов ее очевидцев (а порой и прямых участников), — это увлекательное повествование, вызывающее интерес у любого непредвзятого читателя, независимо от его взглядов и вероисповедания. Так же, как книги великих античных историков — Фукидида, Тацита или Плутарха, — она написана живой и прекрасной прозой, доставляющей не меньше удовольствия, чем пользы. Но дело не только в познавательности и развлекательности этих книг. Летопись христианства несет в себе свод важных и глубоких знаний, показывая, как на протяжении веков строилось и формировалось грандиозное и многосложное строение Вселенской Церкви, как оно пронизывало и изменяло человеческую и общественную жизнь, в какие сложные и подчас причудливые отношения вступало с государством и властями, какое отражение все это нашло в ее внутренней структуре, правилах, традициях и укладе повседневной жизни. Не зная церковного прошлого, мы не сможем до конца понять, что Церковь представляет собой сегодня и почему занимает такое необычное и порой противоречивое положение в современном обществе, которое во многих отношениях ушло очень далеко от христианства.

Историю Церкви нужно знать прежде всего самим христианам. Многие из них смутно представляют себе смысл и значение церковных догматов и канонов, которые часто не столько сознательно принимаются и осмысливаются, сколько подразумеваются сами собой. Если спросить современного среднего прихожанина, что тот думает, например, о двух природах и волях во Христе, вряд ли он сможет дать достаточно ясный и вразумительный ответ. Все эти знания христианин сегодня получает — если вообще получает — в готовом виде, как непререкаемый факт, освященный властью и авторитетом традиции: он верит в то, во что верит Церковь, прежде всего потому, что верит в саму Церковь. Это характерно не только для православия, но и для других вероучений и церквей. Поэто-

му живущие в православной стране автоматически становятся православными, в католической — католиками, в мусульманской — мусульманами и т. д.

Здесь заключается большая проблема для христианства. Многие, поворачивающиеся спиной к христианской вере и активно ее отрицающие, отказываются не от Христа и Его учения, которое они плохо знают и понимают, а именно от Церкви. Церкви, слишком сильно скомпрометировавшей себя в истории, совершившей много ошибок, в которых она к тому же не особенно склонна раскаиваться. Для таких людей, стоит им только усомниться в Церкви, рушится сразу и вся традиция, и весь авторитет столетий, и, следовательно, вся христианская догматика. Даже продолжая верить в Бога, они становятся легкой жертвой любой секты, эксплуатирующей давно известные еретические идеи, противоядия против которых они не имеют, потому что не понимают истоки и корни, которые эти идеи сформировали. Многие и вовсе отворачиваются от христианства и ищут истины где угодно: в ярких и аляповатых культах восточного толка, в полупротестантских «харизматических» церквях, в сибирских землянках и скитах новоявленных духоборов и хлыстовцев, — только не в своей «домашней» Церкви.

Но тот, кто знает церковную историю, никогда не станет слепой добычей полубезумных фанатиков или изошренных демагогов. Знание того, как формировались догматы, как и почему боролась за них Церковь (боролась чаще всего с самой собой), — это надежная прививка против шарлатанства и религиозной истерии, откуда бы они ни исходили. Разумеется, здесь есть и обратная опасность: «многое знание порождает многую скорбь», а в нашем случае может легко смутить и сбить с толку. В церковной истории, по словам одного русского философа, заключен большой соблазн: слишком уж «человеческой» она выглядит, слишком много в ней темных и некрасивых сторон, компрометирующих, по естественной логике, и само учение Христа. Если *так* вели себя Его последователи, то не бросает ли это тень на самого Учителя? Не удивительно, что и в самой Церкви отношение к собственной истории не слишком благосклонное. Большинство наших выдающихся церковных историков: Болотов, Лебедев, Карташев, Афанасьев — хотя формально и находятся в почете, но принимаются не без оговорок о «неблагоприятном влиянии на них

протестантской исторической науки». Порой складывается впечатление, что изучение истории — это вообще явление чисто протестантское и поэтому сомнительное, что идут в нее только те, у кого внутри есть особая «протестантская» жилка, и что большинству простых верующих лучше вообще о ней не знать и держаться от нее подальше, получая необходимый минимум в безопасно отфильтрованном и рафинированном виде. Церковь тысячу раз предпочтет для чтения назидательные и душеспасительные жития святых, полные потрясающих подвигов и чудес, чем суровую и безжалостную правду реально прожитого ею прошлого. И уж тем более вряд ли она станет рекомендовать такое чтение неопытным неофитам.

Возможно, с чисто педагогической точки зрения все это оправдано. Выражаясь военным языком, история действительно вредна и опасна новобранцам, она годится только для сильных и испытанных бойцов. После чтения церковной истории шаткая вера может пошатнуться еще больше, а крепкая — еще больше укрепиться. С другой стороны, истина всегда лучше умолчаний и неведения. Выше мы назвали историю прививкой, и это в самом деле так: она помогает переболеть болезнью в более легкой, безопасной форме, чтобы потом справиться с тяжелым недугом. Понимая историю, зная прошлое Церкви со всеми ее слабостями, падениями, страстями и умопомрачениями, можно не только оставаться православным — об этом свидетельствует опыт многих историков Церкви, — но и крепче и надежнее держаться за ее фундамент, заложенный под временной и преходящей шелухой.

Разумеется, представленный здесь труд адресован не только христианам. Эта книга была написана для людей самых разных представлений и воззрений, включая тех, кто возьмет ее в руки просто из любопытства. Она не является ни апологией, ни критикой христианства и представляет собой только свод фактических событий, который каждый может понимать и толковать по-своему. Найдется немало убежденных атеистов, для которых сама постановка вопроса о вере, если она предпринимается всерьез, кажется заведомым жульничеством и шарлатанством. Несмотря на это, возможно, и они смогут почерпнуть что-то полезное из этой работы. Задача автора заключалась в том, чтобы в самой простой, популярной, почти «школьной» форме подать такую сложную вещь, как церковная история, сделать ее по возможности легкой, компактной

и доступной для чтения, постаравшись растворить в прозрачном слого все темноты богословия, нагромождения ересей и витиеватости византизма. Следовало перенести огромное полотно церковных хроник в книжную миниатюру, не утратив при этом глубины и полноты картины, нигде не солгав и ничего не упростив, но сохранив в предельно сжатой форме все основные краски и смыслы оригинала. О том, насколько удалась эта попытка, мы предоставляем судить читателю.

Добавим, что настоящий том является продолжением предыдущей части — «От гонений к триумфу», где говорилось о первых пятистах лет существования христианства. Вторая книга рассказывает о дальнейшем пути древней неразделенной Церкви с V по XI век, когда произошел фундаментальный раскол западных и восточных христиан и на месте единой христианской ойкумены появились две самостоятельных конфессии: православие и католицизм. Как и почему произошло это событие, что ему предшествовало и каким в те времена было устройство Церкви, что такое монофизитство и монофелитство, откуда появились монахи, как проходили вселенские соборы, почему началась и чем закончилась борьба с иконами — обо всем этом и о многом другом мы попытались рассказать в этой книге.

Глава первая. Внутреннее устройство Церкви

Клирики и миряне

К VI–VII векам здание Церкви приобрело четкие и законченные формы, которые почти не менялись в течение следующих столетий. В качестве «общественной» организации она делилась на две неравных половины — клириков и мирян. Под клиром в общем смысле подразумевались все, кто служил Церкви, от привратников и чтецов до митрополитов и патриархов. Клирики осуществляли церковные обряды и таинства, проводили религиозные службы и руководили духовной жизнью прихожан. Миряне составляли основную массу верующих, которая повиновалась клиру и жила в «миру»: это были рядовые христиане, не имевшие сана и не принявшие монашеских обетов.

В первые два века христианства между клириками и мирянами не было особой разницы. Тертуллиан говорил, что миряне то же самое, что священство: Господь там, где собраны двое или трое во имя Его, не важно, миряне это или клирики. Ориген считал, что каждый мирянин — священник и прин-

ципально ничем не отличается от апостола Петра, если верит так же, как и он. «Грешит против Бога каждый епископ, — писал александрийский богослов, — который исполняет свое служение не как раб с прочими сорабами, то есть верующими, но как господин». Все вопросы в Церкви решались совместно клириками и мирянами, которые участвовали и в соборах, и в выборе епископов. Если у епископа возникали разногласия с «пасомыми», он старался их переубедить и ничего не делал, пока все не приходило к общему мнению. В это время даже Римская церковь считала, что решение важных дел надо передавать на рассмотрение «пресвитерам и всему народу».

Но уже к концу II века положение стало меняться. В «Климентинах», написанных примерно в середине III века, ясно сказано: «Назначение епископа — повелевать, а назначение простых христиан — слушаться, ибо епископ — наместник Христа». Клир, духовенство — это *ordo*, то есть власть (так в Риме называли сенат), а миряне — всего лишь *plebs*, подчиненная им масса. Того же мнения держался и Киприан Карфагенский, считая, что «епископу одному предоставлено начальство над Церковью». Еще яснее и наглядней об этом говорилось в «Постановлениях апостольских»: «Пастырь — это после Бога земной бог ваш». По новым представлениям, без епископа христианину ничего нельзя было делать, даже давать милостыню. Поскольку епископ отвечает только перед Богом, недопустимо требовать у него отчета, призывать к ответу и следить, что он делает и как распоряжается церковным имуществом. Не следует также докучать ему своими просьбами: для этого лучше обратиться к его помощнику, диакону. Пастырь — это голова, а миряне — даже не тело, а хвост.

От простой общины, где все верующие были равны между собой, Церковь быстро перешла к строгой иерархии по образцу Ветхого Завета. Духовных лиц в христианстве начали сравнивать с левитами — одним из двенадцати израильских колен, которое посвятило себя служению Богу и за это получало десятину от одиннадцати других колен. «Правила апостольские» предписывали: «Как в Ветхом Завете священники имели содержание от мирян, так и в Новом Завете те, кои живут для Церкви, должны питаться от нее же». Духовенство превратилось в особое сословие, которое не могло участвовать в мирских делах, поскольку его миссия — служить Богу. «Епи-

скоп, пресвитер и диакон не должен принимать на себя мирских пощений, иначе да будет извержен из священного сана», — говорилось в тех же «Правилах». «Каждый из клириков или служителей Божьих, — предписывал Киприан, — должен служить только алтарю и жертвам и заниматься только молитвами и молениями».

Статус духовенства вырос так высоко, что вдовам епископов, священников и диаконов запрещалось снова выходить замуж — чтобы после священного супружества не ронять себя браком с простыми смертными. Статус мирянина, наоборот, все больше падал. Мирянину запрещено было даже проповедовать: ему следовало только «отверзать слух» и повиноваться облаченным в священный сан учителям (64-е правило Трулльского собора, VII век). Разрыв между мирянами и духовенством закреплялся тем, что большинство мирян было не христианами, а только оглашенными: в то время христиане старались креститься перед самой смертью, чтобы смыть крещением все грехи и чистым войти в рай. Это обстоятельство еще сильнее отделяло мирян от клириков.

Само духовенство тоже не было однородным. В IV веке церковные служители уже четко разделились на старший и младший клир. Под «старшим» подразумевали так называемые три священные степени: диакон, священник (пресвитер) и епископ. Младшие или низшие клирики выполняли служебные и вспомогательные функции, не получая благодать священства. Они были только «причтены» к духовенству, поэтому их называли причтом. В старший клир посвящали через таинство рукоположения — хиротонию, которая проводилась внутри алтаря епископом и наделяла посвященного духовной властью. Для младших клириков такого таинства не требовалось: епископ просто благословлял их на служение через наложение рук вне алтаря (этот обряд назывался руковозложением, или хиротесией). Из всех степеней клира только священники и епископы имели право осуществлять таинства, и только епископы — посвящать мирян в клириков.

Чем благоприятней становилось положение Церкви, тем больше в ней появлялось новых должностей. При вратах храма ставились привратники-остиарии, чтением псалмов и молитв занимались особые чтецы, о колоколах заботились парамонари. Штат некоторых крупных храмов насчитывал сотни людей:

например, число клириков при Великой (Софийской) церкви в Константинополе и трех ближайших, приписных к ней церквях составляло 60 пресвитеров, 100 диаконов, 40 диаконовис, 90 иподиаконов, 115 чтецов и 25 певцов: итого 425 лиц, не считая 100 привратников.

Младший клир

Состав младшего клира не был постоянным и мог меняться в зависимости от времени и места. Многие из его чинов и должностей не дожили до наших дней и теперь известны только историкам. К исключениям можно отнести экзорцистов, которых современная массовая культура превратила в профессиональных борцов с демонами. На самом деле их обязанностью было просто чтение молитв над бесноватыми и надзор над оглашенными. Менее знамениты «гробокопатели», называвшиеся также «могильщиками» и «трудниками»: они действительно копали могилы и при этом считались частью клира. При погребении умерших им помогали миряне, не входившие в клир.

Заметную роль в истории сыграли параваланы («банщики»), чья миссия заключалась в уходе за больными. Это была особая группа младших клириков, которые жили в Александрии и составляли общество примерно в 600 человек. Параваланам давались такие большие привилегии, что некоторые пытались купить их должность за деньги. Репутация у них была довольно странная: к ним относились как к опасным смутьянам и разбойникам. Жители Александрии просили епископа не покидать город, боясь, что без его надзора параваланы могут совсем распоясаться. Известно, что параваланы буйно вели себя на Разбойничьем соборе, а когда в 416 году толпа растерзала философа Гипатию (Ипатию), они были ее активными участниками.

Диаконисы были нужны для того, чтобы помогать в церковных делах женщинам-христианкам, когда присутствие мужчин было неудобно с точки зрения нравственности. Они готовили женщин к крещению, раздевали их во время самого крещения, становились сиделками во время болезни. По церковным правилам им должно было быть не меньше 40 лет (апостол Павел говорил — не меньше 60). В сан диаконис ру-

кополагали епископы, а старшая из них носила титул пресвитиды.

Нотарии вели документацию и составляли протоколы во время заседаний и собраний, а также занимались перепиской между епископами. Епископы не писали сами, а диктовали письма нотариам. С должности нотариия начинал Афанасий Великий. Хартофилаксы, разновидность нотариев, хранили важные церковные документы и выдавали справки в случае появления трудных вопросов. Эта должность была особенно востребована на соборах, где решались догматические вопросы.

Экономы состояли при епископе и заведовали церковным хозяйством. Так же, как нотариии, они могли иметь сан диакона или пресвитера. Со временем церковные богатства стали так велики, что для их хранения создали особую категорию скевофилаксов: фактически это была должность казначея. Один из них, антиохийский пресвитер Феодор, был убит при Юлиане Отступнике за то, что отказался рассказать о церковных сокровищах. Известно по крайней мере трое скевофилаксов — Флавиан, Македоний II и Тимофей, — которые стали константинопольскими патриархами.

Назначение некоторых младших чинов сегодня не совсем понятно. До сих пор идут споры, что входило в обязанности аколуфов: помогать принимать жертвенные дары, носить свечи и светильники во время службы или просто служить почетным караулом для епископа? Иногда в исторических документах упоминаются еще более редкие и экзотические должности, например эксцепторы, занимавшиеся только тем, что составляли жизнеописания мучеников, или герменевты, которые во время богослужений переводили священные тексты для прихожан, не знавших греческого и латыни.

Диаконы

Диаконы занимали подчиненное место в иерархии старшего клира: они должны были служить помощниками пресвитерам и не имели права совершать таинства (в виде исключения — могли крестить и исповедовать, например, если желающий креститься или кающийся мог умереть, а священника рядом не было). На соборах епископы сидели на возвы-

шениях, пресвитеры садились позади них полукругом на более низких сиденьях, а диаконы стояли впереди всех.

На деле диаконы играли в Церкви огромную роль, часто намного большую, чем священники. Долгое время на каждую церковную область приходилось всего семь диаконов, тогда как священников и епископов могли быть десятки и сотни. Причиной этому служило то, что в Деяниях апостолов было указано точное число епископов, избранных апостолами для служения, — семь. От этой цифры старались по мере возможности не отходить.

Пресвитеры находились в тени епископа, который сам совершал все таинства и часто не только не нуждался в помощи священников, но и не желал ее, поскольку она могла умалить его достоинство. Единственный способ выделиться — проповедничество — во многих церквях для пресвитеров был запрещен.

Наоборот, диаконы были прямыми помощниками епископа и часто самыми близкими к нему людьми. В качестве доверенных лиц они всюду следовали за своим патроном, исполняли его поручения во время богослужений, хранили церковные драгоценности и распределяли церковные доходы. Во время конфликта с Киприаном Карфагенским диакон Феликиссим держал в своих руках всю церковную кассу и угрожал не давать денег тем, кто не встанет на его сторону.

Наконец, сами доходы у диаконов были больше, чем у пресвитеров, что придавало им особый вес. Почетность диаконского звания признавалась всеми и проявлялась подчас в их смелом поведении, выходявшем порой за рамки церковных правил. Например, диаконы не имели права сидеть перед священниками, но нередко делали это, чувствуя важность своего положения. Иногда они даже благословляли пресвитеров.

Архидиаконы стояли еще выше. Архидиакон был представителем своего епископа на соборах. Он надзирал над ответственностью подчиненных епископу пресвитеров и давал им характеристики при выставлении их кандидатур на освобожденные епископские кафедры. Архидиаконы могли своей властью отлучать от Церкви провинившихся диаконов. Некоторые особенно влиятельные архидиаконы даже на епископов смотрели свысока. В Константинополе произошел целый скандал из-за того, что архидиакон Иоанна Златоуста Серапион не поклонился епископу Севириану. Для архидиакона

было едва ли не оскорбительным, если его посвящали в сан пресвитера и отправляли куда-нибудь в приход: это рассматривалось как ссылка.

Пресвитеры

Но по мере увеличения числа верующих и возникновения новых приходов пресвитеры стали играть все более важную роль. В Древней Церкви, когда христиан было немного, каждая община возглавлялась епископом. Все христиане одного города знали друг друга, ходили на одни собрания и причащались у одного епископа. Если верующих становилось слишком много, они создавали новую общину с новым епископом.

Теперь вместо этого стали появляться приходы, во главе которых стоял священник, а не епископ. Приходов было слишком много, и они были слишком невелики, чтобы ставить в каждый нового епископа. Существовало мнение, что не стоит «размножать епископов», иначе их значение и вес будут падать. Поэтому приходы стали возглавлять пресвитеры, которые раньше были только помощниками епископов. В своих приходах священники становились уже первыми лицами, возвышавшимися над диаконами.

Пресвитеров в приходы не назначали, а выбирали. Выборы в пресвитеры и вообще в священнослужители были сложным, а иногда и опасным делом. Златоуст видел в них борьбу разных партий и личных интересов, не имевших никакого отношения к благу Церкви. По его словам, о небесном здесь препирались так, словно дело шло о десятинах земли или о чем-то подобном. «Говорят: такой-то должен быть избран потому, что он происходит из знатного рода, другой — потому, что владеет великим богатством и не будет иметь нужды содержаться на счет церковных доходов; третий — добровольно перешел к ним от противников наших. И всякий старается, чтобы предпочтен был перед другими или короткий его друг, или близкий родственник, или даже льстец». Людей достойных отвергали под разными предложениями, ставя им в упрек то молодость, то излишнюю снисходительность, то, наоборот, чрезмерную строгость. Зато какого-нибудь негодяя выбирали из страха, что он перекинется на сторону противников или станет мстить. «Прежде я смеялся над мирскими начальника-

ми, — замечал Златоуст, — когда видел, что при раздаянии почестей они ценят не добродетель души, а богатство, преклонность лет, покровительство людей. Но все это показалось мне уж не так странным, когда узнал, что то же неразумие проникло и к нам».

Посвящение в пресвитеры нередко становилось частью политической игры, в которой епископы добивались своих целей, расставляя на нужные места своих людей. Согласия самих посвящаемых при этом иногда не спрашивали; бывало даже, что хиротония проводилась насильно или по принуждению. Известны случаи, когда в священники посвящали, зажимая человеку рот, чтобы он не протестовал вслух: так Епифаний Кипрский посвятил пресвитера для Вифлеемского монастыря.

Епископы

Епископы обладали огромной властью и авторитетом. Обращаясь к ним, было принято прибавлять: «боголюбнейший и богосвятейший». И сами они были преисполнены сознанием своего значения. Епископ Леонтий Трипольский однажды не явился на поклон к императрице Евсевии, жене Констанция. Когда она прислала ему отдельное приглашение, он ответил: «Если ты хочешь, чтобы я пришел к тебе, то я могу это сделать только с соблюдением подобающего епископскому сану почтения. Именно, когда я войду, ты сойди со своего высокого престола, почтительно встреть меня и преклони твою голову под мои руки, испрашивая благословения. Потом я сяду, а ты из уважения стой, и потом уже, когда я дам позволение, садись». Императрица обиделась, но император не стал наказывать Леонтия, а, наоборот, похвалил его за прямоту и смелость.

Епископы, как и пресвитеры, выбирались всем народом, то есть не только клиром, но и мирянами. Апостольское правило гласило: «Кто должен управлять всеми, тот должен быть и выбран всеми». Но выборы проводились не прямым голосованием народа. Кандидатуру называл собор епископов, который затем обращался к пастве с вопросом, нет ли у кого-то возражений против названного лица. Если никто не заявлял протест, епископ посвящался в сан. Однако чаще всего звучали и протесты, и возражения.

Здесь повторялась та же история, что с пресвитерами. В первую очередь старались выбрать тех, кто имел связи и умел хорошо говорить, защищая перед властью себя и свою паству. Как писал Григорий Богослов: «Ищут не иереев, а риторов, не жрецов чистых, а сильных предстателей». Злоупотреблений при выборах епископов было даже больше, чем при пресвитерских, поскольку звание епископа значило намного больше. Епископами становились по родственным связям, через подкуп, с помощью мошенничества или военной силы. Иногда выборам помогали счастливые случаи или божественное провидение: в Равенне некий Север был избран только потому, что над его головой сел голубь.

Григорий Неокесарийский, приехав однажды на выборы, возмутился, что там обсуждают только богатых кандидатов, обращая больше внимания на их деньги, чем на нравственность. Тогда кто-то под общий смех спросил: «Кого же нам выбрать, может, угольщика Александра?» Григорий, не смутившись, попросил привести этого Александра и, поговорив с ним, убедился, что это умный и достойный человек, на самом деле знатный и богатый, который только из смирения вел жизнь простого угольщика. Он попросил его смыть с себя грязь, переодеться в красивую одежду и снова явиться в церковь. Когда Александр вернулся, народ был так поражен этим чудесным преображением, что единогласно избрал его в епископы.

В 366 году на выборах римского епископа произошло столкновение между сторонниками двух кандидатов — Дамаса и Урсина. На улицах начались драки, префекту Ювентию пришлось бежать из города. Урсинианцы захватили церковь, где проводились выборы; дамасианцы в ответ стали ломать двери, пытались поджечь базилику, потом забрались на крышу, разобрали черепицу и стали бросать ее сверху в противников. На их сторону встали квадригари — профессиональные наездники, выступавшие на ипподроме. С их помощью сторонники Дамаса ворвались в церковь, и началась битва, в которой погибло больше сотни человек. Правительству пришлось жестоко подавить волнения, казнив многих их участников.

Такие события в Риме повторялись регулярно. В 418 году происходили схватки между кандидатами Еввалием и Бонифацем, в 499-м бились сторонники Симмаха и Лаврентия.

Избранный папой Симмах едва спасся от забросавшего его камнями народа под защитой готской гвардии. В 530 году чуть было не повторилось то же самое, и сражений удалось избежать только благодаря смерти одного из кандидатов.

Но события в Риме меркнут перед тем, что происходило в Константинополе. Здесь почти каждые выборы патриарха приводили к народным волнениям, чрезвычайным мерам и использованию войск. В 342 году во время стычек между сторонниками двух кандидатов — православного Павла и арианца Македония — было перебито множество людей, в том числе начальник городской полиции. Победил Македоний, но во время его интронизации погибло больше 3000 человек.

Фактор цезаря

Государственная власть всеми силами вмешивалась в выборы. Императоры сами выбирали и низлагали епископов, особенно константинопольских патриархов. Так, Констанций низложил не устроившего его Павла и поставил вместо него Евсевия Никомедийского. Позже им же с кафедры был смещен Македоний. Феодосий Великий, когда пришло время выбирать нового патриарха, попросил дать ему список кандидатов и избрал самого последнего, Нектария, хотя тот не был даже крещен. Иоанн Златоуст, антиохийский священник, стал константинопольским патриархом вопреки своей воле только потому, что так захотел император, приказавший под конвоем доставить его в столицу: выполнявший приказ префект буквально выкрал его из Антиохии. Так же поступили с Несторием, которого пригасили в Константинополь потому, что власть не хотела раздоров между двумя местными претендентами, Проклом и Филиппом.

Одним из самых скандальных оказалось избрание патриарха Флавиты. После смерти константинопольского патриарха Акакия церковные дела оказались настолько запутаны, что избрание нового предстоятеля решили доверить самому Богу. После сорокадневного поста с молитвами император Зенон положил на престол в церкви два свитка: один совершенно чистый и спрятанный в конверт с печатью, а другой с просьбой к Господу — рукой ангела написать в пустом свитке имя Божьего избранника. Через определенное время чистый свиток

распечатали и увидели, что там действительно написано имя: Флавита. Новый епископ немедленно взошел на константинопольскую кафедру, но прожил после этого всего три с половиной месяца, скончавшись от какой-то болезни. После смерти Флавиты оказалось, что покойный патриарх задолжал огромную сумму, которую кредиторы стали требовать с его наследников: деньги пошли на то, чтобы подкупить придворного евнуха, который и вписал в свиток его имя. По этому поводу в Константинополе ходил каламбур, что Флавиту избрал не Христос, а «хризос», то есть золото. Евнуха казнили за то, что «присвоил себе права Бога», а его состояние пошло на покрытие долгов Флавиты.

К концу V века избрание и низложение столичного патриарха по желанию императора стали обычной практикой. Басилевс просто диктовал свою волю поместному собору епископов, которые утверждали или низлагали указанное им лицо. Например, император Анастасий сначала убрал с константинопольской кафедры Евфимия и назначил Македония, потом устранил Македония и поставил вместо него Тимофея. Могущественные императоры управляли не только константинопольской и антиохийской, но и римской кафедрой. Юстиниан низложил папу Сильвестра, обвинив его в государственной измене, и сделал римским епископом сначала Вигилия, а затем Пелагия.

Иногда посвящение в сан епископа превращалось в форму ссылки для влиятельных политиков. Епископами провинциальных городов становились бывшие императоры Авит, Гликерий и Василиск. Феодосий III закончил жизнь простым священником. Позже свергнутых цезарей стали постригать в монахи, а заодно и оскоплять: по закону изуродованный человек не мог стать императором.

Епископство нередко покупалось за деньги. Подкупали влиятельных придворных лиц и даже императоров. Александрийский епископ Павел, например, открыто предложил Юстиниану огромную сумму в 7 кентинариев (около 230 килограммов золота), чтобы его восстановили на кафедре.

Параллельно с этим свободу выборов стали ограничивать. Избирались только местные кандидаты, а вместо всей паствы стали приглашать ее почетных представителей. В церковных верхах все больше распространялось мнение, что народ — это не тот, кого надо слушать, а тот, кем надо управлять.

Римский папа Целестин выразил это мнение в четкой формуле: *docendus est populus, non sequendus* — «народ нужно учить, а не следовать за ним». Григорий Богослов и Иоанн Златоуст также считали, что для блага Церкви надо отстранить от выборов епископов простой народ. Юстиниан постановил, что клир и почетные граждане только предлагают трех кандидатов, а выбор из них делает митрополит.

Интересная практика выборов была у несториан и египетских монофизитов. Они избирали сначала сто кандидатов, из этих ста — пятьдесят, из пятидесяти — 25, и так до тех пор, пока не оставалось трое. Имена оставшихся писали на трех билетах, а на четвертом ставили имя Иисуса Христа. Билеты клали на престол и совершали литургию, после которой к престолу подходил ребенок и брал один билет. Если там оказывалось имя одного из кандидатов, то его избирали епископом, а если попадался билет с именем Иисуса, то считали, что Господь не одобряет кандидатов, и выборы повторяли снова, уже с другими людьми. Это способ назывался «алтарным», поскольку престол, на который клали билеты, находился в алтаре. Однажды так был избран неграмотный монах Михаил, который после этого выучил на слух всю литургию Василия Великого и стал коптским патриархом.

Обучение духовенства

Чтобы стать служителем Церкви, кандидат должен был соответствовать двум условиям: вести нравственную жизнь и разбираться в богословии хотя бы настолько, чтобы отличать ересь от догмата. Второе часто оказывалось не менее трудным, чем первое. В Церкви почти не существовало специальных училищ или школ, где можно было получить богословское образование. Из тех немногих, что сыграли заметную роль в церковном просвещении, наиболее известным было александрийское огласительное училище, расцветшее при Оригене и пришедшее в упадок через двести лет. Во главе этой школы один за другим стояли такие выдающиеся учителя, как Пантен, Климент Александрийский, Ориген и Дионисий Великий. Преподавание здесь велось основательно и добросовестно, с педагогическим тактом и глубоким пониманием дела. Популярность лекций и многочисленность учеников волнова-

ли наставников в последнюю очередь. «Для мудреца довольно и одного слушателя», — говорил Климент.

Особенно талантливым педагогом был Ориген, который встал во главе школы, когда ему исполнилось всего восемнадцать лет. Он посвящал преподаванию все свое время и принимал слушателей не только днем, но и ночью. В его школу съезжалось множество людей, в том числе христианские епископы, языческие философы и еретики. Во время своих бесед — а обучение заключалось именно в свободных беседах, где никто не задавал и не спрашивал уроков, — Ориген всегда пытался понять точку зрения своих собеседников и учеников и задавал им вопросы, стараясь выяснить, что они думают и почему думают именно так. Он входил не только в суть проблемы, но и в суть человека. Вместо того чтобы просто настаивать на своем и излагать свое мнение, Ориген воспроизводил ход мыслей своего оппонента и показывал ему, в каких пунктах тот делает ошибки и почему. Благодаря этому результаты его дискуссий, которые он вел с философами и еретиками, были на редкость плодотворными: противники добровольно признавали свою неправоту и спорящие стороны приходили к миру и согласию. Ориген считался признанным специалистом по богословским спорам, и его приглашали на диспуты в особо трудных случаях, когда на том или ином соборе требовалось победить ересь или прояснить трудные вопросы.

Общее количество церковных школ, существовавших на Востоке в первое тысячелетие христианства, можно пересчитать по пальцам одной руки. Кроме александрийского училища, это школа в Кесарии Палестинской, действовавшая примерно в то же время, антиохийская школа и отделившая от нее эдесская, закрывшаяся в конце V века, и училище в персидском Нисивине (Нисибисе), основанное отколовшимися от церкви несторианами.

На Западе не было и этого. Политический хаос, воцарившийся в Западной империи, не располагал к хорошему образованию. Когда император Константин Погонат решил созвать собор и попросил Рим прислать каких-нибудь ученых и сведущих в писании людей, папа Агафон ответил: «Можно ли у людей, живущих среди варваров и трудами рук своих с большими усилиями добывающих себе хлеб насущный, искать полного знания Писаний?»

За неимением церковных училищ будущие пресвитеры и епископы получали языческое образование в государственных или частных школах, а потом изучали Священное Писание самостоятельно. Василий Великий и Григорий Богослов учились в Афинах, Златоуст и Амфилохий Иконийский — у ритора Ливания (Либания). Церковное воспитание будущие иереи получали и в самом клире, поступая на младшие должности еще в юном возрасте, мальчишками, и постепенно усваивая все нужное от старших. Типичная карьера пресвитера — это чтец, аколунф (или иподиакон), нотарий, диакон, священник. Некоторые епископы, как блаженный Августин, основывали христианские общины по типу апостольских и жили в них вместе с клириками, воспитывая себе смену.

Многие выдающиеся церковные деятели попадали в клир из монашества, например Златоуст или Несторий. Однако тот же Златоуст считал, что из монахов получаются плохие пастыри. Он говорил, что от пастырей требуется гораздо больше, чем от монаха. Епископы и священники должны разбираться в мирской жизни, быть разносторонними, гибкими, уметь находить подход к разным обстоятельствам и разным людям. Монаху легче, он держится вдали от всех и бежит от искушений, а пастырю приходится соблюдать чистоту, живя среди людей и каждый день подвергаясь соблазнам. Монахи, не знающие жизни, в епископстве теряются: и себя губят, и другим не помогают.

Из частных и церковных школ выходили высокообразованные клирики, хорошо знавшие не только Писание, но и языческую культуру. Среди них были адвокаты, крупные чиновники, историки, ученые. Встречались и просто обаятельные щеголи и острословы, вроде епископа Сисиния, славившегося тем, что он мылся два раза в день. Когда его спросили: почему ты моешься два раза? — он ответил: потому что в третий не успеваю.

Но это были скорей исключения, чем правило. На практике уровень образования многих клириков был очень низким. Для епископа считалось достаточным быть просто грамотным. Некоторые священники не умели даже писать, и в документах за них подписывались другие.

Безбрачие и двубрачие

Церковь долго колебалась в вопросе о безбрачии для клириков. Целомудрие считалось необходимым качеством для церковных пастырей: на монахов и анахоретов смотрели как на наиболее достойных христиан. Суровый Ориген утверждал: «Совершенному иерею не подобает сношения с женой». Но это мнение разделяли далеко не все. Другие богословы указывали на то, что и сами апостолы были женаты. Климент Александрийский, Тертуллиан и «Правила апостольские» советовали поставлять в епископы, пресвитеры и диаконы одноплачных, то есть женатых один раз. Если же под предлогом благочестия они «изгонят» жену, то должны лишаться сана.

На Никейском соборе (325 год) было внесено предложение сделать целибат, то есть безбрачие, обязательным для всех церковных служителей, и многие его одобрили. Тогда с возражением выступил человек, которого высоко чтит именно как подвижника, — Пафнутий Фиваидский. Он напомнил, что апостол Павел называет брак «честным» (Евр. XIII, 4), значит, нет причин требовать от всех быть безбрачными: это наложит слишком тяжелое бремя и принесет Церкви больше вреда, чем пользы. Собор постановил сохранить существующее статус-кво и оставить за клириками право выбора. Поэтому в первые четыре века в Церкви встречались как женатые, так и безбрачные священники.

Однако полсотни лет спустя на Западе вышло послание римского папы Сирикия (Сириция), которое послужило основанием для установления целибата. Он низложил всех священников и диаконов, которые после принятия сана продолжали жить со своими женами и производить на свет детей. Другой папа, Лев I, писал, что, если принявший сан священника женат, он не должен разводиться, но должен жить со своей женой безбрачно, как с сестрой, чтобы супружество из плотского стало духовным. У таких духовных жен было даже особое название — «епископа».

На Востоке этому правилу не последовали. Многие епископы по-прежнему были женаты и имели семьи. Святитель Григорий Богослов родился, когда его отец был епископом. Синесий Птолемаидский прямо заявил, что не может отказаться от своей жены: «Я не хочу ни разлучаться с ней, ни

жить тайком, словно в недозволенной связи. Первое противно благочестию, второе — законам; но я желаю иметь от нее много прекрасных детей». Более того, он отказывался быть епископом, если ему не разрешат заниматься неоплатонической философией. В письме брату он писал, что оставляет за собой право придерживаться своих взглядов на происхождение души, воскресение плоти и вечные муки. Несмотря на такое вольнодумство, его все-таки посвятили в епископы — и притом женатым.

Проблема была в том, что на практике девство всегда уважалось больше брака, и Церкви приходилось с этим считаться. Со временем повсеместно вошло в обычай, чтобы по крайней мере епископы были безбрачными. Юстиниан уже решительно требовал, чтобы избирающийся в епископы никогда не был женат и не имел детей. Трулльский собор (692 год) признал обязательность celibата для епископов, но высказался против безбрачия священников и диаконов. После собора жены всех епископов были вынуждены уйти в монастырь, где они получали от бывших мужей денежную помощь. Однако это правило часто не выполнялось, и жены продолжали жить в епископских домах. Спустя четыреста лет императору Исааку Ангелу пришлось выпускать особый указ о пострижении жен епископов в монашество.

Не менее сложным оказался вопрос о двубрачии диаконов и священников. Второй брак для духовного лица считался не то чтобы недопустимым, но нежелательным. (Под вторым браком подразумевалась не только вторая женитьба, но и женитьба на женщине, ранее уже состоявшей в браке.) Амвросий Медиоланский разъяснял: мы не запрещаем вступать во второй брак, но и не советуем. Златоуст говорил, что, если вдовец вступает в новый брак, это показывает его неверность к умершей жене — а как можно доверять человеку неверному дела Церкви? Феодор Мопсуестский на это возражал, что вдовец не виноват, что у него умерла жена, и если он жил с ней верно и честно и так же будет жить с другой — это не основание, чтобы не допускать его к священству.

В конце концов было решено, что в духовенстве не должно быть лиц, женатых дважды, женившихся на вдовах или на женщинах сомнительной репутации, в том числе актрисах. Запрещалось также вступать в брак после принятия сана: если хочешь жениться, это надо сделать до того, как ты стал свя-

щенником или диаконом, после уже нельзя. Исключение делалось для тех, кто при вступлении в сан делал оговорку, что не может оставаться безбрачным.

Двоеженство

Жена Валентиниана I Севира, мывшаяся в бане вместе со своей служанкой Юстиной, однажды сказала мужу, что никогда не видела такой женской красоты. Эти слова запали императору в душу, и он решил жениться на Юстине, не порывая, однако, с первой женой. Для этого ему пришлось выпустить постановление, что каждый житель государства может иметь двух жен. Таким образом, на какое-то время в империи было официально признано двоеженство.

Синисакты и субинтродукты

Примерно с III века в Церкви появилось необычное явление, сразу ставшее очень популярным: духовный брак с «субинтродуктами». Слово «субинтродукты» — производное от латинского *virgae subintroductae* — означает «сводные девы», по-гречески «синисакты». На Востоке их обычно называли духовными женами и «возлюбленными сестрами», а на Западе — конкубинами. По сути, речь шла о сожительницах клириков, которые из-за обета безбрачия не могли иметь законных жен, но продолжали находиться в женском обществе.

Начало этой инициативе положили несколько подвижников, которые практиковали странный аскетизм: жили в одном доме с девами, посвятившими себя Христу. Предполагалось, что отшельники разного пола просто объединяют свои усилия, чтобы вместе вести праведную жизнь и служить Господу. Этот пример оказался настолько заразительным, что скоро с девами стали сожительствовать не только аскеты, но и духовные лица: епископы, священники, диаконы. У некоторых диаконов их было по четыре-пять, что не мешало им становиться впоследствии епископами.

Церковь с самого начала отнеслась к этой практике крайне неодобрительно. Иоанн Златоуст прямо называл ее растлением под видом подвижничества. Григорий Богослов, Григорий Нисский и Киприан Карфагенский обличали сожительствовавших с женщинами клириков, советуя им лучше женить-

ся, раз уж они не могут хранить целомудрие. Тем не менее синисактизм широко распространился как на Востоке, так и на Западе. Для оправдания сожителства приводились самые разные причины. Например, дева осталась сиротой, значит, кто-то должен о ней заботиться. Если она богата, мужчина помогает ей распоряжаться имуществом, если бедна — она ведет его хозяйство, готовит, шьет, накрывает на стол, омывает ноги. Мужчины называли другие причины: они помогают слабым женщинам, заботятся о них, а сами получают «духовное утешение».

В сожителстве с субинтродуктами имелись все признаки брака, кроме плотской связи. Фактически это была попытка создать новый христианский брак без секса. Предполагалось, что «супругов» в таком союзе связывают чисто платонические отношения. Что дурного в том, если мужчины и женщины живут под одной крышей, соблюдая целомудрие и не имея дурных мыслей? На самом деле подобные связи создавали большой соблазн при полном отсутствии контроля. Подозрительно было уже то, что в подружки выбирали только молодых и красивых женщин. «Семейные пары» относились друг к другу с большой нежностью, ревновали, привязывались так, что наотрез отказывались расставаться, несмотря ни на какие пересуды и запреты. Когда епископу Леонтию Антиохийскому запретили жить с Евстолией, тот предпочел оскотить себя, но оставить ее в своем доме. Духовные жены и мужья часто жили в одной комнате или приходили друг к другу по ночам («но не для всенощных бдений», замечал Златоуст), вместе нежились в постели, целовались, обнимались. Тем не менее девы возмущались, когда кто-то начинал подозревать их в разврате: они заявляли, что остаются девственницами и готовы подвергнуться осмотру акушерок. Некоторые каждый день вызывали к себе повивальных бабок, чтобы те свидетельствовали их непорочность. Киприан возражал, что такие свидетельства еще ничего не значат: дева может оставаться девственной телом, но не душой и не всякий разврат оставляет телесные следы. Епифаний Кипрский прозрачно намекал, что «духовные мужья» прибегают к онанизму, чтобы их подружки не забеременели. Тем не менее, как писал Тертуллиан, иногда их выдавал доносившийся из дома детский плач.

Критика духовенства

Жалобы на невысокий нравственный уровень духовных па-
стырей появились намного раньше, чем Церковь заняла
господствующее положение в империи. Уже в III веке Ори-
ген сокрушался, что Церковь «вместо дома молитвы преврати-
лась в разбойничью пещеру из-за жадности и роскоши неко-
торых христиан», к числу которых относились и «главы народа
Божия». После реформ Константина положение изменилось
к худшему. Прилив огромного числа верующих и строитель-
ство большого числа храмов потребовали массового «призыва»
новых клириков. К чему это приводило, ясно видно из книг
и выступлений известных проповедников той эпохи. Читая их
гневные речи против пороков духовенства, можно подумать,
что в высших кругах Церкви собирались отбросы общества.
Даже если учесть, что многое говорилось в обличительном или
нравоучительном запале, со свойственными в то время ритори-
ческими преувеличениями, картина все равно получалась
удручающая.

Григорий Богослов, например, писал, что священство —
это открытая дверь, куда входит кто попало: пьяницы, бро-
дяги, обманщики, льстецы, ожиревшие чревоугодники. «Лев,
ехидна, змея более великодушны и кротки по сравнению
с дурными епископами, исполненными гордости и не имею-
щими и искры любви». Он обвинял их в чванстве и обжор-
стве, описывая, как после обильной трапезы, «едва переводя
дух от пресыщения», они влекут свое «больное чрево» на сле-
дующий пир.

Златоуст был такого низкого мнения о духовенстве, что со-
ветовал благотворителям не раздавать деньги через клири-
ков: «Это все равно что вливать свою собственность в море». Примеров воровства и мошенничества среди церковных чи-
нов было сколько угодно. Про Антонина Эфесского писа-
ли, что он разворовывал мрамор из крещален и украшал ими
свою баню, а церковные сосуды переплавлял в серебро и да-
рил сыну. Епископа Пелузийского обвиняли в том, что тот
раздает церковные должности своей родне, присваивает се-
бе имущество Церкви, «предается похоти, гневу, недозволен-
ной любви». Его пресвитеры составляли веселую компанию,
проводившую время в пьянстве и непотребных развлечениях.

ях, включая мужеложство. Их предводитель Зосима за взятки отпускал тяжкие грехи, а его товарищ спекулировал хлебом, перепродавая его втридорога во время голода. Чтобы скрыть личное обогащение, некоторые епископы прибегали к приему, который хорошо знаком и в наше время: они записывали церковные деньги и имущество на имя своих родственников.

Ничуть не лучше обстояло дело и на Западе. Иероним Стридонский с возмущением писал, что священнослужители держимы жаждой наживы: «Иные из духовных понемногу подают бедным, чтобы получить больше, и под предлогом благотворительности наживают богатства». Заботу о бедных использовали как наживку, чтобы подцепить кошельки сердобольных матрон. Некоторые клирики втирались в доверие к бездетным старикам и вдовам, чтобы те оставили им наследство. Другие под видом духовников совращали замужних женщин и заводили себе наложниц из служанок. «Пастыри Церкви ищут больше благ земных, а не спасения душ, — сетовал Амвросий Медиоланский. — В настоящее время нет ничего легче, веселее и приятней должностей епископа и пресвитера». Спустя два века Григорий Великий продолжал обрушивать на пастырей град упек: они не имеют любви и хотят быть господами; простой народ обирают, а перед властью пресмыкаются ради подарков; расхищают чужое добро и живут мирской жизнью.

Многие считали, что главным источником церковных смут являются не богословские разногласия, а страсти и пороки епископов. «Предлогом споров у нас Святая Троица, — негодовал Григорий Богослов, — а истинной причиной — невероятная вражда. На словах только и слышишь от пастырей “о попечении душ”, а на деле они больше всего заняты “сборами и поборами” со своих пасомых». Евсевий Кесарийский сокрушался, что среди епископов процветают зависть, ненависть и раздоры: вместо того чтобы быть рабами Христовыми, они соперничают друг с другом, старясь урвать побольше власти и богатства. Иоанн Златоуст, сам ставший жертвой церковных интриг, замечал, что епископ боится своих ближних и сослужащих так же, как тиран боится телохранителей: потому что «никто столько не домогается его власти и никто лучше всех других не знает дел его, как они».

Властолюбие и жадность пастырей усугубляла варварская грубость нравов, проявлявшаяся в самодурстве и рукоприкладстве. Провинившихся или чем-то не угодивших им кли-

риков высшие чины избивали посохом, таскали за бороду, выбивали зубы. Некто Вассиан описывал, как Мемнон Эфесский посвящал его в епископы какого-то «ничтожного селения»: «Я не хотел принимать на себя управление епископством, поэтому Мемнон от 3 до 6-го часа бил меня перед алтарем, так что и св. Евангелия, и алтарь обогрены были кровью». Александрийский папа Феофил, разгневавшись на монаха Аммония, набросился на него с кулаками и едва не задушил собственным омофором — епископской лентой, символизирующей архиерейскую власть.

Глава вторая. Дела административные

Структура

В Римской империи не знали такого понятия, как «национальная церковь»: не было церкви греческой, итальянской и т. п. Существовали только административно-географические деления внутри страны, которым почти точно соответствовала и церковная структура.

Основной единицей государственного управления являлись провинции. Сначала они делились на сенатские, где царил мир, и императорские, где было беспокойно и могли вестись военные действия. В сенатские провинции назначали проконсулов, которые совмещали гражданскую и военную власть, а в императорские — наместников, обладавших только военной властью. После Диоклетиана эта система усложнилась. В Риме существовала должность префекта претория — главы личной преторианской гвардии императора. Поскольку при Диоклетиане высших правителей стало четыре (два императора с титулом цезаря и два наследника-августа), то и префектов тоже сделали четыре, а сами префекты из военных лиц превратились в гражданских, руководивших четырьмя префектурами, на которые теперь делилась вся империя: Восточную, Илирийскую, Галльскую и Италийскую. Префектуры, в свою очередь, делились на диоцезы, которыми управляли викарии, а диоцезы — на провинции, которыми ведали прецизы.

Восточная Римская империя состояла из двух префектур: Восточной и Илирийской. В первую входило 5 диоцезов, раз-

деленных на 46 провинций, во вторую — 2 диоцеза и 11 провинций. Западная часть империи включала две оставшиеся префектуры: Итальянскую с 3 диоцезами и 20 провинциями и Галльскую, состоявшую из 7 провинций. Всего в империю входило 4 префектуры, 13 диоцезов и 86 провинций.

В Церкви аналогом провинций были епархии (по-гречески «епархия» и есть провинция), которые возглавляли митрополиты. На деле епархий было намного меньше, чем провинций, потому что епископов в провинции часто было слишком мало и они не могли образовать епархию. Поэтому одна епархия могла включать в себя несколько провинций. Епархии делились на епископии во главе с епископами, подчинявшимися митрополиту.

Митрополиты стояли над другими епископами как старшие и высшие епископы. Но и митрополиты между собой были неравны. Существовали официально утвержденные списки митрополитов, в которых каждый из них занимал определенное положение. Согласно этим спискам митрополитов рассаживали на соборах: чем выше место, тем больше почета и веса. Митрополиты могли повышаться и понижаться, и это сразу чувствовалось по тому, какое место они занимали на соборе. Епископ Фессалоник, например, когда-то сидел на первых местах, но после подчинения фессалоникийской кафедры константинопольской его значение резко упало, и он спустился на шестнадцатое место.

Выше митрополитов стояли экзархи, или архиепископы, под началом которых находилось несколько епархий. В гражданском административном делении им соответствовали экзархи диоцезов, объединявших несколько провинций. Еще выше в Церкви стояли патриархи — они соответствовали префектам преторий. Титул экзарха не прижился, и на практике за митрополитами сразу следовали патриархи. Сначала патриархами называли самых старых и почтенных епископов, потом так стали именовать экзархов, а затем — только самых крупных из них.

Правило 38

38-е правило Пятошестого Трульского собора гласило: «Отцами нашими положенное сохраняем и мы правило, гласящее тако: аще царскую властью вновь устроен, или впредь устроен бу-

дет град: то гражданским и земским распределениям да следует и распределение церковных дел». Это означало, что, если новый император возвышал значение какого-нибудь города или приказывал построить новый, тем самым он вносил изменение и в церковную жизнь: возвышенный город превращался в центр округа церковного, то есть нескольких епархий, а селение, возведенное в ранг города, становилось центром новых епархий.

Пентархия

В истории Церкви большое значение имел вопрос о старшинстве церковных кафедр. Представители крупных церквей часто спорили между собой, выясняя, какая из них выше и кому подобает больше почестей. Поставить Александрийскую церковь ниже Антиохийской значило смертельно ее обидеть. Обе ревниво смотрели на Константинопольскую церковь, быстро набиравшую вес и оттеснявшую другие, более старые и заслуженные. Еще больше претензии Константинополя возмущали Рим, изначально считавший себя высшим и непререкаемым авторитетом.

До возвышения Константинополя империя имела три столицы: Рим, Александрию и Антиохию. Поэтому и в ранге патриархов Иерусалиму, городу Христа, отводилось не первое, а всего лишь почетное четвертое место. Затем в «тройке лидеров» появился Константинополь, хотя не имел на это никаких церковных прав. Константинопольская церковь не могла похвастаться ни древностью, ни тем, что ее основал кто-то из апостолов, как Римская, Антиохийская и Александрийская. Зато Константинополь был столицей империи, в которой жил император и сосредотачивалась государственная власть. После основания Константинополя прошло совсем немного времени, и уже на Втором Вселенском соборе он был объявлен вторым по значению после Рима, отодвинув Александрию на третье место. Правда, сначала константинопольская кафедра получила только привилегию, но не власть. Константинопольский епископ формально зависел от епископа Ираклийского как своего митрополита: ведь Константинополь был всего лишь городом, а не столицей диоцеза. Он не мог даже официально созвать собор без разрешения своего начальника. Но Константинополь и из этого сумел извлечь преимуще-

щество: созываемые в нем соборы не имели никакого статуса, значит, они могли иметь какой угодно статус. На константинопольский собор можно было в любой момент пригласить епископов, проживавших в то время в столице, и решить на нем любое дело.

Константинополь возвышался вопреки всем правилам и канонам, силой факта. Халкидонский собор только узаконил то, что уже давно существовало фактически: в его 28-м правиле было сказано, что власти Константинополя подчиняются три диоцеза — фракийский, азийский и понтийский. Митрополит Ираклийский, бывший когда-то начальником константинопольского епископа, стал его подчиненным. Кроме того, собор постановил, что патриархи могут пересматривать вопросы, решенные митрополитами и поместными соборами, причем только к константинопольскому патриарху можно обращаться из любого места Восточной империи, в том числе по делам, касавшимся других патриархов. Это поставило Константинополь выше всех церковных кафедр Востока, в том числе Александрии и Антиохии. Александрийские папы открыто возмущались, считая, что Константинополь должен признавать власть и авторитет их кафедры как более древней и наиболее влиятельной на Востоке, и нередко пытались ставить в столичные патриархи своего епископа.

После захвата Александрии, Антиохии и Иерусалима арабами значение этих кафедр резко упало. Число христиан в захваченных областях тоже сильно уменьшилось, а оставшиеся подвергались притеснениям и гонениям: им запрещалось занимать общественные должности, совершать крестные ходы и похоронные процессии, звонить в колокола и служить литургию. Христианские общины в халифате не имели права ничего продавать и покупать, в том числе и вино, поэтому для совершения евхаристии приходилось толочь сушеный виноград и смешивать его с водой. Христианские храмы разрушались или облагались огромными налогами, епископов сажали в тюрьму, у простых верующих отнимали имущество и даже детей, казнили их по первому доносу. Христиан заставляли одеваться в нелепую и унижительную одежду, вешать на себя пестрые лоскуты и бахрому, носить особый деревянный крест со свинцовой печатью, а на их домах размещали изображения собак, обезьян и самого дьявола. Мусульманские власти нарочно сеяли раздоры между разными ветвями христиан-

ства и покровительствовали сектантам, которые были врагами их врага — Византийской империи.

В результате число христиан в Египте сократилось с нескольких миллионов до десятков тысяч, из которых большинство были еретики-яковиты. В православной Александрийской церкви осталось не больше десяти епископов. Местные христиане перестали говорить на греческом и перешли на арабский. Патриархами все чаще становились незначительные, малообразованные люди, не известные сегодня даже по именам. Христианство на Востоке угасало, превращаясь в малочисленную группу жителей мусульманских государств.

Несмотря на это, Церковь продолжала строго держать учения о пентархии — главенствовании пяти патриархов: римского, константинопольского, александрийского, антиохийского и иерусалимского. Считалось, что власть пяти патриархов божественна, дарована им Господом и их решения обязательны для всех. Бог основал Церковь на пяти патриархах, их правление будет вечным. Пять патриархий так же необходимы для полноценной жизни Церкви, как пять чувств — для полноценной жизни человека.

Рим

Значение Римской и Константинопольской церквей выросло благодаря особому положению этих городов в государстве. И тот, и другой были столицами, крупными центрами, где находилась власть и куда стеклось множество людей с разных концов империи. К тому же на Западе Рим был единственным городом, в котором существовала древняя церковь, основанная одним из двенадцати апостолов. Авторитет «первоапостола» Петра делал римского папу неизбежным кандидатом в патриархи сначала всей Италии, а потом и всего Запада.

Несмотря на это, распространение церковной власти Рима проходило не слишком гладко. Ему пришлось преодолевать сопротивление многих авторитетных церквей, которые издавна существовали на Западе и не собирались подчиняться никаким другим епископам, даже римским. Церковь в Медиолане была основана апостолом Варнавой, а епископскую кафедру здесь долгое время занимал знаменитый Амвросий

Медиоланский, что придавало ей особое значение и вес. Она чувствовала себя настолько независимой, что во время спора «о трех главах» формально отделилась от Рима и была возвращена в ее лоно только папой Григорием Великим. Аквилейская церковь (Венеция) считалась основанной св. Марком, ее митрополиты называли себя патриархами и лишь в конце VII века признали власть римского папы. Одно время колебался сам статус Рима как главного города империи: во время нашествия вестготов император Гонорий перенес столицу в более защищенную, расположенную в горах Равенну, церковь которой также оставалась самостоятельной до VII века.

Еще трудней проходила «римизация» Галлии, одной из провинций, где христианство появилось раньше всего. Епископом Лиона был известный Иринеи, ученик Поликарпа, который, в свою очередь, был учеником апостола Иоанна. Галльская церковь очень дорожила своей самостоятельностью, и даже низложенные ею епископы не обращались за помощью в Рим, хотя в других местах это было обычным делом. Только при Льве Великом Рим при поддержке императора Валентиниана III заставил церковь в Арле восстановить низложенного епископа Келидония: он был осужден за то, что, будучи до возведения в сан государственным судьей, выносил смертные приговоры и женился на чужой невесте.

Но сильней всего сопротивление было в Африке. Первая попытка Рима вмешаться в африканские дела окончилась провалом. Еретики Пелагий и Целестий, потерпев неудачу в Карфагене, обратились за «справедливостью» в Рим. Они так оболестили папу Зосиму, что тот сделал строгий выговор африканским епископам за то, что они преследуют таких замечательных людей, как Пелагий и Целестий, из-за всяких пустяков. В ответ в Карфагене собрали собор и обратились к императору Гонорию с просьбой выпустить эдикт против пелагиан, что тот и сделал. Зосима, оказавшись в глупом положении, поспешил присоединиться к этому эдикту и разослал свою эпистола с осуждением еретиков.

В 418 году африканский епископ Урбан, ученик и друг Августина, низложил некоего пресвитера Апиария. Тот, вопреки канонам, требовавшим, чтобы обиженные священники искали суда только у местного собора, обратился в Рим. Папа Зосима принял его апелляцию и послал в Карфаген своих легатов, требуя восстановить Апиария, а Урбана низложить

и привезти для суда в Рим. Свои притязания на вмешательство Зосима обосновывал на некоторых правилах Сердикского собора, которые он выдавал за никейские. В ответ африканцы созвали собор и разослали людей в Константинополь, Александрию и Антиохию, чтобы проверить свои списки деяний Никейского собора. Когда документы из этих городов были доставлены и никаких правил, на которые ссылался Зосима, там не оказалось, их перевели на латинский язык и молча отправили в Рим, не снабдив даже комментариями. Римскому папе пришлось проглотить этот ответ.

Однако дело на этом не кончилось. Апиарий был прощен и восстановлен Карфагенской церковью, но затем опять низложен — и снова обратился в Рим. Папа — им был уже Целестин I — опять поддержал его просьбу и снова послал в Карфаген своих легатов. На созванном там соборе оказалось, что Апиарий виновен во многих преступлениях и заступничество римлян неуместно. Собор отправил папе Целестину послание, в котором говорилось, что африканская церковь следует никейским правилам и сама может решать свои дела. Папу просили больше не присылать легатов и не навязывать своих решений, поскольку это не предусмотрено церковными канонами и показывает мирское властолюбие Римской церкви.

Африка была настолько сильна и независима, что, если бы не нашествие варваров, Риму, возможно, так бы и не удалось установить свою власть над Карфагеном. Но в 429 году вандалы завоевали Африку и навсегда подорвали могущество местной церкви. Сопротивляться авторитету Рима стало некому. Сто лет спустя папа Лев Великий уже писал Карфагену повелительным тоном, и его первенство здесь никем не оспаривалось.

Совсем другие отношения сложились у Рима с восточной частью империи. Если на Западе власть Рима была естественна и всеми признана, то на Востоке дело выглядело совсем иначе. Здесь было много кафедр, основанных апостолами, и Рим считался только одной из них. Восточная церковь помнила, что само христианство в Рим пришло с Востока и первые папы писали на греческом языке. Все это не мешало римским епископам время от времени заявлять о своем первенстве, но пока у них не было никаких реальных рычагов влияния, дело ограничивалось только словами. Занятый западными делами, папский Рим до поры до времени терпимо относился к само-

стоятельности восточных церквей, однако жившая в нем идея вселенской власти постоянно поддерживала тлеющий огонек конфликта, который в конце концов превратился в большой костер.

Соборы

Соборы созывались для решения церковных дел на разных уровнях. Существовали поместные соборы, касавшиеся только одной митрополии, и соборы в масштабе патриархий, например антиохийской или александрийской. В самых важных случаях, требовавших участия всех церквей, созывали вселенские соборы. Они считались высшим церковным органом, решения которого были обязательны для всех и становились нормой и мерилом православия. Именно на вселенских соборах принимались основные христианские догматы, составлявшие фундамент церковного вероучения. Отклонявшийся от них христианин автоматически становился еретиком. Там же формулировались правила, становившиеся образцом для построения церковной жизни, в том числе административной, финансовой и судебной. Считалось, что вселенские соборы осеняет Святой Дух, поэтому его решения не могут быть ложными. «Изволися Духу Святому и нам», — писали отцы в начале соборных постановлений. Однако, хотя каждый собор называл себя святым и истинным, его настоящее значение в Церкви определялось только исторически, задним числом.

Светская власть в лице императоров активно участвовала в созыве и проведении соборов. Императорам были небезразличны их решения, поскольку они прямо отражались на политическом положении государства. Поначалу Церковь возражала против присутствия государя или его представителей на заседаниях соборов. Такие авторитетные епископы, как Осий Кордубский, Афанасий Великий, папа Либерий, требовали освободить соборы от всякого вмешательства государства. Либерий писал: «Пусть соберется церковный собор вдали от дворца, пусть на этом соборе не присутствует император, не является комит (придворный чиновник), не приходит с угрозами наместник провинции».

Но власть императора была еще не худшим врагом соборов. Опасней всего была внутренняя борьба среди разных церков-

ных течений и предстоятелей Церкви. Второй Вселенский собор в Константинополе проходил без всякого давления со стороны государства, но Григорий Богослов, насмотревшись на споры и ссоры присутствовавших на нем епископов, отказался впредь участвовать в каких-либо соборах и на приглашение приехать на один из них с горечью ответил: «Я принял за правило не являться на эти собрания. Много я видел на своем веку соборов, но не помню ни одного, после которого дела пошли бы лучше, чем прежде».

На Четвертом Вселенском соборе послы папы уже сами требовали участия императора в проведении собора, и требовали именно в интересах церковной свободы. Государственная власть в какой-то степени гарантировала участникам соборов независимость от давления со стороны более сильной церковной партии. Без нее иной собор мог превратиться просто в побоище. Иногда императоры только с огорчением наблюдали, как распаленные враждой епископы готовы броситься друг на друга чуть ли не врукопашную. В других случаях они открыто навязывали соборам свою волю и заставляли чашу весов склоняться на свою сторону. Дело осложнялось тем, что никакого инакомыслия и отклонений от принятого большинством решения не предусматривалось. На соборе нельзя было воздержаться и выразить особое мнение. Все решения принимались единогласно, а самые упорные лишались сана, отлучались от Церкви и подвергались ссылке.

В отличие от вселенских соборов, созывавшихся в исключительных случаях, соборы внутри епархий должны были собираться дважды в год. Об этом говорили апостольские правила, решения Никейского, Антиохийского и Халкидонского соборов. Позже император Юстиниан, Трулльский и Седьмой Вселенский соборы требовали проводить соборы хотя бы раз в год, под страхом наказания и контролем со стороны властей. Несмотря на это, епархиальные соборы собирались все реже. Соборность была проявлением духа демократии, здесь каждый участник мог высказать свое мнение наравне с другими. Церковь же становилась все более централизованной и иерархичной. Соборы были невыгодны ни митрополитам, которые видели в них ущемление своих прав, ни епископам, которые, чувствуя за собой какие-нибудь провинности, предпочитали сидеть в своих епархиях и не выносить проблемы на общее обсуждение. Да и о чем можно было говорить на собо-

рах, если вся церковная жизнь строилась на строгой вертикали «начальник — подчиненный» и любые вопросы решались ходатайством в вышестоящие инстанции? Вся власть сосредоточилась в руках патриарха, который осуществлял ее через митрополитов на епископов, а те — на священников и паству. Епископы настолько зависели от митрополита, что не решались подписывать бумаги на соборе, если не были уверены, что до них это уже сделал их митрополит.

Имущество Церкви

Первые три века епископ и весь клир кормились только за счет пожертвований верующих. В самом начале существовали добровольные приношения по воскресеньям: хлеб, вино, масло — и экстренные сборы по отдельным случаям. Дары приносились не Церкви, а беднякам, клирики были только посредниками, распределявшими эти дары среди неимущих и бравшие их часть себе на содержание.

С V века это положение изменилось. В храмах появились ежемесячные сборы, а сами приношения стали обязательными, в виде «начатков» и «десятин». (Эти понятия были взяты из Ветхого Завета: десятин — десятая часть доходов каждого христианина, выделяемая в пользу Церкви; начатки — первые плоды урожая, первый испеченный хлеб и т. п.) Приношения делались уже не для бедных, а для клира и храма. «Постановления апостольские» говорили: «Епископа вы должны любить, принося на благословение ваше плоды ваши и дела рук ваших, и дары ваши — начатки хлеба, вина, елея, яблок, шерсти». Киприан Карфагенский напоминал, чтобы молящиеся не приходили к Богу с пустыми руками, иначе их молитва будет бесплодна: недостаточно просто молиться — надо что-то отдавать. Считалось, что все, что отдается епископу и священнику, тем самым благословляется и умножается. Все приношения разделялись согласно церковной иерархии: епископу доставались четыре части, пресвитеру — три, диакону — две, младшим чинам — по одной. Только незначительные остатки раздавались бедным, но эта часть постепенно становилась все меньше и, наконец, исчезла совсем.

Церковь была разборчива в отношении дарителей и принимала приношения не от всех, а только от достойных, спе-

циально выясняя, откуда жертвователи получали доходы и не нажиты ли эти средства нечестным путем. Не принимались пожертвования от лиц с дурной репутацией, замеченных в обмане и воровстве, от кормщиков, купцов и адвокатов, нечистоплотных в своей профессии, от судей, торгующих правосудием, от преступников, убийц, палачей, пьяниц, развратников, ростовщиков. На вопрос — как же тогда будут содержаться вдовицы и бедные? — «Постановления апостольские» давали ответ: «Лучше погибнуть, чем принять что-то от врагов Божьих». В крайнем случае можно было взять от них деньги на покупку дров и угля, чтобы предать «дары нечестивых» огню. Помощь тоже раздавали не всем, а только тем, кто не мог себя прокормить. Церковь предварительно выясняла, почему человек впал в нужду и достоин ли он помощи, а получавшим подавание запрещала нищенствовать.

Огромные доходы храмам и приходам приносили дары по завещанию. Умирая, благочестивые христиане оставляли имущество Церкви из милосердия, а неблагочестивые — чтобы замолить свои грехи. Иногда имущество завещали напрямую Иисусу Христу, архангелам и мученикам: все это тоже шло в церковную казну. При этом иногда случалось, что родные дети умиравших оставались без наследства. Такая практика возмущала Августина: «Кто хочет оставить свое имущество Церкви, отняв права наследства у своего сына, тот пусть ищет другого епископа, а не Августина, и дай Бог, чтобы он не нашел никого, кто захотел бы принять такое наследство». Но шепетильный Августин был исключением из правил. Епископ Сальвиан Марсельский считал, что все имущество надо оставлять не детям, а Церкви. «Нужно больше всего заботиться о спасении своей души. Что толку, если богач обогатит своих детей, а себя обречет на вечную погибель?» Вера важнее, чем родительская любовь: пусть лучше дети станут бедняками, чем их родители окажутся нищими в Царствии Небесном.

Нередко служители Церкви сами выпрашивали или вымогали у богатых христиан дорогие предметы или охотились за наследством. Злоупотребления были так вопиющи, что император Валентиниан I запретил клирикам и монахам входить в дома вдов и сирот, поскольку именно они чаще всего оставляли свое имущество по завещанию, причем не обязательно Церкви вообще, а какому-нибудь частному ее представителю.

По этому закону все завещания в пользу монахов и духовных лиц были признаны недействительными.

Другим важным источником церковных средств служили дары государства, денежные и земельные. Последние были настолько велики, что к VI веку церковные земли занимали десятую часть всей территории империи. В сокровищницах крупных церквей хранились огромные запасы золота. Оправдывалось это тем, что таким образом Церковь могла помогать бедным и творить дела милосердия. Действительно, Церковь тратила на благотворительность большие средства. На ее деньги открывалось множество приютов и больниц, раздавался хлеб, строились мосты, возводились дома и прокладывались каналы. Так называемая «Василиада», построенная в Кесарии Василием Великим, представляла собой целый город, состоявший из больниц, богаделен, сиротских и странноприимных домов.

Но была в этом и другая сторона. Церковь постепенно привыкала к богатству и получала вкус к роскоши. Если в сельских областях еще сохранялись простота и бедность, то в крупном городе быть епископом становилось выгодно в чисто материальном смысле. Порой это приводило к безобразным сценам. Выше уже рассказывалось, как в Риме на выборах папы Дамаса произошло настоящее побоище, было убито 137 человек: их трупы остались лежать в базилике, где происходило голосование. Описавший это событие историк Аммиан Марцеллин замечал, что его не удивляет столь страстное желание занять место епископа: великолепие и роскошь папских выездов, одежд и пиршеств порой превосходят царские. Префект Рима в шутку говорил Дамасу, что с радостью станет христианином, если его сделают римским епископом. Пышность епископской жизни быстро вошла в привычку и стала восприниматься как норма, отклонение от которой считалось странным и даже вызывало осуждение. Григория Богослова, по его собственным словам, порицали за то, что у него не было «ни богатого стола ни соответствующей сану одежды, ни торжественных выходов, ни величавости в обхождении». Покидая кафедру константинопольского патриарха, он жаловался: «Не знал я, что мне должно входить в состязание с консулами, правителями областей, знаменитейшими из военачальников, которые не знают куда расточать свое богатство, что и мне, роскошествуя из достояния бедных, надобно обременять свое чрево, употреблять

необходимое на излишества, изрыгать на алтари. Не знал, что и мне надобно ездить на отличных конях, блистательно выскочить на колеснице, что и мне должны быть встречи, приемы с подобострастием, что все должны давать мне дорогу и расступаться передо мною, как перед диким зверем, лишь только издали увидят мое шествие». Именно так себя вел его преемник Нектарий, представитель знати, неожиданно ставший патриархом, — при полном одобрении столичных христиан. Когда же его сменил Иоанн Златоуст, аскетический образ жизни патриарха оказался вызывающим и ненормальным. Он не устраивал пышных приемов и обедов, поэтому стали подозревать, что он пирует тайком, за закрытыми дверями. «Недостаток великолепия» был одним из официальных пунктов обвинения на соборе, низложившем и изгнавшем Златоуста.

Плата за рукоположение

В Церкви с IV века утвердился обычай брать деньги за рукоположение в священный сан. Это была своего рода узаконенная симония, укрепившаяся вопреки всяким правилам и запретам. Халкидонский собор запретил «продавать благодать», однако традиция и повсеместная практика победили, и на платную хиротонию стали смотреть как на что-то обычное и естественное. Григорий Великий писал: «За рукоположение брать запрещено. Но если кто по рукоположении, без принуждения и не по просьбе, в виде благодарности даст известную сумму посвящающим, то принять не возбранено». Разумеется, епископы охотно пользовались этой лазейкой. На епископскую кафедру стали смотреть как на доходное место. Существовали установленные тарифы: с посвящавшихся в богатые епархии брали больше, в бедные — меньше. Юстиниан оформил это в своих новеллах с бухгалтерской точностью: цена хиротонии составляла от 13 до 18 процентов от годового дохода церкви, в которую поставлялся епископ. Поэтому митрополиты были заинтересованы в том, чтобы хиротонисать как можно больше епископов и иметь под своим началом как можно больше епархий. Константинопольскому патриарху, наоборот, было выгодно, чтобы епископы из отдаленных епархий подчинялись напрямую ему, а не своим митрополитам. То же самое относилось и к монастырям. Так возникли

автокефальные епископы и ставропигиальные монастыри, подчинявшиеся непосредственно патриарху.

Для того чтобы получить должность, надо было быть небедным человеком. Евсевий Анкирский жаловался, что поставление в митрополиты его разорило: он был избран своим городом, а за посвящение пришлось заплатить огромную сумму патриарху. Впрочем, епископ, заплативший за свое рукоположение, мог компенсировать свои затраты, рукополагая за деньги низших чинов: священников, диаконов, чтецов и т. д. Как между митрополитами шла борьба за пограничные епархии, так и между епископами — за спорные приходы: каждый из них давал доход. В XI веке император Исаак Комнин постановил, чтобы миряне платили содержание епископу в зависимости от количества «дымов», то есть домов, в их селении. Например, с деревни в тридцать «дымов» епископ получал одну золотую и две серебряные монеты, одного барана, по шесть мер вина, пшеничной муки и ячменя и тридцать кур. С десяти «дымов» ему полагалось только пять серебряных монет, ягненок, по две меры ячменя, муки и вина и десять кур. Вступавшие в брак платили епископу особую подать: жених давал золотую монету, а невеста — двенадцать локтей холста.

Таковы были законные, предусмотрены государством средства и доходы Церкви. Но епископы и пресвитеры не всегда и не везде жили только за счет церковных средств. Среди них были ювелиры, судьи, пастухи, садовники, кораблестроители, портные и даже губернаторы. «Нет ни одного мирского дела, которым ни занимались бы священники», — замечал Григорий Великий. Киприан писал, что епископы наживались на торговле и занимались ростовщичеством, давая займы деньги из церковной кассы, а из правил Трулльского и Седьмого Вселенского соборов ясно, что священники иногда содержали кабаки и даже публичные дома.

Глава третья. Церковь и государство

Свобода и совесть

В эпоху гонений апологеты христианства убедительно выступали за свободу совести и против принуждения в религиозной сфере. Тертуллиан писал, что каждый человек «имеет

естественное право и власть почитать то, что он признает достойным поклонения. Нерелигиозно принуждать кого бы то ни было к религиозному почтению. Его должно воздавать добровольно, не вследствие насилия». Он считал, что язычники, принуждая христиан к поклонению своим богам, противоречат сами себе: «Смотрите, не послужит ли доказательством вашей нерелигиозности и то, что вы отнимаете у нас религиозную свободу и налагаете запрет на наше стремление к Боже-ству, так что мне не позволяют почитать, кого я хочу, и принуждают меня почитать, кого не хочу. Ведь никто, ни даже человек, не пожелает, чтобы его чтили поневоле».

Тертуллиану вторил Лактанций: «Нет нужды прибегать к насилию, потому что нельзя вынудить к религии; чтобы возбудить ее добровольно, нужно действовать словами, а не ударами. Нужно защищать религию не убивая, но умирая; не жестокостью, а терпением; не злодеянием, а честностью. А если ты вздумаешь защищать религию кровопролитием, истязаниями, злодеяниями — ты не защитишь, а опозоришь и оскорбишь ее. Ибо нет ничего в такой мере свободного, как религия, и если в приносящем жертву нет сердечного расположения, то религия уже подорвана, уже ее вовсе нет».

Но эти и подобные им слова говорились только до тех пор, пока христианская вера была гонимой и власть еще не встала на ее сторону. После того как Константин Великий придал Церкви законный статус и сделал ее частью империи, отношение христиан к властям и их роли в религиозной жизни резко изменилось. Среди пастырей того времени — а это была эпоха расцвета богословия и великих деятелей Церкви — почти не слышно голосов, предупреждавших об опасности союза с государством или подвергавших сомнению его полезность. Наоборот, идея об использовании административного ресурса в лице судов, полиции, армии и т. п. была повсеместно принята с одобрением и даже восхищением. Именно епископы, а не императоры чаще всего выступали инициаторами вмешательства монаршей власти в вопросы веры. Если императоры сами не входили в церковные дела, епископы осыпали их возмущенными упреками, напоминая о христианском долге государя.

Сам Константин Великий долго не хотел углубляться во внутренние дела Церкви: он видел свою задачу в том, чтобы восстановить справедливость по отношению к христиа-

нам как равноправным гражданам страны. Какое-то время государству действительно удавалось соблюдать баланс между христианством и язычеством, не ущемляя интересы ни тех, ни других. Но Церковь не устраивала такая беспристрастность. Добившись равноправия с язычеством, христианство на этом не успокоилось и стало притеснять язычников, то есть делать то, чем само возмущалось еще недавно, призывая римлян к свободе совести. Христиане рассуждали так: их вера — истинная религия, которая ведет к добру. Прийти к добру хорошо, даже если к этому принуждают силой. Поэтому надо силой приводить к христианству.

Эта логика ясно выражена в житии святого Порфирия Газского. Святой приводил несколько аргументов, почему полезно принуждать к христианской вере. Даже если ты из страха приходишь в церковь, то, хотя и по необходимости, познаешь доброе. Со временем твое сердце может смягчиться, и ты станешь добрым христианином, а если этого не случится, то хотя бы твои дети и внуки будут истинными христианами. Таких же взглядов придерживались Амвросий Медиоланский, Блаженный Августин, Григорий Великий. Последний налагал на крестьян из язычников более тяжелые налоги, чтобы они хотя бы из материальных соображений стремились перейти в христианство. Если и это не помогало, он советовал прибегать к мерам физического воздействия: язычников-рабов, живших на церковных землях, подвергать избиениям и пыткам, а свободных — сажать в одиночные камеры.

На рубеже

Первое вмешательство императоров в церковные дела было связано с расколом донатистов. В эдикте 313 года, адресованном проконсулу Африки, Константин предоставил свободу от всех повинностей только православным христианам, не считая донатистов равноправными членами Церкви. Донатисты немедленно обжаловали этот указ, выставив себя обижаемой стороной и прося справедливости у императора. Константин повелел созвать специальный собор в Риме, который осудил донатизм как ересь. Недовольные донатисты добились созыва нового собора в Арле, который принял то же решение. Тогда они обратились напрямую к императору. Кон-

стантина это возмутило: «Какое безумное упрямство! Просят у меня суда, когда я сам ожидаю суда Христова!» Но после долгих просьб и уговоров император согласился выступить судьей в церковном деле и приговорил донатистских епископов к конфискации. Однако спустя пять лет этот приговор был отменен, и донатисты пользовались полной свободой вплоть до смерти Константина.

После Первого Вселенского собора установилась практика, когда государственная власть подтверждала решения Церкви карательными мерами. Если собор признавал то или иное учение еретическим, его представители отправлялись в ссылку, храмы отбирались, книги сжигались, а те, кто пытался их укрыть, преследовались вплоть до смертной казни. Представители Церкви, во время гонений выступавшие за свободу веры и недопустимость какого-либо насилия и преследования за религиозные убеждения, теперь не только не возмущались таким вмешательством государства, но даже настаивали на нем. Они считали естественным, что император-христианин отстаивает истинную веру и делает все возможное для ее утверждения. Но как император должен был решать, какое учение является истинной, а какое — заблуждением? Догматы устанавливались соборами, однако не все соборы говорили одно и то же: нередко они принимали взаимоисключающие решения, и тогда именно императору приходилось выбирать, на чью сторону вставать и кого поддерживать всей силой государства. Получалось, что император оказывался высшим судьей в решении церковных споров, последней инстанцией, даже более важной, чем сами соборы. Если соборы судили о догматах, то император судил сами соборы. То же самое происходило каждый раз, когда возникали новые расколы и распри и спорящие стороны обращались к императорам с просьбой встать на их защиту и наказать противников.

Позже, когда власть императоров-еретиков повернулась против православной Церкви, в ней вновь послышались голоса, отстаивавшие свободу вероисповедания. Снова зазвучали забытые доводы в защиту самостоятельности Церкви. Афанасий Великий писал: «Благочестию свойственно не принуждать, а убеждать. Ибо и сам Господь не принуждает, а отдает на свободное произволение, когда говорит всем: “Если кто хочет идти за Мною” (Мф. XVI, 24). Нет, не мечами и стрелами, не посредством военных отрядов, а убеждением и советом возвещается истина. А какое убеждение там, где страх от царя? Какой со-

вет там, где возражающего наказывают изгнанием или смертью?» Иларий Пиктавийский присоединился к этому мнению: «Возмущенный мир Церкви нельзя восстановить, разрозненных нельзя собрать иначе, как предоставив им полную свободу жить по своим убеждениям, без всякого рабского принуждения. Если даже вы употребили бы подобное насилие в интересах истинной веры, и тогда епископы, с их учительским авторитетом, пошли бы против вас и сказали: Бог — Господь всей вселенной, не нуждается Он в подневольном послушании, не требует вынужденного исповедания». Осий Кордубский страстно призывал цезаря: «Не мешайся в дела церковные и не давай нам приказов; не тебе нас учить в этой области, ты сам должен слушаться нас. Тебе Бог вручил царство, нам вверил Церковь. Кто подрывает твою власть, противится Богу, поставившему тебя; бойся же и ты, чтобы не впасть в тяжкое преступление, привлекая в свое заведование дела Церкви».

Правда, эти слова исходили от тех же людей, которые ранее одобряли гонения властей на ариан. Поэтому теперь, когда преследовать стали их самих, они звучали не очень убедительно. С виду получалось, что христианские епископы постоянно противоречили сами себе: то они заявляли, что насилие недопустимо по самому духу христианства, то требовали от царя покарать еретиков; то запрещали монарху смешивать Божие и кесарево, то призывали его охранять христианскую веру, углубляться в церковные споры и насаждать своей властью догматические формулы. Объяснялось это тем, что одна позиция предназначалась для инакомыслящих, а другая — для «своих». «Желая видеть светскую власть слугой Церкви, представители Церкви большею частью выше ценили покровительство императора, чем свою независимость, — замечал русский историк Болотов. — Желали, чтобы император не вмешивался в дела церковные, но еще более желали (прямо требовали), чтобы он покровительствовал православным. У них были две мерки: одна для православных, другая для заблуждающихся».

Конец язычества

После Юлиана Отступника императоры долгое время придерживались принципа невмешательства в дела в Церкви. Иовиан говорил, что разногласия — неизбежное следствие че-

ловеческой ограниченности, и разрешал каждому верить в то, что ему нравится. То же самое делали Валентиниан I, Грациан и Валентиниан II. Но самих христиан это часто не устраивало. Они требовали, чтобы власть вмешалась в церковные дела и навела в них порядок. В царствование Валентиниана I западные епископы Иларий и Евсевий Веркельский долго упрашивали императора принудить медиоланского епископа Авксентия подписать никейский символ. Валентиниан принципиально держался в стороне от Церкви. На одну из таких просьб он ответил: «Я мирянин и считаю неприличным вмешиваться в дела такого рода». Однако в этот раз он в виде исключения решил надавить на Авксентия. Тот скрепя сердце подписал символ, но в ответ попросил императора изгнать из Медиолана Илария и Евсевия, поскольку они мутят воду в чужой епархии. Валентиниан выполнил и эту просьбу.

Эпоха веротерпимости кончилась с Феодосием Великим, который, как крупный государственный деятель, считал нужным контролировать и эту важную часть человеческих отношений. В 392 году он издал указ, запрещающий все языческие культы, поскольку они оскорбляют царское величество. Были отменены все языческие праздники, погашен священный огонь в римском храме Весты, упразднены Олимпийские игры. Запрещались не только жертвоприношения и языческие ритуалы, но и просто посещение языческих храмов.

Не менее жесткая политика проводилась по отношению к неправославным христианам. «Привилегиями в делах веры должны пользоваться только соблюдающие католический закон. Мы желаем, чтобы еретики и раскольники не только были чужды этих привилегий, но и подвержены различным повинностям. Заклейменные позорным именем еретиков, они, кроме осуждения божественного правосудия, должны ожидать еще тяжких наказаний, которым по внушению небесной мудрости заблагорассудит подвергнуть их наше величество». К счастью, Феодосий был мягким и мудрым правителем и наказания применял мягкие. В Константинополе он потребовал от патриарха-арианина Димофила всего лишь признать учение о единосущии или покинуть город. Димофил выбрал последнее, и ариане стали проводить богослужения за городом. Тем не менее православная доктрина была официально утверждена как государственная, а все остальные — демонстративно уничтожены.

От веротерпимости к насилию

Наставником, советником и другом Феодосия был Амвросий Медиоланский, один из отцов и учителей католической Церкви. Амвросий считал, что императоры не должны быть судьями в церковных вопросах. «Император в Церкви, а не выше Церкви». «Не императоры бывают судьями над епископами, а епископы над христианскими императорами». Амвросий энергично возражал, когда Валентиниан II пытался отобрать у него базилику и отдать арианскому епископу Авксентию. Однако тот же Амвросий не возражал, когда Феодосий отобрал церкви у арианина Димофила и отдал их православным.

Разница была в том, что император не мог, по мнению Амвросия, вмешиваться только в дела *истинной* Церкви. Если же речь шла о еретиках, язычниках и иудеях, власть как раз обязана была вмешиваться и защищать интересы православных. Когда Валентиниан по просьбе сената хотел восстановить языческий жертвенник, Амвросий напомнил ему, что как христианин он не может помогать иноверцам. А когда толпа по наущению одного православного епископа разрушила синагогу и Феодосий хотел заставить епископа восстановить здание за свой счет, Амвросий объявил, что это поругание христианской веры и нельзя строить храмы для врагов Христа. В письме Феодосию он прямо говорил, что Церковь должна быть выше светского закона: «Тебя побуждают интересы общественного порядка. Но какой порядок выше? Главное значение в государстве всегда должна иметь религия, посему здесь должна быть умеренная строгость законов... Да и что за строгость? Ужели она должна обрушиться только за то, что сожгли общественное здание? Ведь сколько было сожжено домов римских префектов, и никто не был наказан. Итак, повели указу быть недействительным, если хочешь, чтобы не произошло потрясения. Да и сожжена-то синагога, дом неверия, нечестия и безумия. А иудеи сколько храмов сожгли при Юлиане в Газе, Аскалоне, Берите и других местах? Не мстил за церкви, а теперь будешь мстить за синагогу. Как после этого будет помогать тебе Христос?»

По мнению Амвросия, император не должен поддерживать никакой Церкви, кроме истинной. Но как определить, ка-

кая истинная? Очевидно, это дело совести самого императора. Как представитель земной власти, он должен отличать истину от заблуждений, уклоняться от ереси и защищать правую веру всеми средствами государства. Другое дело, что, когда на троне оказывался еретик, эти средства обращались уже против православных.

Примерно такой же точки зрения придерживались другие великие отцы Церкви. Иоанн Златоуст писал, что нельзя ни-спровергать заблуждения принуждением и насилием, чело-века можно спасти только кротким и разумным убеждением. Лучше быть гонимым, чем преследовать других. Но тот ж Зла-тоуст, став патриархом, строго преследовал отколовшихся от Церкви новациан и другие секты.

Еще более резкий переворот произошел с Августином. Ав-густин вначале считал, что язычников и еретиков можно об-ращать только путем нравственного убеждения. Однако по-том он пришел к мысли, что для пользы самих же еретиков надо действовать на них страхом и насилием. По идее Авгу-стина, многие заблуждающиеся и колеблющиеся слишком неуверенны и нерешительны, и, если их предоставить самим себе, они так и погибнут в нечестии. Тех, кто не хочет идти добровольно, надо втолкнуть в Церковь силой. Сам Августин объяснил эту перемену в письме донатисту Винцентию: «Я поддался фактам. Епископы забросали меня примерами, ста-ли указывать не на отдельные только лица, но и на целые го-рода, в которых прежде господствовал донатизм, а ныне царит православие. Особенно замечателен в этом отношении мой город, жители которого были прежде донатистами, а теперь под влиянием императора обратились в православие и с та-кой ненавистью относятся к донатистам, что и подумать нель-зя, чтобы он когда-нибудь был городом донатистов». На воз-ражения Винцентия, что отцы Церкви учили иначе, Августин привел примеры из Священного Писания, где говорится «По-нуди войти» (Лук. XIV, 23), и случай апостола Павла, которо-го обратила к вере слепота, то есть насиллие.

В конце концов Августин пришел к выводу, что светская власть полезна, пока обращает к истине; но она вредна, когда способствует заблуждению. Все это стало теоретическим обо-снованием преследования еретиков силой государства, что в дальнейшем сделалось обычной практикой.

Симфония

После нескольких императоров, придерживавшихся нейтралитета в делах Церкви (Маркиан, Лев I), пришла пора правителей, которые вынуждены были вмешиваться в эти дела, потому что раскол в Церкви угрожал их власти и всему государству. Это был период, когда догматические вопросы пытались решать царскими указами, договорами, компромиссами и неясными формулировками. Слабые императоры лавировали, стараясь угодить всем; сильные, как Юстиниан, принуждали Церковь склониться перед своей волей и насаждали единство веры.

При Юстиниане возникла идея так называемой «симфонии» Церкви и государства. Юстиниан писал, что есть два величайших блага, дарованных людям Господом: священство и империя. «Когда священство бесспорно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие (“симфония” по-гречески)». Свою роль в Церкви Юстиниан понимал очень широко, фактически диктуя свою волю и мирянам, и клирикам.

Юстиниан объявил войну язычникам, все еще остававшимся в государстве. Он отобрал у них все храмы, закрыл старую философскую школу в Афинах (529 год) и открыто поставил язычество вне закона. «Те, которые еще не крещены, да идут с детьми и женами и со всеми домочадцами во святые церкви, — писал он в своем декрете. — Они немедленно должны крестить своих малолетних детей. А взрослые должны заранее поучаться писаниям, согласно с церковными правилами. Если они не будут креститься... то описывать их имение и изгонять их из государства».

Язычники и христиане как бы поменялись местами. Язычество было под запретом, но его сторонников не наказывали, пока кто-нибудь не доносил на виновных. Тогда они могли избежать наказания, став христианами, как когда-то христиане — принеся жертвы Фортуне императора.

Теперь уже язычники заговорили о свободе совести. Они приводили те же аргументы, что раньше христиане. Фемистий, воспитывавший сына Феодосия Великого, Аркадия, писал, что каждый должен верить так, как требует его совесть. Ливаний требовал прекратить разрушение языческих храмов и пре-

доставить язычникам верить так, как они хотят. Но никакого ответа от Церкви на эти выступления не последовало.

Насилие со стороны Церкви было сравнительно умеренным: до пыток и казней не доходило. Правда, среди христиан были и сторонники смертной казни еретиков. Они ссылались на эпизоды из ветхозаветной истории и отвратительное поведение самих еретиков. Феодор Студит, влиятельный игумен Студитского монастыря, решительно возражал, говоря, что насилие противоречит новозаветному духу: «Если вы имеете другое Евангелие, то хорошо; а если то же, что и я, то помните, что пастыри Церкви должны вразумлять заблуждающихся словом». Тем не менее, когда речь заходила о ересях или язычестве, большинство епископов считали, что государство должно употреблять силу для их искоренения. Константинопольский епископ Македоний, например, не стеснялся использовать армию для борьбы с православными и новацианами. Против церковной общины в Мантинее им было послано войско в 4000 человек; произошло сражение, в котором погибли почти все солдаты.

Историк Сократ Схоластик так описывал действия Македония против новациан: «Многие славившиеся благочестием были схвачены и сечены за то, что не хотели иметь с ним общения. Мужчин, высекая, принуждали силою принимать Тайны: им разводили уста палкою и влагали причастие... Таким же образом производилось сообщение таинств женщинам и детям: их схватывали и принуждали, а если кто отказывался или иначе прекословил, то тотчас следовали побои, потом узы, темницы и другие мучения... У женщин, не хотевших принимать Тайн, сдавливали и оттирали груди ящиком, у других те же члены отнимали железом либо отжигали раскаленными до высочайшей степени ядрами. Такое-то и у язычников неслыханное мучение употребляли люди, называвшие себя христианами!» — заключал автор.

Постоянные притеснения инакомыслящих и еретиков порой приводили к тому, что сегодня могли бы назвать словом «геноцид». В 529 году в Палестине вспыхнуло восстание самарян, древней иудейской секты, не принявшей христианства. Недовольные гонениями, они подняли бунт, захватили несколько городов и устроили христианские погромы. Юстиниан жестоко подавил мятеж, уничтожив почти 100 тысяч самарян. В этом «крестовом походе» против еретиков религи-

озная и политическая составляющие слились в одно целое, полностью вписавшись в рамки церковно-государственной «симфонии».

Нехристианские христиане

Была и еще одна важная проблема, связанная с жесткой позицией императоров в вопросах веры. Политика насильственной христианизации и принуждения привела к тому, что в храмы хлынуло огромное количество людей, практически полностью чуждых христианству. Вскоре Церковь уже не знала, что делать с многочисленными христианами, крестившимися по принуждению. Как можно требовать евангельской жизни и искренней веры от тех, кого загнали в Церковь вопреки их воле? На соборе в Толедо (633 год) было принято решение: они не христиане, поскольку не веруют, но христиане, поскольку крестились и причастились Святых Тайн; значит, их следует оставить в Церкви.

Отцы Церкви понимали, что многие язычники обращались в веру не по убеждению, а из корыстных и житейских соображений. Блаженный Августин сам перечислял их мотивы: один принимал христианство из личной симпатии и дружбы, чтобы доставить удовольствие товарищу; другой — потому, что вел тяжбу и хотел представить ее на суд епископа; третий — чтобы заручиться покровительством каких-нибудь духовных лиц; четвертый — потому, что так ему представлялась возможность составить выгодную партию. Но это не смущало великого богослова: он считал, что благодать Божья в конце концов увлечет людей дальше, чем они сами думали идти. Корысть послужит приманкой, которая приведет их к истине.

Тем временем чем больше христианство продолжало распространяться вширь, тем ниже опускался его нравственный и духовный уровень. «Несознательные» новообращенные несли в Церковь язычество, невежество и суеверие. Просветить все эти огромные массы неопитов сразу было невозможно, поэтому приходилось снисходить к их невысоким христианским качествам и как-то приспособлять к церковной жизни. Если раньше к крещению готовились очень долго — период оглашения составлял год и сорок дней, — то папа Григорий Великий предложил сократить этот срок, чтобы оглашенные не

«соскучились» в долгом ожидании. Василий Великий по тем же соображениям составил краткий вариант древней литургии св. Иакова, опасаясь, что на более продолжительную версию у новых прихожан не хватит ни внимания, ни сил.

О нравственном уровне христиан того времени ярче всего говорит трагичный случай с ученым и философом Гипатией. Его до сих пор вспоминают как одно из самых мрачных пятен в христианской истории. Гипатия была известной женщиной-неоплатоником, преподававшей философию и математику в александрийском Мусейоне. Ее выступления пользовались большим успехом и привлекали огромное число почитателей и учеников. Популярность Гипатии была настолько велика, что письма ей в Александрию присылали с простым адресом: «Философу». Но местные христиане обвинили ее в том, что она дружит с префектом Орестом, который вместо того, чтобы во всем поддерживать христиан, проявлял религиозную терпимость и защищал евреев. Заодно ей приписали занятия черной магией и колдовством. Кончилось все это тем, что толпа во главе с чтецом Петром напала на Гипатию на улице, когда она возвращалась домой после лекций. Толпа сначала раздела ее донага, потом долго таскала по всему городу и в конце концов притащила в церковь, где Петр лично забил ее до смерти. Тело Гипатии разрезали на куски, соскоблили с костей мясо с помощью острых раковин и сожгли на костре.

Положение Церкви в государстве

В языческом Риме религиозные культы не доставляли властям особых хлопот: они были естественной частью империи и не обладали ни самостоятельной силой, ни какой-то особенной идеологией, противоречившей нормам и законам государства. Совсем по-другому обстояло дело с христианством. Церковь представляла собой единую и мощную организацию с собственной иерархией, законами, собственностью, административной и экономической структурой. По сути дела, это был двойник светской власти, сложный и громоздкий организм, который с трудом помещался в государстве, причиняя ему большие неудобства.

Благодаря многочисленным льготам и привилегиям священнослужители как бы выпадали из государственной си-

стемы. Они не подчинялись ее законам (клириков мог судить только церковный суд), не служили в армии и чиновничестве, не платили налоги, не приносили пользу отечеству. Это вызывало постоянное недовольство императоров. Когда Константин постановил освободить служителей Церкви от так называемых куриальных обязанностей — государственных и общественных повинностей, ложившихся тяжким бременем на всех граждан империи, — многие пошли в священники и епископы, чтобы «освободиться от курии». Властям это не понравилось, и они стали постепенно «закручивать гайки», стараясь вернуть из Церкви под государственное ярмо как можно больше подданных. Если в клирики пойдут богатые и обеспеченные люди, кто тогда будет платить подати и поддерживать страну? Каждый, кто хотел освободиться от курии, должен был передать в ее пользу все свое имущество, а после этого мог идти хоть в клирики, хоть в монахи. Но государству и этого было недостаточно: оно начало возвращать из Церкви в курию всех младших служителей вроде чтецов или певцов, вплоть до сана диакона. Известен случай, когда шесть человек подкупили эфесского митрополита Антония, чтобы тот рукоположил их в епископы и тем самым избавил от курии. Низложивший их Иоанн Златоуст вернул им заплаченные деньги из имущества Антония, но взамен пообещал лично упрощить императора не возвращать их в курию.

Несмотря на все эти разногласия и споры, Церковь не была чем-то чуждым или тем более враждебным государству. Наоборот, чем дальше, тем крепче она вращалась в его структуру и тем больше становилась «молочной сестрой» империи, как называли ее апологеты. Церковный организм не просто существовал рядом с государством — он пронизывал его изнутри, проникая во все круги и сферы общества и участвуя во всех его делах.

Церковь воевала. Если еще в IV веке стоял вопрос о том, можно ли христианам служить в армии, то сто лет спустя император Гонорий, наоборот, запретил принимать в гвардию язычников (408 год). Отборные войска государя должны были стать чисто христианскими. Никаких возражений со стороны церковных иерархов это не вызывало: они заботились лишь о том, чтобы в боевых действиях не принимали участия священнослужители.

Церковь торговала, и торговала выгодно: император Констанций освободил ее от налогов на торговлю. Правда, Вален-

тиниан III запретил в 452 году клирикам вести торговлю, но это правило часто обходилось.

Церковь судила: существовал суд епископа, который разбирал не только церковные, но и светские тяжбы и выносил решения, признававшиеся государством. Более того, приговор епископа считался окончательным и не подлежал апелляции.

Церковь поддерживала институт брака — в том же виде, в каком он был принят еще в языческой Римской империи. Поскольку государство не разрешало брачных союзов между рабами, Церкви пришлось отказывать им в венчании. С другой стороны, государство долго отказывалось считать обязательным церковное венчание: только в 893 году император Лев Философ принял закон, что венчаться должны все, вступающие в брак.

Церковь была готова подчиняться власти императора. Особенно сильно это стало заметно при Феодосии Младшем. Он был благочестив, но слаб характером и легко становился жертвой интриг. Феодосий изо всех сил старался предоставить Церкви свободу, но самих епископов такой нейтралитет не устраивал, и они всеми способами склоняли его на свою сторону. Церковные дела стали решать закулисными сделками, взятками и подкупом. В конце концов Феодосий начал устраняться от религиозных вопросов и на очередной собор прислал вместо себя заместителя, не имевшего никакого отношения к Церкви. Но и это решение епископы встретили с восторгом: «Многая лета царю нашему архиерею!»

Императора стали считать не только царем, но и священником, почти апостолом. Император был священной особой, стоявшей выше Церкви. Басилевсы ставили и смещали патриархов, судили их личной властью, писали церковные законы и канонизировали святых. Василий I причислил к лику святых своего рано умершего сына Константина, Лев VI — двух покойных жен, Феофанию и Зою, и даже построил в их честь церкви. Алексей Комнин выдал замуж свою дочь Марию в возрасте шести лет, хотя это противоречило всем церковным и светским правилам. Роман I самолично провозгласил церковную анафему на всех заговорщиков и бунтовщиков.

Обратное действие Церкви на государство было гораздо менее заметным. В нравственном отношении она положительно влияла на общество и смягчала его нравы и обычаи. Например, было запрещено выбрасывать детей, как обычно делали

бедняки, не имевшие средств для воспитания потомства: власти стали выделять на это деньги. Еще в начале IV века последовали запреты на клеймение преступников — потому что и они носят на себе образ Божий — и распятие на кресте. Позже отменили гладиаторские бои и разрешили браки между рабами (XI век).

Церковь пользовалась правом убежища. Каждый человек, преследуемый светскими властями, мог укрыться в храме и попросить у нее помощи и защиты. Такой возможностью пользовались даже те, кто принципиально выступал против церковных привилегий. Наместник Адроник, например, не признавал такого права и говорил, что арестует преступника, даже если тот будет обнимать ноги самого Христа. Но через несколько лет ему самому пришлось искать спасения в церкви, и она его милостиво защитила. То же самое случилось с сановником Евтропием, который настоял, чтобы у Церкви было отнято право убежища; однако, когда в Константинополе вспыхнул бунт, он сразу бросился в церковь, и восставшие его не тронули. Охранительные свойства Церкви распространялись не только на храмы, но и на само духовенство. По указу Феодосия, монахи и клирики могли заступаться за осужденных и просить для них помилования. Юстиниан постановил, что даже человек, идущий рядом с клириком, не может быть арестован без разрешения клирика.

Но такие примеры были малочисленны и в общей массе незначительны. После принятия новой веры государство оставалось точно таким же, как и до этого. По-прежнему велись жестокие войны: Церковь смотрела на них как на норму, патриотично переживая за «эллинов» и желая поражения «варварам», даже если эти варвары были христианами. Рабство оставалось рабством, и богословы рассуждали лишь о том, может раб становиться клириком без согласия своего хозяина или нет. Принцип апостола Павла «у Христа нет ни раба, ни свободного» относился в их сознании к области веры, а не прикладной истины, которую следовало воплощать на практике. Патриархи и епископы спокойно смотрели на то, как узники в тюрьмах подвергались пыткам и умирали в страшных муках: это соответствовало духу времени, законам «мира сего», которые воспринимались как единственно возможная реальность.

Церковь не могла изменить мир, в котором жила, и не ставила себе такой задачи. Социальные и политические преобра-

зования не входили в круг ее забот. Ее земная часть была крепко связана с государством и его правителями, страдала теми же болезнями и заимствовала их пороки и ошибки. Каждый житель страны существовал как бы в двух ипостасях: гражданина империи и члена Церкви. В нем тоже имелись две половинки — земная и небесная, Божья и кесарева, — которым приходилось сосуществовать и мириться друг с другом, делая выбор в пользу первого или второго. Эта раздвоенность стала одной из причин, которые привели к зарождению и расцвету нового явления в церковной жизни — монашества.

Глава первая. Монашество на Востоке

Причины

Монашество и аскетизм придумали не Церковь и не христиане. Во многих древних религиозных учениях и философских школах существовали течения, считавшие, что для духовной жизни необходимо ограничивать плоть. Стремясь достигнуть внутренней чистоты и просветления, их приверженцы отстранялись от повседневных радостей и забот, подвергали себя мучительным испытаниям, уединялись в лесах или прятались в пещерах. Элементы затворничества и самоотречения можно найти у греческих стоиков, пифагорейцев, неоплатоников, индийских гимнософистов, почитателей Сераписа. Само понятие «аскезы» появилось сначала у эллинов и попало в христианство через труды Климента и Оригена.

Строгий аскетизм практиковали и некоторые иудейские секты. Ессеи жили в замкнутых общинах, напоминавших христианские монастыри, ходили всегда в одной и той же одежде, избегали общения с внешним миром и не имели жен. Когда ессея изгоняли из общины, он умирал с голоду, потому что

не имел права питаться за ее пределами. Другие сектанты, «терапевты», раздавали все, что имели, и уходили в египетскую пустыню, посвящая жизнь уединению и молитвам. Они вели строгий образ жизни, питались только хлебом и водой, и то лишь ночью, жили в изолированных кельях и соблюдали полное безбрачие. По образу жизни терапевты были настолько близки христианству, что долгое время их считали первой общиной христиан, обращенных апостолом Марком. Примерно в то же время в Иудее существовал особый статус «назорейства», который при желании мог получить каждый иудей. Назореи давали обеты воздерживаться от вина, не есть животных, не стричь волос, носить особую одежду и не соприкасаться с мертвыми. Если кто-то умирал в присутствии назорея, ему приходилось начинать исполнение клятвы заново. Апостол Павел не раз принимал такие обеты и даже удостоился от иудеев обвинения в «назорейской ереси». Назореями считали Иоанна Крестителя, апостола Иакова Праведного и самого Иисуса.

Христианское монашество возникло во второй половине IV века, вскоре после того, как при императоре Константине и его преемниках новая религия стала сначала дозволенной, а затем и обязательной. В это время главным настроением в античном мире был распространившийся повсеместно пессимизм. Римская империя рушилась, варвары наступали со всех сторон. Города пустели, имения сжигались, люди гибли и попадали в рабство. Близился конец света, исчезали культура и радость жизни. Лионский епископ Евхерий, бывший сенатор, закончивший жизнь отшельником, писал: «Едва ли есть в мире, чем обольщать нас. Пропала обольстительная наружная красота его... Наступила последняя мировая эпоха, словно старость переполненная тяжкими болезнями. Голод, эпидемии, опустошения войны, всякие ужасы — вот что видели и что видим мы в этот седой век». Проспер Аквитанский, богослов и историк V века, призывал свою подругу к уходу из мира и затворничеству в монастыре, замечая, что «бесчеловечный раздор свирепствует в замутившемся мире, и ты видишь последние дни». На Востоке им вторил Киприан Карфагенский, считавший, что мир исчерпал свои силы и состарился, разрушаясь перед неизбежным концом. Иоанн Златоуст, отвечая тем, кто возражал против монашества, писал: «Я желал бы и сам, чтобы монастыри сделались не нужны и в городах

водворилось такое благоустройство, что никому не было бы надобности бежать в пустыню. Но при существующей безурядице, когда города полны неправды и беззакония, а в пустыне зреет обильный плод философии, — вы едва ли вправе обвинять тех, которые указывают желающим спастись выход из этой смуты и из этой бури приводят их в тихую пристань».

Конечно, далеко не все, уходившие в монастыри, просто убегали от опустылевшей и оскудевшей жизни. Корни монашества росли из самой основы христианства и питались его духовной и нравственной закваской. Это было прежде всего желание мученичества, всегда горевшее во многих христианах. Христос говорил ученикам, что они будут гонимы в мире, но после Константина христиан уже никто не гнал. Жизнь в империи стала слишком мягкой, слишком благополучной для суровых аскетов, жаждавших испытаний и борьбы, в которых выковывается истинная вера. Ориген считал, что мученичество необходимо как жертва для искупления грехов, а отсутствие гонений — дело рук дьявола. Но если раньше христиане воевали с внешним врагом, то теперь началась борьба внутренняя, еще более важная и трудная, — борьба со злом внутри себя. Поэтому подвижников и отшельников часто называли воинами, борцами за веру, духовными атлетами.

Многих христиан не оставляло чувство, что их повседневная жизнь противоречит учению Иисуса. Монашество для христианской веры не являлось чем-то экстраординарным — оно прямо следовало из заповедей Христа. «Если хочешь быть совершенным, иди, продай все, чем обладаешь, и раздай полученное бедным, — говорил Иисус. — Всякий, кто оставит ради имени Моего дом, братьев, сестер, отца, мать, жену или детей или поля свои, получит за это сторицею и будет обладать жизнью вечной». Правда, Церковь всегда указывала, что эта заповедь годится не для всех и для нее нужно особое призвание. Не каждый христианин может быть монахом, и не все должны ими быть, а только тот, кто «может вместить».

Постепенно в христианстве сформировалась идея о двух нравственностях: одной мирской, обязательной для всех, и другой — монашеской, для людей, желающих «быть совершенными». По этим представлениям, с формальной стороны монахи отличались от мирян двумя дополнительными обетами — безбрачия и нестяжательства. Это была не какая-то особая религия, а лишь средство достичь максимального предела

веры, целиком отдать себя в руки Бога. Несмотря на всю высоту монашеского призвания, оно не могло быть единственной формой исповедания христианства. Пока существует мир, монашество по-своему ограничено и однобоко хотя бы потому, что инок добровольно отстраняется от людей и поэтому не может быть ни миссионером, ни пастырем, ни благотворителем. У него особая миссия — дать образец христианской жизни. В царстве суеты и греха монах создает область полной гармонии человека с Богом, островок Царства Божия, который через труд и молитву распространяет свое благотворное влияние на весь мир.

Начало монашества

Первые аскеты, стремившиеся к самоограничению и обузданию плоти, появились уже в ранней Церкви. Их склонность к аскезе проявлялась прежде всего в целомудрии, воздержании от брака или супружеских отношений в браке. Игнатий Богоносец призывал: все, кто может, соблюдайте девство ради Христа. Ориген был строгим аскетом и считал необходимым для христианина не иметь собственности, жить в девстве, не употреблять мяса и вина, много поститься. Блаженной всех тот, говорил он, кто уходит от мира, чтобы всего себя предать Господу.

Следуя этим наставлениям, аскетически настроенные люди стали постепенно отделяться от общества. Желавшие вести совершенный образ жизни собирались вместе и отдалялись от городов и селений, образуя особые сообщества аскетов — аскетерии. Вначале в них жили только мужчины или мужчины вместе с женщинами. Позже стали появляться чисто женские обители для христианок, посвятивших себя девству. Их называли «парфенонами», то есть «девичьими»: это были своего рода коммуны, где женщины всё делили поровну и зарабатывали на жизнь своим трудом, в основном ткачеством и рукоделием.

Одним из первых настоящих отшельников и прародителей монашества был Павел Фивейский. Этот молодой богач, живший в Египте при императоре Деции, стал жертвой семейных интриг: собственный зять решил завладеть его состоянием и донес на него как на христианина. Спасая свою жизнь,

Павел бежал из города. Поселившись в пещере, возле которой росла финиковая пальма и бил источник, Павел почти сто лет прожил в полной изоляции, не имея никакого общения с людьми. Только на исходе жизни в его пещеру заглянул другой монах, и Павел, уже ветхий старец, спросил у него, существуют ли еще на свете города. Навестившим его отшельником был Антоний Египетский, которого Церковь считает первым основателем монашества.

Антоний Великий

Неграмотный бедняк и сирота, рано оставшийся без родителей, Антоний в двадцать лет оставил дом, поселился на краю города в одной из пустых пещер, где хоронили мертвецов, и стал предаваться аскетическим подвигам. Но со временем такой образ жизни стал казаться ему слишком мягким, и он удалился еще дальше в глубь пустыни, к заброшенной крепости Писпир, где неподалеку бил чистый источник. Раз в полгода кто-то из горожан приносил ему хлеб; Антоний его высушивал и шесть месяцев питался окаменевшими корками, запивая их водой. Средства на эту пищу он зарабатывал своими руками: ломал камыш и плел из него корзины, а потом продавал окрестным лодочникам и купцам.

Постепенно слава об отшельнике распространилась по всему Египту. К нему стали присоединяться последователи и ученики, образовавшие вокруг Антония что-то вроде стихийного монастыря. Когда учеников стало слишком много, он сделал то, что потом часто повторяли многие подвижники: ушел из основанной им обители и отправился с караваном кочевников глубоко в пустыню. Теперь это была уже не монашеская «пустынь», а настоящая пустыня, хотя и не совсем безводная. Здесь, на горе Холзим, откуда открывался широкий вид на Синай и Нил, Антоний подыскал себе красивое место с деревьями и проточной водой и снова начал жить в полном уединении.

Уже при жизни отшельника его аскетические подвиги стали легендой и образцом для подражания. Антоний носил на голом теле власяницу (одежду из грубой колючей шерсти), сурово постился и почти не спал, считая унижительным для человека, что тот вынужден питаться и уступать требованиям плоти. Старец никогда не мылся и избегал воды. С утра до но-

чи он трудился, чтобы не оставаться праздным и зарабатывать на пропитание. Первое время монахи доставляли ему пищу из ближайшего монастыря, но потом он попросил принести ему лопату и топор и занялся земледелием, выращивая на грядках пшеницу и овощи.

В отличие от Павла Фивейского, Антоний поддерживал связь с внешним миром и был в курсе всего, что происходило в Египте. За время своего отшельничества он дважды побывал в Александрии, чтобы поддержать православных христиан во время гонений и церковных смут. В городе его встречали как некое чудо: в церковь, куда он пришел, прибежали не только христиане, но и язычники — посмотреть на человека Божия. Многие обращались в христианство чуть ли не одним видом Антония. Даже император Константин написал ему почтительное письмо, прося его мудрых наставлений и советов. Умер он на той же горе Холзим в возрасте 105 лет, попросив завернуть его в шерстяной плащ, подаренный Афанасием Великим.

После смерти Антония остались его слова и поучения, по которым можно судить о взглядах и характере этого отшельника. В Антонии была особенно заметна общая черта всех подвижников — сочетание суровой требовательности к себе с необыкновенной снисходительностью к другим. За многие десятилетия отшельничества он не стал мрачным и угрюмым ригористом, грозящим карами грешникам. Наоборот, даже физически старец выглядел приятно — крепким, бодрым, здоровым человеком, спокойным и располагающим к себе. Он часто улыбался, иногда шутил. Шутливое поведение с монахами однажды смутило одного ученика. В ответ Антоний попросил его натянуть лук; когда тот исполнил его просьбу, старец предлагал тянуть еще и еще, пока ученик не ответил, что этого нельзя сделать, потому что тетива лопнет. Тогда Антоний объяснил, что и с монахами нельзя всегда обращаться слишком строго, иначе они тоже сломаются: «Нужно немножко иметь снисхождения и к братии».

Антоний считал, что подвижник должен следовать своему внутреннему нравственному идеалу, а не советам со стороны. Это самое главное, а чудеса, откровения — второстепенное. Несмотря на свою славу и аскетические подвиги, он всегда сохранял осмотрительность и скромность. «Не полагайся на свою праведность, я знаю монахов, которые пали после мно-

гих трудов и дошли до помешательства, потому что понадеялись на дело свое». Но и подвиги не главное — это только средство, чтобы очистить душу и любить Бога. «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его. Любовь вон изгоняет страх». Живя в одиночестве, он предлагал записывать свои грехи и дурные помыслы, чтобы лучше контролировать себя: «Пусть письмо заменит нам глаз собрата». Но если ты и согрешил, добавлял он, не слишком жалея о прошлом, лучше иди вперед, иначе чрезмерное покаяние ослабит силы для новых подвигов.

У великого старца был не менее великий послушник — Павел Препростой. В пустыню он пришел, когда ему было уже шестьдесят: по преданию, его подтолкнула к этому измена жены. Павел три дня простоял у пещеры Антония без воды и пищи, прося взять его в ученики, но отшельник не соглашался, ссылаясь на то, что такому старику не место в пустыне. «Лучше иди в свою деревню, дедушка, — уговаривал он Павла, — работай там и веди трудовую жизнь, благодаря Бога». Только на четвертый день, видя, что Павел не уходит, Антоний вышел из пещеры и предложил ему поесть. Поставив еду на стол, он приказал Павлу только смотреть на нее, не прикасаясь, а сам начал молиться и молился до самого утра. Только на следующий день оба приступили к трапезе, съев по маленькому кусочку хлеба. Так началось воспитание ученика, которое стало первым образцом отношений старца и послушника, до сих пор принятых в монашеской среде.

Отшельники и киновиты

Монашеское движение стремительно ширилось и росло. В конце IV века уже тысячи людей в Египте оставляли свои имения и дома и уходили жить в безлюдные места. Особенно много монахов селилось в Нитрийской пустыне, или на «Нитрийской горе», как ее тогда называли. Это был район соленых озер, где добывали натрий и селитру. Добираться туда было трудно и опасно: по ночам над землей стоял туман, смешанный с парами соли, а днем вода испарялась, и селитра твердела под палящим солнцем, усыпая землю острыми иголками, коловшими ноги и рвавшими обувь. Из солончаков шли ядовитые испарения, которыми можно было отравиться насмерть.

Руфин Аквилейский, совершивший путешествие в Нитрию, признавался, что многих отцов-пустынников он знал только понаслышке, потому что сам не решился отправиться в те места, где они обитали: он и так «натерпелся страху», добираясь до Нитрии. В путевом дневнике он описывал, как они шли по пустыне пять дней и ночей без перерыва, страдая от жажды и усталости. Еще три дня путники пробирались через болото, оставшееся после разлива Нила, по пояс в стоячей воде и вонючей тине. Трудная переправа через Нил и озеро Маретотис едва не кончилась кораблекрушением: к счастью, их выбросило на берег. Окрестности были небезопасны из-за набегов варваров и бедуинов. «Однажды, — пишет Руфин, — идя по берегу моря, мы подверглись нападению разбойников. Они гнались за нами на расстоянии десяти тысяч шагов, догнать не могли, но измучили нас до полусмерти». Другое болото «кишело зверьми, особенно крокодилами. Выходя из воды греться на солнце, они, растянувшись, лежали по краям болота так, что их можно было счесть мертвыми, особенно новичку в тех странах. Мы было подошли к ним посмотреть на них и подивиться их громадности, как вдруг, услышав шорох шагов наших, они бросились на нас и жестоко гнались за нами. Мы с громкими воплями призывали имя Господа Христа, и Его милосердие спасло нас: звери, бросившиеся на нас, вдруг как бы гонимые ангелом кинулись в болото, а мы скорым шагом поспешили к монастырям, вознося благодарность Богу, избавившему нас от столь великой опасности и явившему над нами такое знамение».

Места эти, однако, не были совсем дикими. Первыми на Нитрийской горе появились некий Аммон и его жена, которые восемнадцать лет прожили в девственном браке, а потом ушли в пустыню. Они поселились отдельно и только два раза в году ходили друг к другу в гости. Позже к ним присоединились другие пустынники, пока в конце концов на горе не образовалось необычное общество, состоявшее из аскетов и подвижников. Здесь жили «кто как может и хочет»: некоторые со своими учениками, кто-то один, кто-то вдвоем, троим или целой общиной. Раз в неделю отшельники встречались в церкви, а в остальное время плели корзины и циновки, ходили друг к другу в гости, рассуждали о вере и спасении. Постепенно вокруг Нитрийской горы вырос целый городок, где паломников встречали лавочники и торговцы, делавшие бизнес

на монашеской славе. Для странников завели странноприимный дом, где посетители могли жить, сколько хотели, но бесплатно — только в первую неделю: потом их обязывали делать какую-нибудь работу. К середине IV века в Нитрийской пустыне жило уже больше 5000 монахов. У них была своя церковь, где по субботам и воскресеньям служили пресвитеры из соседнего городка.

Кроме Нитрийской, в Египте существовала еще более дальняя и суровая пустынь, где монахи жили буквально среди песков. Это место называлось Скетос — отсюда пошло слово «скит» — название уединенного монастыря, расположенного в безлюдной местности.

Пахомий и его устав

Подвижничество Пахомия, солдата по профессии, своей строгостью напоминало воинский устав. Выйдя в отставку, он еще молодым принял крещение и поселился для аскетических подвигов на правом берегу Нила. Поначалу его жизнь напоминала практику других отшельников, но, когда вокруг него собралось много последователей, он не ушел дальше в пустыню, как делали Антоний и другие, а основал «общее житие» — киновию, со своим уставом и правилами жизни. Так на свет появился первый христианский монастырь. Когда монахов стало слишком много, Пахомий основал второй, третий и так далее — всего девять. Настоятелем всех обителей был сам Пахомий; его сестра Пахомия одновременно с ним основала несколько женских монастырей.

Устав Пахомия был основан на строжайшей дисциплине. Все поступавшие в монастырь проходили испытательный срок: десять дней они должны были жить за стеной монастыря, падать ниц перед каждым монахом, терпеть поношения и исполнять их приказы. По окончании испытаний новых братьев распределяли в монастыре и селили по трое в одной келье. Двенадцать таких келий образовывали «дом». Дом был как бы самостоятельной частью монастыря: его обитатели вместе молились в будние дни и только по субботам и воскресеньям собирались на общие собрания. Всего в монастыре насчитывалось 30–40 домов, во главе каждого дома стоял надзиратель, а во главе монастыря — игумен. К игумену обращались только

в важных случаях, в остальном надзиратель мог решать вопросы на свое усмотрение. Сами монахи делились на 24 разряда, каждый из которых обозначался буквой греческого алфавита. Это было не только условным знаком, но и чем-то вроде звания или характеристики, связанных с самой формой буквы. Например, под буквой ι значились простые и прямолинейные монахи, под буквой ζ — более сложные и хитрые.

Все монахи были одеты одинаково, во все белое. В комплект одежды входили милоть из овечьей или козьей шкуры, крест-накрест стянутая шнурами, наплечная накидка, льняной пояс и полотняная рубаха с коротким рукавом, называемая левитоном. На голове носили детский колпачок в виде мягкой черной шапочки с пурпурного цвета крестом — символ детской незлобивости и послушания, на эту шапочку крепили специальный значок с обозначением монастыря и дома, в котором жил монах. В монастыре ходили босыми, но в дальнюю дорогу одевали сандалии. Спали всегда полностью одетыми, не снимая даже куколя (капюшона).

В келье не было ничего, кроме запасной рубахи с куколем и рогожи на полу. Все остальное отбиралось. Монахи делились по старшинству, которое определялось не по возрасту, а по выслуге лет — кто сколько времени пробыл в монастыре. За проступки старших монахов понижали в младшие. Наказывали за опоздания на службу, за смешки, за перешептывания во время богослужения или за едой. Говорить за обедом запрещалось, все сидели молча, накрывшись своими куколями, и смотрели только в свою тарелку или в стол. Садись и вставали из-за стола по команде, ходили строем во главе с надзирателем. Нельзя было есть за пределами монастыря: если кто находил на земле съедобный плод, то должен был положить его назад у корня дерева. Не разрешалось заходить в чужие кельи, брать что-нибудь у других монахов, например книгу, нельзя было даже петь псалмы, если не было приказа надзирателя. Работали, как и ели, тоже молча, потом молча шли в свои кельи. Излишнее рвение не поощрялось, так же как недостаток рвения: распоряжения следовало выполнять точно, ничего не прибавляя от себя. Одного монаха наказали за то, что он сделал три циновки вместо двух, другого — за то, что продал изделия монахов дороже, чем приказал ему Пахомий.

За легкие проступки наказывали выговором и покаянием: наказанный брат стоял на службе перед алтарем без поя-

са, опустив руки и наклонив голову; так же он стоял и в столовой, оставаясь без обеда. Провинившиеся более серьезно получали 39 палок, а злостных нарушителей выгоняли из монастыря. Сам Пахомий первый подавал пример послушания. Он жил как простой монах, подчиненный игумену, и выполнял все его приказы.

Все монахи были грамотны и знали наизусть часть Св. Писания — ту, которую им было предписано выучить. Надзиратель мог в любую минуту вызвать монаха к себе и проверить его знания. По вечерам надзиратели вели с братьями беседы и говорили им поучения.

Питались иноки очень скудно: хлебом, водой, овощами, сыром, смоквами и маслинами. Общее правило было — каждому давать по силе и возможностям, как еду, так и работу. Многие старались подражать в воздержанности Пахомию, который ел очень мало и даже смывал с овощей масло, считая его излишеством. Когда однажды он увидел, как монахи на трапезе с удовольствием ели какие-то плоды, то заплакал над их слабостью. Равняясь на его воздержание, монахи сами съедали в день по два-три куска хлеба, а до остального только дотрагивались для вида.

Для служб в монастыри приглашались священники со стороны: Пахомий не принял сам и запрещал другим принимать священнический сан, чтобы никто в монастыре ничем не выделялся и не нарушал дух равенства и братства. Церкви в его монастырях нарочно строились грубоватые и некрасивые. Один раз Пахомий построил красивую церковь с колоннами, которая ему очень понравилась, но потом испугался, что за этим стоит тщеславие, и приказал уничтожить колонны и все украшения.

Глава вторая. Монашеский кодекс

Кто такие монахи

Среди монахов часто возникал вопрос, в чем состоит суть монашеской жизни. Что значит быть монахом? «Принуждать себя ко всему — вот в чем состоит дело монаха», — говорил Макарий Великий. Когда тот же вопрос задали старцу За-

харии, он бросил на землю свой куколь и растоптал его: «Если человек не сокрушит себя вот так, он не может быть монахом».

Строгий устав киновий, как у Пахомия Великого, не был самоцелью, а только помогал в достижении этой цели. В пустыне место надзирателя занимал старец — наставник и учитель, которому ученик отдавал себя целиком. Поступая в послушание, монах должен был полностью отречься от себя, а поскольку сделать это было нелегко, его волю приходилось сокрушать, иногда очень суровыми методами. Одним из самых распространенных приемов монашеской «дедовщины» была бессмысленная работа. Есть известная история о том, как Антоний Великий поручил своему ученику Павлу Препростому сплести грубые пальмовые листья, а когда к вечеру тот выполнил задание, в кровь стерев все пальцы, заставил расплести их снова. В тех же воспитательных целях он нарочно рвал его одежду и заставлял потом сшивать, приказывал черпать воду и тут же выливать ее обратно. Однажды он выплеснул на землю мед и распорядился собрать его по капле ложкой, да так, чтобы не попало ни крупинки грязи.

В ходу были намеренные оскорбления и поношения, чтобы закалять волю и воспитывать смирение. Монах должен был быть как статуя или мумия: Макарий посылал монахов бросать камни в мумии, а потом поклоняться им и восхвалять, показывая этим, что и они должны быть так же равнодушны ко всему, как мумии. Старцы говорили — чтобы спастись, надо быть как мертвый. Аскеты в буквальном смысле хоронили себя заживо: спали вместе с мумиями, селились в гробах, иногда даже замуровывали себя в гробницах.

Старец мог давать ученику самые странные приказы. Авва Павел как-то поручил послушнику поймать в пустыне гину и привести к нему. Когда тот так и сделал, Павел вместо похвалы ударил его и воскликнул: «Дурак, что за глупую собаку ты привел!» Бывало, что ученика посылали красть и тот выполнял приказ, а потом старец тайком возвращал хозяевам украденное. Один из монахов по приказу старца избивал своего сына и даже бросил его в воду, из которой его пришлось спасти другим. Порой учеников заставляли есть в пост, то есть прямо нарушать христианские заповеди. Монах не должен был различать, что хорошо, что плохо, где правда, а где ложь: его разум и совесть как бы воплощались в старце, и он слушал его беспрекословно, не рассуждая и не колеблясь. Ес-

ли старец говорил про испорченную пищу, что она вкусная, ученик повторял то же самое. Авва Силуан как-то назвал пробежавшего мимо вепря серной, и ученик подтвердил, что да, это серна. Тот же Силуан однажды показал другим старцам силу послушания своего ученика Марка: он позвал его и отправил с каким-то поручением, а сам повел старцев в келью Марка и показал тетрадь с каллиграфическими надписями, которые тот делал. Оказалось, что при первом же зове старца Марк сразу встал и вышел, не дописав даже последней закорючки в букве.

Послушничество было безусловным правилом, доходившим порой до подвига и смерти. Был случай, когда двум монахам наказали отнести смоквы больному отшельнику. В пути они заблудились и умерли в пустыне от голода; когда их тела нашли, смоквы оказались нетронутыми.

Борьба с едой и сном

Одним из главных занятий монахов была непрестанная борьба с едой и сном. На еду смотрели не как на естественную надобность, а как на искушение дьявола, которым он улавливает душу для всякого греха. Это была как бы первая и самая важная линия обороны, взяв которую нечистый дух уже мог действовать свободно. Поэтому за нее держались особенно крепко. В «Древнем патерике», описывающем жизнь монахов, часто встречаются истории, когда два старца, встретившись, забывают про еду за беседой и молитвой. «Свари-ка нам чечевицы. — Я еще вчера сварил. — А мы разве не ели? — Нет. — Ну, давай поедим». В другом месте рассказывается про инока, который весь день боролся с голодом, а к вечеру, помолвившись Богу, увидел, как из его утробы выходит дьявольская сила, заставлявшая его желать пищи. Старцы говорили, что демон насылает на монаха такой голод, что тот может сожрать весь Египет и выпить весь Нил — и не насытиться.

Сама по себе еда казалась монахам делом низменным, почти постыдным. Пимен отправлялся на общую трапезу со слезами, только чтобы не огорчить звавших его братьев. Исидор Странноприимец тоже плакал за столом: «Стыдно мне, разумному созданию, питаться бессловесной пищей». Некоторые старались есть только на ходу, чтобы не считать еду делом.

Отшельник мог сидеть с огурцом в руке и не есть его, но сокрушаться уже потому, что испытывает такое желание. Считалось, что, если монах даже хлеб и воду вкушает для услаждения, а не по необходимости, он уже грешит. Отца Исаяю как-то застали поедавшим соль с водой, и, когда он начал извиняться, сурово сказали: если хочешь есть похлебку, отправляйся в Египет, а не живи в скиту. Многие монахи укоряли себя за стакан выпитого вина и потом целый день не брали в рот воды.

В рацион монахов, очень скудный и однообразный, входили зелень, овощи, финики, мелкая соленая рыба и так называемые паксамы — маленькие хлебцы из ячменя, долго хранившиеся и настолько сухие, что перед едой их приходилось долго размачивать. Считалось, что вполне достаточно съесть два хлебца в день. Иногда варили чечевицу с маслом. Но это была самая мягкая диета, многие подвижники не ели ничего вареного и даже хлеба, питаясь одной зеленью. Авва Авраам употреблял только цикорий, салат и петрушку, они заменяли ему даже воду. Старец Савин ел заплесневелую муку. А Постумий пил так мало воды, что со временем у него высох и растрескался язык.

Не менее жестоко велась борьба со сном. Пимен Великий как-то спросил одного монаха, чего тот достиг многократным постом. Тот ответил: «Когда я говорю сну “приходи”, он приходит, а когда говорю “уйди” — уходит». Однако мало кто из монахов достигал такого совершенства. Антоний по субботам молился всю ночь от захода до восхода солнца, стоя с поднятыми к небу руками. Архип Иерапольский спал на мешке, набитом острыми камнями, положив голову на терновник. Арсений не спал каждую ночь и только под утро говорил себе: «Иди, раб лукавый», — и забывался ненадолго, сидя. Он считал, что для сна достаточно одного часа в день. Один монах целых сорок лет спал только сидя или стоя. Другой сорок дней и ночей стоял посреди колючего терна, чтобы не спать. Третий, желая побороть сон, всю ночь висел на утесе: заснув, он бы тут же сорвался и погиб.

Несмотря на эти изнуряющие подвиги — а может быть, именно благодаря им, — монахи были долгожителями. Отшельник Арсений прожил 95 лет, из которых 55 провел в пустыне. Макарий Александрийский дожил до ста. Многие подвижники были не иссохшими слабыми старцами, а силачами,

вроде аввы Моисея, который как-то связал в один пук и унес на плечах четверых разбойников, пришедших грабить его пещеру. Феодор Фермейский в похожем случае так же легко справился с тремя.

Борьба с чувственностью

После еды и сна похоть была одним из самых сильных искушений. Старцы сравнивали женщину с водой, а монаха с солью: встретившись с водой, соль растворяется и исчезает. Даже стариков, постившихся по сорок лет, порой соблазняло воспоминание о какой-нибудь смазливой девице, которую они один раз увидели в молодости. Отшельник Пахон рассказывал, что, став монахом, двенадцать лет ни днем, ни ночью не мог избавиться от блудных помыслов: ему все представлялась какая-то эфиопка, которую он помнил еще с ранней юности, когда летом она собирала на поле солому. Пахону казалось, что она сидит с ним в келье и он с ней согрешает. В пустыне монахи совсем не общались с женщинами или говорили с ними на большом расстоянии, например сидя на разных берегах болота. Это относилось и к самым близким людям, даже матерям и сестрам. Авва Пимен, увидев свою мать, заперся в келье и не пускал ее, как она ни плакала и ни просила дать ей возможность его увидеть. На все мольбы он отвечал: «Лучше встретимся на том свете, чем на этом». То же самое ответила сестра пришедшему навестить ее брату: увидимся в Царствии Божьем.

Плотские мысли нельзя было искоренить, потому что они исходили из поврежденной грехом человеческой природы. Для подвижника важно было не уничтожить искушение, а бороться с ним — молитвой, постом, бдением. Авва Авраам говорил: мы слишком ничтожны, чтобы на нас нападали демоны, мы имеем дело только с собственными помыслами. От помыслов же никуда не деться: это все равно что, распахнув одежду, не впустить в нее воздух. Но надо сопротивляться им. Отсутствие искушений считалось плохим признаком — это значило, что ты уже живешь во грехе, сам того не замечая.

Для борьбы с чувственным желанием в ход шли разные способы и средства. Одного молодого монаха блудные помыслы донимали так, что он по нескольку раз на ночь прихо-

дил к старцу, очищая душу покаянием. Старец внушал ему: благодари Бога, что тебя не мучают такие помыслы, как меня, а то бы ты сразу пал. Другой монах жаловался, что слишком слаб и не может бороться с блудным помышлением, даже молитва не помогает, потому что он не чувствует ее силу. Старец возражал: главное — молиться, а польза будет; молитва — это как заклинание, которого не понимает сам заклинатель, зато понимает змея — и слушается. Некоторые старцы советовали относиться к плотским помыслам как к харчевне, из которой доносится сладкий аромат еды: просто вдохни запах и иди дальше. Другие говорили: если бросить одежду, она истлеет; если бросить дурные помыслы, то и они истлеют.

Но чаще всего монахи прибегали к умерщвлению плоти. Один старец замечал, что его никогда не смущали блудные мысли, потому что он все время страдал от голода, жажды и недостатка сна. Какой-то монах узнал, что женщина, которую он представлял в своих мыслях, умерла; тогда он пошел, выкопал ее из могилы и долго лежал в постели с разлагающимся трупом, чтобы наказать себя за греховные желания. Авва Евагрий зимой всю ночь сидел голым в колодце, борясь с похотью. Другие стояли по пояс в ледяной воде.

От чувственной страсти не защищал и возраст. Один старец, заболев, пошел в город лечиться, хотя его предупреждали, что там он может впасть в блуд. Он ответил, что такого не может быть, потому что все его тело уже высохло и помертвело. А вернулся он в скит с ребенком, которого зачал во грехе с одной из девственниц, помогавшей ему при лечении в городе. Другой старец, Иоанн Ликопольский, отказался принять больную женщину, хотя ему было уже 90. Престарелому Сисою ученик однажды предложил переселиться поближе к людям, где не так сурова жизнь. «Веди меня туда, где нет женщин», — ответил тот. Ученику пришлось признать, что только в пустыне их и нет.

Именно в это время возник известный монашеский сюжет, послуживший позже образцом для многих похожих рассказов и легенд, в том числе для «Отца Сергия» Толстого: о том, как блудница соблазняет отшельника. Женщина легкого поведения, наслышавшись о подвигах одного старца, стала похваляться, что сумеет его соблазнить. Придя к нему ночью, якобы заблудившись, она со слезами просила приютить ее и, пользу-

ясь его состраданием, проникла к нему в келью. Тогда его начала одолевать похоть; но, вспомнив про адский огонь, он подошел к свече и стал жечь на ней палец, потом другой и так делал до утра, пока не сжег все пальцы. Женщина, видя это, от страха «окаменела», то есть умерла, но старец наутро воскресил ее, чтобы «не воздавать злом за зло».

Некоторые монахи в борьбе против похоти доходили до полного отчаяния. Пахон, согрешавший в своих мыслях с эфиопкой, нарочно ночевал в пещерах с гиенами, чтобы они его сожрали, и хватал змей, надеясь, что его укусят и убьют. Некоторые убивали себя сами, чтобы не сдаться и победить искушение хотя бы смертью. Один монах заколол себя мечом, другой утопился в реке, третий бросился в пропасть. Но самоубийства не одобрялись Церковью и считались проявлением слабости. «Церковь приемлет победителей, а не побежденных», — говорил Амвросий Медиоланский.

Искушения вызывали не только женщины, но и красивые юноши. Одно из наставлений старцев гласило: «Не есть с женщиной и не иметь с ней дружбы; не спать на одном ложе с отроками, если сам молод, ни с братом своим или аввою; не обращать на себя взора, когда надеваешь одежду». Однажды монах отказался переплыть реку, чтобы не снимать одежду и не видеть себя голым, и Бог перенес его на другой берег по воздуху. Пафнутий не принял в скит молодого Эвдемона, сказав, что в скиту не подобает быть лицу, похожему на женщину. Другой юноша, Захария, с детства рос в ските, но, когда повзрослел, его изгнали из-за необычайной красоты. Долгое время он переходил из скита в скит, но его отовсюду выгоняли, пока однажды он не залез в соленое озеро и не просидел там несколько часов, погрузившись по самый нос в раствор селитры, которая разъела и изуродовала его тело и лицо. Когда обезображенный Захария вернулся в скит, пресвитер Исидор сказал: в прошлый раз ты причащался как человек, а в этот — как ангел.

Между тем порок все-таки проникал в скиты, что видно по многочисленным рассказам в патериках. Эти поучительные истории говорят, однако, не о мерзости греха, а о том, что нельзя осуждать других. Старцы призывали не быть подозрительным и не верить, что брат согрешил, даже если ты видел это собственными глазами. Авва Пимен предупреждал: даже если ощупаете своими руками, все равно не свидетельствуйте.

Один инок как-то заметил, что его сосед по келье согрешает с женщиной. Он долго терпел, но наконец не выдержал, подошел и пнул их ногой, крикнув: «Хватит уже, наконец!» Оказалось, что это были два пшеничных снопа, которые ворошил ветер.

Тысячи искушений

Иноков искушали не только голод или похоть. Сама жизнь в пустыне была слишком тяжела и сурова, чтобы не вызывать сомнений и соблазнов. Рано или поздно у монахов начинали появляться мысли: а так ли уж нужно их подвижничество? Разве не Бог создал этот мир и нельзя им наслаждаться, в то же время служа Богу и пребывая в блаженстве? Разве другие христиане не имеют дом, жену и семью, не едят вволю, не спят в теплых постелях, не радуются жизни и ее благам — и все же любимы Богом? Так зачем же мы так себя мучаем? Но если уж мы здесь, то разве не позволено нам некое послабление? Мы и так жестоко сражаемся, но если заболели — не должны ли мы вести менее суровую жизнь, даже отправиться в город, где о нас будут заботиться? Не признак ли гордыни — слишком упорствовать в своем намерении? И монахи себя постоянно ободряли, увещевали, напоминали, зачем они здесь, почему этот путь наиболее совершенный и почему дьявол такими мыслями хочет совратить их с этого пути. Старцы говорили, что искушения и тяготы — не зло, а лекарство, от них надо не избавляться, а искать их и побеждать.

Для монаха было хорошо болеть. Говорили, что болезнь — это соль, которой очищаются души перед тем, как уйти к Богу. Твердый воск не может принять на себя печать, пока не размягчится; так и душа, не размягченная трудом и болезнями, не может принять на себя печать Господа. Один старец постоянно болел, но неожиданно выздоровел и расплакался: «Бог оставил меня». Еще одному заболевшему старцу как-то принесли кашу из сухих древесных почек, надеясь, что она поможет ему выздороветь, но монах ответил: я желал бы еще тридцать лет болеть этой болезнью. Авва Вениамин так распух от водянки, что не помещался в кровать и другие двумя руками не могли обхватить его мизинца. Братья старались на него не смотреть, но он, заметив это, попросил: «Лучше помолитесь,

чтобы не болел мой внутренний человек; а от этого тела я, когда был здоров, не видел пользы, и когда болен, не вижу вреда».

Полезны были не только болезни, но и все тяжелое и неприятное: зной, плохая пища, смрад. Авва Даниил нарочно долго не менял воду, где размачивали ветки для корзин, чтобы она дуло пахла и вызывала отвращение. Отшельник мог целыми часами стоять на солнцепеке, сидеть в неудобной позе, отягощать себя большими грузами. Еще лучше было несправедливо переносить обиды, унижения и клевету, принимая все это со смирением. Старший монах ударил младшего за то, что тот опрокинул светильник (на самом деле это сделал дьявол). Младший не стал ни оправдываться, ни возмущаться; он поклонился, попросил прощения и снова зажег лампу.

Пустынников мучили и дьявольские наваждения. Духи зла часто являлись монахам в образе какой-нибудь девицы, эфиопа, зверя, ангела или даже самого Христа. Поэтому отшельники-старожилы ходили по кельям новичков, проверяя, все ли с ними в порядке: боялись, что, искушаемые демонами, они сойдут с ума. Авва Антоний говорил, что демонов не следует бояться: если бы они могли причинить нам вред, то уже давно бы это сделали. Злые духи бессильны, их можно только презирать; правда, они умеют предсказывать будущее, но это связано со скоростью их передвижения. Например, они могут предсказать, кто скоро придет в это место: им ничего не стоит быстро перенестись к идущему далеко человеку и снова вернуться обратно. От них нельзя скрыться, но с ними можно бороться, следя за собой. «Какими демоны нас застают, когда приходят к нам, такими и сами бывают для нас». Чтобы ни говорили и ни делали демоны, они хотят нас погубить, поэтому не надо их слушать, даже если они говорят правильные вещи — например, призывают к молитве или предупреждают об опасности.

Менее тяжело монахам давалась борьба со сребролюбием. Жизнь в пустыне была построена так, что деньги не имели большой цены и мало кому пригодились. В ските у дверей долго стояла корзина с золотом, которую подарил монахам какой-то богач: все спокойно ходили мимо, не обращая на нее внимания. Тем не менее деньги у отшельников все-таки водились. Им приходилось продавать свои изделия и иметь казну, чтобы тратить ее по мере надобности на себя и других монахов. К тому же в их рядах часто оказывались состоятельные

люди, которые по привычке продолжали пользоваться благами мирской жизни, удерживая кое-что из прежнего богатства. Приходилось напоминать им, что, если кто-то раздаст имение, оставляя часть денег себе, тот полагается на деньги, а не на Бога. Когда один сенатор, решив стать пустынником, переселился в пещеру, но приберег для себя дом в городе, старцы ему сказали: ты и сенатором быть перестал, и монахом не сделался.

Там, где были деньги, естественно появлялось и воровство. Такие случаи не раз описаны в житиях пустынников. Однажды Макарий, вернувшись в свою келью, увидел, что ее грабят воры, но притворился случайным прохожим и помог им погрузить добычу на осла. Другого инока ограбили в его келье; когда воры вышли, он бросился за ними, крича: подождите, вы забыли этот кошелек! Один сосед-отшельник постоянно воровал у старца, и тому приходилось работать все больше, а есть все меньше. Умирая, он целовал руки вора, говоря: благодаря тебе я иду в Царствие Божие. Проще всех поступил авва Зенон: в его келье был только мусор, поэтому он не боялся грабителей.

В борьбе с бесчисленными искушениями монахи старались обрести абсолютную свободу. Тогда это качество понимали иначе, чем теперь: свободен не тот, кто может делать все, что хочет, а тот, кто может не делать все, что хочет. Свобода есть прежде всего власть над самим собой, над своими желаниями и страстями. Подвижники как бы проверяли, до какой степени может прийти человеческая воля, ставя перед собой новые, все более невыполнимые задачи. Дело доходило до соревнования друг с другом: кто сможет больше. Павел Фермийский сокрушался, что какая-то дева-отшельница совершает по семьсот молитв в день, а он — только по триста. Диоскор каждый год назначал себе новое испытание: ни с кем не говорить, никого не видеть, не употреблять вареной пищи, не есть фрукты и овощи и т. д., — и, покончив с одним, переходил к следующему. Макарий Александрийский, услышав, что кто-то совершил какой-то новый подвиг, тут же с жаром принимался делать то же самое. Чтобы уподобиться одному монаху, который ел очень мало хлеба, он придумал свой способ: высыпал сухие корки в узкий кувшин и стал есть столько, столько могла достать рука. Старец очень радовался своей изобретательности: «Захватчу, бывало, побольше кусков, а узкое горло не дает мне вынуть их: мой кувшин совсем не давал мне есть».

Но монах всегда понимал, что борьба с плотью — это средство, а не самоцель. Ведь аскетическим подвигам предавались не только христиане. Сохранился любопытный спор греческих философов-стоиков с монахами. Стоики говорили: мы делаем то же, что и вы: постимся, соблюдаем целомудрие, ограничиваем себя во всем, — так чем вы отличаетесь от нас? Монахи ответили: мы можем не только не делать, но даже не думать злого, по благодати Божьей. Другой старец объяснял: дьявол может делать то же, что мы: поститься, потому что никогда не ест, бодрствовать, потому что никогда не спит. И только одного он не может — любить.

Приглашение на обед

Один инок долго и с любовью выращивал в своем садике какой-то овощ. Старец, придя к нему в гости, стал рубить растение своим посохом и рубил до тех пор, пока от него не остался один корень. Инок молча смотрел на это, не пытаясь ему помешать, а потом дружелюбно предложил: если хочешь, давай его сварим и поедим вместе.

Уединение и молчание

Почти все первые монахи жили в одиночестве. Это считалось необходимым условием спасения. Отцы говорили: беги от людей — и спасешься. Был случай, когда отшельник не пустил к себе в келью даже архиепископа, объяснив, что если он откроет дверь ему, то придется открывать всем, а тогда он и сам здесь не останется. Авва Арсений внушал своим братьям по скиту, что любит их, но не может быть вместе и с Богом, и с людьми, а когда кто-нибудь приходил просить у него совета, отвечал: если услышите где-то об Арсении, не приходите к нему. Он сравнивал человеческую душу с девицей, которая, пока сидит дома, многим нравится и ее хотят иметь невестой, а когда выходит из дома, становится объектом обсуждения и критики, потому что всем угодить невозможно. Так и душе лучше «сидеть дома», в сокровенности, где она ценней и чище. В миру душа как мутная, взболтанная вода, а в пустыне — чистая, устоявшаяся.

Одним из самых сильных искушений монахов был соблазн уйти в мир или хотя бы переменить место своего подвижни-

чества. Это чувство монахи называли «теснотой». Однообразие отшельнической жизни сильно угнетало, и монаху начинало казаться, что любая перемена будет к лучшему. Поэтому старцы никогда не уставали напоминать о пользе уединения. Когда к авве Моисею пришли за советом, как спасти душу, он ответил: просто сидите в своей келье, она всему научит. Не покидайте кельи, увещевали отцы, не переходите в другие, даже если вам что-то не нравится или мешают: это признак непостоянства и соблазна. Перейдя в другое место, найдешь там то же, от чего ушел. Один монах каждый день говорил себе: завтра покину эту келью, но не сегодня; и через девять лет борьбы искушение прошло. Другой инок, часто раздражавшийся на своих соседей, перешел в более уединенное место, но в первый же день в гневе разбил кувшин, случайно опрокинувший-ся с водой на землю, и понял, что сбежал зря. Третий, когда сидеть в келье становилось совсем уж невыносимо, выходил и начинал «путешествовать» вокруг своего жилища, а потом возвращался и устраивал сам себе прием, словно вернулся из дальних странствий. Еще одного монаха искушал дьявол, говоря: ты не можешь ни поститься, ни трудиться, так помогай хотя бы больным, иди к людям. Но старец ему сказал: ешь, пей, спи, делай, что хочешь, только не покидай кельи.

Одиночество было необходимо для внутренней сосредоточенности, для молитвы, от которой могли отрываться любая мелочь, даже посторонние звуки. Кто-то из старцев, навестив своих братьев, живших на берегу озера, удивлялся, как они могут вести отшельническую жизнь, все время слыша шум ветра в тростниках. Ради самоуглубления и духовной концентрации монахи старались вообще не замечать окружающего мира. Старец Силуан, поливая сад, накрывал голову капюшоном и не поднимал глаза, чтобы не смотреть на деревья. Отец Элладий двадцать лет ходил, не отрывая глаз от земли, даже чтобы посмотреть на церковь. Мать Сарра шестьдесят лет прожила возле реки, ни разу на нее не взглянув. Евсевий, чтобы не отвлекаться на красивые окрестности и звездное небо, сорок лет ходил по одной узкой тропинке, повесив себе на шею тяжелую цепь и прикрепив ее к железному поясу, так что его голова от большого груза всегда была наклонена к земле.

С уединением были связаны молчание и отстраненность. Отцы учили: старайся ни во что не вмешиваться, никак себя не проявлять, будь как бы невидимым, мертвым. Ничего не

говори, если не спросят, отвечай только «да» или «нет», никогда не спорь и никого не обличай, считая себя грешником хуже всех. Когда к отцу Пимену обратились с какой-то просьбой, тот не сказал ни слова, и спрашивавший его ушел с огорчением. Пимена с удивлением спросили: зачем ты обидел человека? Он ответил: потому что все это меня не касается, я умер, а мертвые не разговаривают; пусть не думают, что я нахожусь здесь вместе с другими. Старец Агафон три года держал во рту камень, чтобы научиться молчать. Отец Даниил даже в церкви во время службы стоял за столбом, чтобы никого не видеть и чтобы его никто не видел. А отец Арсений любил повторять: я часто раскаивался, когда говорил, а когда молчал — ни разу.

Неосуждение

В числе самых подкупающих и симпатичных качеств иноков были их человеколюбие и терпимость. Монахи часто проявляли беспощадную требовательность в отношении к себе, но как только они поворачивались к другим, их суровость превращалась в почти безграничную снисходительность. Никакие осуждения и обличения чужих грехов не допускались: наоборот, за грешников переживали так же, как за самого себя. Высказывания отцов на эту тему неисчислимы. Не осуждай блудника, даже если сам ты целомудрен: ведь Тот же, кто сказал «не прелюбодействуй», сказал и «не суди». Осуждая кого-то за грех, ты сам совершаешь грех. Даже если человек согрешил и отказывается это признать, не надо его обличать: скажи только — впредь не греши, и этим побудишь его к покаению. Узнав, что кто-то из иноков согрешил, старцы только плакали: «Сегодня он, а завтра я!» Когда пресвитер выгнал согрешившего инока из церкви, авва Виссарион встал и вышел вместе с ним, сказав: «И я грешник». А авва Феодор, узнав, что один из монахов ушел из скита и возвратился в мир, заметил: что же тут удивительного? Поражаться надо, если услышишь, что кому-то удалось спастись.

Чужие грехи следовало не только прощать, но и покрывать. На вопрос ученика: «Если я увидел, что мой брат согрешил, должен ли я рассказать об этом?» — старец ответил: если покроешь грехи своего брата, Бог покроет твои. О том же говорит история про монахов, которые пришли к старцу и сообщили,

что их брат держит у себя в келье девицу. Старец отправился с ними к брату и, войдя в келью, увидел большой кувшин, накрытый крышкой. Он сразу догадался, что инок спрятал девицу там, и, сев на крышку, приказал монахам обыскать келью. Когда они ничего не нашли, старец отругал их за то, что они напрасно обидели брата, и ушел вместе с ними, посоветовав иноку держаться дальше от греха.

Простые и необразованные монахи умели проявлять удивительную чуткость. Авва Иоанн как-то ночью отправился в путь с проводником, который заблудился в темноте, но от стыда не хотел в этом признаться и заводил их все дальше в глубину пустыни. Старец из деликатности не подал виду, что заметил его оплошность, а притворился уставшим и предложил подождать до утра, чтобы на рассвете проводник смог найти верную дорогу. В другой раз один из монахов пожаловался, что не может продать своих корзин, потому что у него кончились для них ручки; тогда его сосед пошел к себе, оторвал ручки от своей корзины и отнес брату, сказав, что они у него лишние. Еще один инок попросил у Бога — ни больше, ни меньше — переселить в него демона, от которого страдал брат, и сам стал страдать вместо него. С тем же чувством сопереживания связана и трогательная забота о заболевших и стариках. На вопрос, кто больше угоден Богу — кто постится шесть дней в неделю или кто ухаживает за больными, — старец ответил: даже если постящийся подвесит себя за ноздри, и то не сравняется с тем, кто заботится о больных.

Предаваясь жесточайшим подвигам, пустынники в то же время удерживали других от излишнего рвения. Не каждому были под силу суровые испытания, и не все обладали безупречной верой. В скитах и пещерах жили также слабые духом и немощные плотью. Были монахи-пьяницы: один каждый день делал циновку, продавал ее в городе и пропивал. Были блудники, которые тайно имели жен и даже детей. Были воры, грабившие своих старцев. Были сварливые, которых никто не мог выносить. Авва Исидор нарочно принимал в свою келью самых раздражительных и склочных братьев, которых больше никто не переносил, и смягчал их долготерпением. Некоторые монахи сомневались даже в существовании Бога, а другие — что Св. Дары действительно есть тело Господне. Инока Птолемея демон убедил, что все в мире происходит случайно и нет смысла поститься и ждать воздаяния за

свои дела; он все бросил и ушел в город, где предался пьянству и разврату.

У монахов нередко возникал вопрос: что делать тем, кто не способен на лишения и подвиги, но хочет быть монахом? Как мне спастись, обратился инок к отцу Иосифу, если я не в силах переносить страдания, работать не умею, а милостыню подавать не могу, потому что сам беден? Сохраняй чистой свою совесть, ответил старец, тогда и спасешься. Другой монах сокрушался: я много прошу у старцев поучений, но ничего не исполняю; зачем же тогда и спрашивать? Чтобы очищаться, достаточно спрашивать, а не принимать, был ответ. В «Древнем патерике» есть сценка, где несколько братьев приходят к Антонию просить совета о монашеской жизни. Старец напомнил им слова Христа: если ударили тебя по правой щеке, подставь левую. Мы на это неспособны, сокрушенно признались братья. Тогда хотя бы терпите удар в правую, предложил Антоний. Не можем и этого, повторили братья. Тогда хотя бы не платите тем же. Но мы и этого не можем, твердили свое братья. Ну, тогда ешьте кашу, посоветовал им старец, и молитесь Богу, потому что вы очень слабы.

Монахи были снисходительны не только к своим собратьям, но и к мирянам. Отвергая мир, они тем не менее признавали его творением Божиим. Некий старец, увидев поразительной красоты женщину, восславил Господа и пролил слезы умиления: так он обратил себе на пользу то, что должно было послужить его гибели. Другой утверждал, что, если душа чиста, можно с радостью слушать не только духовные, но и мирские песни. Такая широта взглядов была, правда, скорее исключением, но общий настрой монахов заключался в том, чтобы ни над чем не превозноситься и ничего не ставить ниже себя.

Смирение

Ничто в монашестве не ценилось так высоко и не давалось так трудно, как смирение. Монах, не обретший смирения, не обретал ничего: все его старания были напрасны. Парадоксальная сложность этого качества заключалась в том, что смирение нельзя было выработать специально: оно было плодом и итогом всех монашеских усилий. По нему, как по вернейшему симптому, судили, как далеко продвинулся инок на пу-

ти духовной жизни. Больше того, смирение не могло сознавать самого себя: смиренный не знал, что он смиренен, он ощущал себя просто грешником. Чем больше духовных подвигов совершал монах, тем большим грешником себя считал и тем смиренней поэтому становился. Авва Дорофей приводил в пример знатного и богатого господина, который в своей провинции считает себя первым человеком, в митрополии — одним из последних, а при царском дворе — почти что нищим. Так и монах, приближаясь к Богу, видел себя все более жалким и ничтожным.

Если монах сознавал себя смиренным, он тут же терял смирение, и оно превращалось в свое обратное качество — страшнейший грех гордыни. Отшельники не могли не понимать, что делают что-то исключительное, невероятное, непосильное другим людям, и изо всех сил боролись с тем, чтобы превозноситься и ставить это себе в заслугу. Когда кто-то из иноков хвалился тем, что много постился, старцы говорили: лучше бы ты ел мясо, чем осквернял себя гордыней. Грешить и каяться не так опасно, как считать себя праведником: надо видеть не ангелов, а свои грехи. Поэтому не следует возлагать на себя слишком большие тяготы, учили отцы: если ты не выдержишь, то впадешь в отчаяние, а если выдержишь, то возгордишься. Двигаться к совершенству надо медленно и постепенно, едва-едва, проверяя каждый свой шаг и не думая, что совершаешь что-то великое. Отшельники опасались быстрых успехов, великих подвигов, всяких знамений и видений, якобы свидетельствовавших об их духовной силе, даже явных наград от Господа. Во всем этом заключался большой соблазн. Некого Валента, возмнившего, что по ночам ему является Христос, монахи держали на цепи и морили голодом, пока он не пришел в себя. Один неопытный инок семь лет молил Бога, чтобы Тот дал ему некий духовный дар, и наконец получил его, но старец посоветовал: а теперь моли еще семь лет, чтобы этот дар у тебя был отнят, потому что тебе он не полезен. Тот так и сделал, и дар исчез. Существовал верный способ, как отличить подлинное, небесное видение инока от ложного, посланного лукавым: надо сказать иноку, что виденное им было от дьявола. Если тот станет возмущаться и возражать, значит, видение было ложным; а если скромно признает, что да, от дьявола, потому что ничего другого он недостоин, — значит, истинное.

Если смирения можно было достигнуть только косвенно и неприметно, то с гордыней боролись напрямую. Ее попирали намеренными унижениями и позором, добровольно сносимой клеветой или хотя бы избеганием какой-либо известности. Отшельники как огня боялись славы, которая могла привести к ним мирских людей и нарушить их уединение да еще и ввергнуть в пагубу тщеславия. Ради сохранения скромности они прибегали к обману: молились тайком, так, чтобы не показать, что молятся; приходящим к ним давали вино, а сами весь день пили горькую воду с солью; отказывались говорить о вещах духовных, утверждая, что знают только земные и самые низменные страсти. Не будь на людях благочестивым и постящимся, говорили старцы, всегда ешь что дают, не давай повода думать, что ты подвижник. Любой подвиг они считали грехом, если он становился известным. Если кто-то приходил к ним, чтобы посмотреть на их добродетели, они или убегали, или нарочно начинали есть и вести себя так, что люди плевались и уходили. Общий принцип был: или избегай людей, или веди себя как шут, которого все презирают.

Отсюда оставался один шаг до юродства, и он был сделан. На Нитрийской горе обитал странный монах, который ни с кем не разговаривал, а встретив кого-нибудь из братьев, начинал громко смеяться, так что все от него шарахались, как от сумасшедшего. Был один старец, который, встречая гостей, нарочно садился у ворот своего дома и пожирал хлеб с сыром, чтобы все его осуждали за чревоугодие. В то же время появились и женщины-юродивые. До нас дошла история о монахини Исидоре, которая притворялась безумной: грязно одетая, она всем служила, бралась за любую работу, почти не ела и терпела поношения. В женском монастыре ее считали местной дурочкой: остальные монахини над ней смеялись, постоянно ее оскорбляли, били, издевались, выливали на нее помои. Когда же открылась ее святость, она сбежала из обители, и больше ее никто не видел.

Продавец

Необычность и скандальность поведения юродивых снискали им большую популярность у народа, и предприимчивые миряне научились извлекать из нее выгоду. Некий трактирщик нанял юродивого продавать бобы в кабаке: тот стал их есть и раздавать

нищим. Но причуды блаженного и его известность привлекали в трактир столько посетителей, что хозяин все равно остался в прибыли.

Борясь с гордостью и превозношением, подвижники смирялись до того, что считали себя ниже мирян. В историях пустынников есть немало эпизодов, когда Господь уничижает монахов, превознося достоинства какого-нибудь мирянина. Пафнутий спрашивал у Бога, с кем он сравнился по своим подвигам, и ангел ему ответил: «Ты подобен одному скомороху, который в соседнем селении теперь промышляет своим искусством ради пропитания». Пафнутий нашел этого скомороха, который рассказал, что когда-то был разбойником и спас от изнасилования юную деву. Монах сделал вывод: «Не должны мы презирать никого в здешнем мире — будь то разбойник или комедиант, простой ли земледелец, женатый ли человек, купец ли, преданный своей торговле». Антоний Великий обратился к Богу с таким же вопросом — все ли он делает для спасения души или кто-то превосходит его в этом деле, — и Бог указал ему не на другого, более совершенного подвижника, а на двух простых женщин, живших в городе. Когда Антоний отправился туда, чтобы узнать, что делают эти женщины и чего ему не хватает для совершенства, оказалось, что свекровь просто много лет прожила с золовкой, ни разу не поссорившись. Возможно, именно отсюда родилась одна из монашеских заповедей: прежде, чем бежать от людей, сначала научись хорошо с ними жить. Монахи ставили выше себя не только мирян, но и всех людей, включая рабов и иноверцев. Кто знает, рассуждали они, может быть, дух Божий в них, а не в тебе? Иеремиты принимали у себя даже манихеев и языческих жрецов и у них находили, чему поучиться.

Обретение смиренномудрия вело к кротости и незлобivosti, к умению сносить обиды и отвечать на них любовью и добром. Есть характерный анекдот о двух отшельниках, которые жили в одной келье и никогда не ссорились. В конце концов один из них заметил: это нехорошо, у всех людей есть ссоры, а у нас нет. Давай устроим распрю: я положу кирпич на землю и буду говорить, что он мой, а ты станешь возражать: нет, мой, и начнется распря. Так они и сделали: первый старец сказал — это мой кирпич, второй — нет, мой; первый ответил — да, он твой, возьми его. На этом «распря» кончилась.

Чудеса

Несмотря на скромность и смирение, труды и подвиги монахов не оставались без наград. Каждый из выдающихся подвижников обладал каким-нибудь духовным даром и мог творить чудеса. Так, один из пустынников умел разговаривать с черепом языческого жреца, расспрашивая его о прошлом, а другой исцелял больных и воскрешал мертвых, предварительно спрашивая, хотят они отойти к Богу или пожить еще. Святой Феодосий мог одним зернышком наполнить целую житницу, а Виссарион превратил морскую воду в пресную и даже остановил солнце, чтобы успеть дойти до ночи к брату. Отправляясь в странствия, отшельники переправлялись через Нил верхом на крокодиле или брели на другой берег по колесу в воде, словно по мелководью; некоторые перемещались по реке на волшебной лодке, мчавшейся с огромной скоростью против течения. Когда старцам нечего было есть, пищу им приносили ангелы: иногда это был просто хлеб, а иногда небесная еда, вкусив которой можно было не есть целую неделю. Многие отцы были прозорливы и могли предсказывать будущее: Аполлоний, например, знал помыслы и дела не только тех, кто приходил к нему, но и всех братьев в пустыне. Говорили также, что он мог появляться в закрытых помещениях и мгновенно переноситься в любое место.

В пустыне водилось множество зверей, и они часто появляются в рассказах о святых отцах. Сердобольный авва Феона по ночам поил приходивших к нему диких животных — их следами была истоптана земля вокруг его кельи. Макарий однажды излечил слепого детеныша гиены, и мать-гиена в благодарность принесла ему шкуру овцы: ее потом подарили Афанасию Великому и показывали всем желающим как «дар гиены». Многие звери добровольно или по принуждению служили святым старцам: дикие ослы возили на себе утомившихся монахов и их грузы, могилу Павлу Фивейскому выкопали львы, а пещеру отца Аммония охраняли два дракона.

Пустынникам приходилось довольно часто сталкиваться с драконами. Драконы в Египте были ползучие и без крыльев — огромные толстые змеи, источавшие смрад и внушавшие своим видом такой ужас, что немногие могли его выносить. Во многих христианских источниках о драконах говорится как

о чем-то обыденном, безо всякой сказочности. Например, Паладий описывал это так: «Когда мы шли по пустыне в полдень, вдруг увидели огромного дракона, как бревно ползущего по песку. Увидев его, мы сильно испугались. Но провожавшие нас братья убеждали нас не бояться, а быть спокойными и идти за драконом. “Увидите, — говорили они, — веру нашу”. Они надеялись убить его собственными руками». По словам монаха, он был длиной в пятнадцать локтей, то есть около семи метров.

С одним из таких монстров пришлось иметь дело отцу Аммону. Местный дракон опустошал окрестности и убил многих людей. Одного ребенка, сына пастуха, он напугал так, что тот при виде дракона потерял разум; зверь отравил малыша ядовитым дыханием, и его принесли домой без сознания, всего распухшего. За помощью обратились к авве Аммону, который сначала излечил мальчика, а затем смело отправился к логову чудовища. Увидев его, дракон бросился на старца, шипя и дыша ядом, но тот заклил его именем Христа. «И лишь только он сказал это, — рассказывает патерик, — как вдруг ужасный дракон, изрыгнув вместе с дыханием ядовитую пену, с треском лопнул посередине. Поднялось нестерпимое зловоние». Жители поспешили забросать чудище горами песка.

Разнообразие монахов

Внешность отшельников зависела от того, далеко ли они жили от селений и как сильно предавались аскезе. Классический портрет отшельника — это иссохшее тело, сморщенное лицо, грязная кожа, редкие волосы на лице (борода и усы не росли от плохого питания), дырявая, залатанная и перелатанная одежда, часто власяница из грубого верблюжьего волоса или козьих шкур, иногда просто пальмовых листьев. Старцы говорили: монах должен носить такую одежду, которую никто не взял бы, если бы ее выбросили из кельи.

В Египте волосы предпочитали стричь, кроме совсем дальних отшельников, которые не видели людей и ходили с длинными седыми космами. В Сирии, наоборот, совсем не стриглись. Старец Феодосий отрастил такие длинные волосы, что они волочились по земле, и ему приходилось обматывать их вокруг тела. Испанский подвижник Фруктуоз сидел в пеще-

ре голый, до земли обросший волосами, а Лупициний в таком же виде жил в дупле дерева. Из-за постоянного голодания от анахоретов часто оставались буквально кожа да кости. О Евсевии говорили, что за сорок дней поста он съедал всего пятнадцать смокв. В результате он иссох так, что даже пояс на нем не держался и соскальзывал вниз, поэтому пришлось прикрепить его к хитону.

Ведя строгую подвижническую жизнь, старцы скромно признавали, что есть и другие, еще более высокие степени аскезы, которые им недоступны. Пимен говорил, что сам он совсем не монах, но однажды видел настоящего монаха. Как-то раз он отправился далеко в пустыню, в места, где никто не жил. После многих дней пути он нашел пещеру, где сидел инок; но когда старец дотронулся до его плеча, тот оказался мертвецом: ветхий и давно высохший, он рассыпался в прах. Наконец у озера среди зверей, собравшихся к водопою, он заметил живого человека, нагого, обросшего длинными волосами и пившего воду вместе с животными. Подкравшись к нему сзади, он схватил его, но тот вырвался и убежал, потому что «не мог выносить человеческого духа». Пимен долго гнался за ним, однако нагой мудрец остановился только после того, как старец снял одежду и сам остался нагим. Пимен крикнул ему издали: что нужно делать, чтобы спастись? Человек ответил: беги от людей и молчи, — и убежал.

Таких безымянных отшельников было очень много. Историк Евагрий называл их «пасущимися»: они вообще не имели жилья, скитались по пустыне, питаясь кореньями, как звери. Разучившись говорить, они зарастали волосами, теряли человеческий облик и пугливо убегали, увидев людей. Никто не знал их имен. Они уходили в горы, в глубоко скрытые пещеры, и жили там вместе с гадами, вознося из-под земли молитвы Богу.

Встречались и противоположные примеры: существовал особый род монахов-странников, вечно находившихся в движении и не имевших своего пристанища. Отец Серапион, например, вел необычную жизнь: продавал себя в рабство язычникам и еретикам и, живя с ними, обращал их в христианство. Прибывая в новый город, Серапион спрашивал, кто тут самый лучший подвижник, и учился у него, а если сам был сильнее, то учил других. Таким образом он путешествовал по всему свету, побывав в Греции и в Риме.

По характеру старцы тоже были разными людьми: одни — нелюдимыми, резкими и суровыми, другие — простыми, мягкими и терпимыми. Среди них встречались и широко мыслящие мудрецы, не чуравшиеся философии, и упорные, дотошные однодумцы, вроде великого Памвы, который, услышав лишь один стих Псалтыря, глубоко задумался, ушел в пустыню и двадцать лет предавался подвигам, стараясь исполнить услышанное.

Не все отцы проявляли снисходительность и добросердечность — некоторые отличались жестким нравом, доходившим порой до жестокости. Одним из таких грозных пастырей был Шнуди, крестившийся в девять лет в монастыре Пахомия. Следуя путем своего учителя, Шнуди создавал новые монастыри, помогал бедным, дерзко обличал пороки власти и священников и наводил страх даже на окрестных разбойников. Он славился суровостью своих наказаний: лично бил провинившихся плеткой или посохом и даже забил одного инока до смерти. Фигура этого подвижника была настолько неоднозначна, что о нем мало писали авторы, воспевавшее монашество, поэтому его имя осталось почти не известно.

Монахи и епископы

Убегая от мира, монахи убегали и от церковных должностей. Став священником или епископом, им приходилось жить в миру, среди людей, утратив то внутреннее равновесие и чистоту души, к которым они стремились. Поэтому они всеми силами старались избавиться от архиереев, желавших использовать их для блага Церкви и посвятить в какой-нибудь сан. «Больше всего монах должен избегать женщин и епископов, — писал Пахомий, — потому что и те, и другие не дают ему покоя в пустыне». Иоанн Ликопольский призывал: «Не уходи из пустыни. Здесь никто не может рукоположить в епископа».

Если такое все-таки случалось, монахи сопротивлялись новому назначению как могли. Авва Нетра, поставленный епископом, ответил на это тем, что удвоил свои аскетические подвиги, а отшельник Драконтий, также рукоположенный в епископы, ужаснулся, что потеряет все навыки анахорета, и снова сбежал в пустыню. Один епископ решил сделать клириком Саламана, замуровавшего себя в пещере: он взломал стену его кельи и по-

святил в священники. Пока шла хиротония, Саламан не сопротивлялся и не говорил ни слова, но, когда епископ ушел, молча собрал камни и снова замуровался в келье.

Несмотря на сопротивление, монахов иногда посвящали насильно, и тогда их реакция бывала очень резкой. Когда посланные пришли от патриарха Феофила к Аммонию, чтобы сделать его епископом, тот взял нож и отрезал себе ухо, что по церковным канонам лишало его права на епископский сан. Феофил, узнав об этом, с досадой сказал, что посвятил бы его и безносым. Он отправил людей снова, но Аммоний уже ждал их с ножом и пригрозил, что отрежет себе язык. Только тогда его оставили в покое.

Несмотря на это, монахи и подвижники, случалось, становились не только епископами, но и патриархами. Одним из самых известных был Иоанн Постник, живший в VI веке. Он служил диаконом в константинопольской церкви и пользовался большим уважением у паствы; поэтому его решили избрать новым патриархом. Узнав об этом, Иоанн пришел в ужас и отказывался так настойчиво, что его пришлось силой доставить во дворец. Иоанн был истинный монах, смиренный, аскетичный, с виду весь иссохший и худой, чрезвычайно строгих правил. Но чем строже он был к себе, тем мягче и добрее относился к другим. Мягкость его была такова, что созданные им покаянные правила до сих пор считаются в церкви образцом снисходительности к человеческим слабостям. Он защищал от преследований даже еретиков. После избрания патриархом власти попросили у него разрешения использовать против еретиков полицию, как было заведено при его предшественнике Евтихии. Иоанн Постник ответил — а вы спросите у него (то есть у покойного Евтихия) сейчас: если он разрешит, то я согласен. Когда на том же стал настаивать император Маврикий, Иоанн с грустью заметил: «За что их преследовать? Ведь они только следуют своей вере». Пораженный таким ответом, император уступил.

Темные стороны монашества

Подвиги отшельников, их изречения и образ жизни были воспроизведены «с натуры» очевидцами, лично побывавшими в описанных местах и общавшихся со старцами. Но при

всей историчности и правдивости этих сказаний они во многом рисовали идеал монашества, а не его повседневную практику. В церковной истории среди монахов чаще встречаются не святые старцы-отшельники, снисходительно милующие грешников, а сомнительные крикуны-бродяги или агрессивно настроенные фанатики, которые готовы не то что кого-то осудить, а прямо проломить голову камнем или попросту убить. Кажется, что эти люди обладали всеми теми грехами, с которыми так ревностно боролись отцы-пустынники: непомерной гордыней, нетерпимостью, узостью мышления, жестокосердием и почти детским легковерием в вопросах веры.

В монашеских обителях собиралось много случайных людей, даже преступников, которые бежали от налогов и от преследования закона. Сбиваясь в группы и блуждая между городами, они выпрашивали подаяние, разносили слухи и будоражили народ. При виде этих многочисленных и шумных сборищ само слово «монах» (от греческого «монос» — «один») стало вызывать насмешку. Языческий поэт Паллад с иронией писал:

Если зовутся они одинокими, что ж их так много?
Где одиночество тут, в этой огромной толпе?

Самым худшим проявлением монашества была воинственность, соединенная с фанатизмом. В Египте бродячие монахи представляли грозную силу, что-то вроде мобильной армии, которую использовали в своих целях александрийские епископы. С их помощью Феофил разгромил оригенистов в Нитрийской пустыне. Св. Кирилл Александрийский опирался на них в борьбе с префектом Египта Орестом, который пытался удержать христианскую толпу от еврейских погромов и за это получил от одного из монахов камнем в голову. В V веке в Иерусалиме монахи устроили настоящий бунт и захватили власть в городе, изгнав патриарха Ювеналия и перебив множество людей, в том числе епископов. Жителей они заставляли публично анафемствовать Халкидонский собор и его участников. Только вмешательство армии, разбившей войско монахов, восстановило власть и порядок.

Положение усугублялось тем, что среди монахов большинство были «простецы», люди не только невежественные, но и принципиально презиравшие образование. Считалось, что

для спасения не нужны ни знание, ни учение, ни книги. Антоний Великий говорил: «У кого ум здрав, тому не нужна наука». Многие старцы смотрели на книги как на непозволительную роскошь для монахов, хотя и признавали их пользу. Феодору Фермейскому, который держал у себя три книги и давал их читать другим братьям, Макарий заметил: «Ты поступал хорошо, но нестяжательность выше». Феодор немедленно продал книги, а деньги раздал нищим. В монашеской среде процветало такое дремучее явление, как антропоморфизм: представление о том, что Бог чисто физически выглядит как человек. Это мнение особенно широко было распространено в Египте. Есть история про местного христианина — правда, крестьянина, а не монаха, — который каждую ночь ставил за дверью крынку молока в полной уверенности, что Господь придет и выпьет ее поутру.

Конечно, находилось немало подвижников, которые испытывали благоговение перед книгами (речь идет только о Св. Писании). Они говорили, что один взгляд на книги побуждает к правде и ослабляет грех. Тех, кто не мог уразуметь прочитанного, старцы утешали, указывая на овец, пережевывавших жвачку: «Что не понимаешь теперь, поймешь после». Но в целом люди образованные уходили из монашества: оно было не совместимо с ученой, книжной и творческой жизнью. Для многих иночество становилось только эпизодом, бесценным опытом богоугодной жизни, которая, однако, не могла полностью удовлетворить их потребности: такими были блаженный Иероним, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст.

Распространение монашества

Монахи постепенно расселились по всему Египту. Существовали целые города, например Оксиринх, где жили только монахи. В Антинополе, не самом крупном городе, насчитывалось двенадцать женских монастырей. Греческие и римские паломники и любители аскезы обычно не добирались дальше Нитрийской пустыни, за которой начинались малоцивилизованные, дикие и опасные места: тут царил только Египет. Почти все местные отшельники были египтяне-копты, не любившие «эллинов». Каждый новый монах должен был

выучить принятый у пустынников фиванский диалект коптского языка.

Но монашество недолго удерживалось в границах одной провинции. Уже в IV веке из Египта движение аскетов перекинулось в соседнюю Палестину. Илларион Великий, приехавший в Александрию учиться, увлекся монашеством и, вернувшись домой, устроил близ Газы монастырь по египетскому уставу. Очень скоро в нем жило уже несколько тысяч человек. Епифаний, будущий епископ Кипра, основал монастырь вблизи Иерусалима, в Елевферополе. Со временем обителей становилось все больше — в Вифлееме, в пустыне Фаран, на горе Синай. Позже монашество перекинулось в Сирию: Антиохию, Эдессу и дальше на восток и север.

Студийский монастырь

Одной из новых форм аскезы было появление обителей несыпающих, где богослужение шло круглосуточно, без перерывов. Самой известной из них был Студийский монастырь близ Константинополя, основанный богатым горожанином Студием. Монастырь славился своими выдающимися архимандритами, такими, как св. Феодор Студит, и не менее замечательными переписчиками книг. Одному из них, Николаю Исповеднику, греческий язык обязан появлением нового вида почерка — минускула, где буквы расположены не отдельно, а соединяются друг с другом в сплошную вязь.

Перебираясь на другие территории, монашество изменялось и приобретало новые оттенки. Подвиги монахов многим стали казаться недостаточными, слишком легкими. Отшельники уже не просто жили в кельях, а замуровывались в них на всю жизнь, принимая еду только сквозь маленькое отверстие в стене. Они не просто трудились, а надевали на себя тяжелые вериги и цепи, которыми опутывали себя так, что могли ходить, только согнувшись до земли. Для таких экстремальных монахов даже пост был пиршественной трапезой, а крайнее воздержание от пищи — пределом изобилия. Простое подвижничество их не удовлетворяло, они искали новых, более сильных и невозможных испытаний. Что особенного в том, чтобы бороться с блудными помыслами в одиночестве, сидя в своей келье, где тебя могут соблазнить только собственные мысли?

Новые подвижники шли в лупанарии, в женские бани, заключали в объятия нагих девиц — и тем подвергали испытанию свою стойкость в целомудрии. Другие похожим образом боролись с чревоугодием: нарочно готовили вкуснейшие яства и деликатесы, ставили их на стол, но угощали ими только гостей, а сами, глядя, как они едят, не притрагивались ни к одному блюду. Но и этого было недостаточно — воздерживаясь от пищи, монахи просто следовали своему желанию; поэтому они нарочно принуждали себя есть, преодолевая отвращение к еде, вопреки страстному желанию поститься.

Особенно суровой аскезы была на северо-востоке Византии, в Сирии, Каппадокии и соседних областях. У сирийских отшельников менялся дух аскезы, она становилась темней и суровей, даже грубей. Широко распространились вериги. Их надевали на шею, пояс, запястья, локти и ноги. Они могли весить до 60 килограммов. Умиравших иноков так и хоронили в веригах. Почитание святых здесь тоже было восточным, грубо-вещественным, полусуеверным. Отшельников трогали руками, хватали, пытались оторвать кусок одежды, завладеть их телом — чтобы так приобщиться к их святости. Когда старца Иакова, заболевшего и беспомощного, несли на носилках в город, жители по дороге вырывали у него волоски. Затворника Саламана почитатели однажды силой вытащили из кельи и отнесли в деревню, где поселили в какой-то хижине, откуда его в ту же ночь выкрали и утащили к себе жители другой деревни.

Для умерщвления плоти северным аскетам не обязательно было убегать из городов и искать какие-то особые уединенные места. Их подвижническая деятельность часто протекала на глазах у всех, что делало ее еще более поразительной и невероятной. Тот же Иаков, уроженец Сирии, прославился тем, что жил прямо в поле под открытым небом. У него не было ни дома, ни постели, он вообще никак не отгораживался от мира, просто спал на голой земле, терпел холод, дождь и зной, питался, чем придется. Зимой в снегопад он всю ночь молился Богу, и утром его откапывали лопатой из сугроба. Вокруг него все время толпились люди, и он часто просил их уйти, говоря, что ведет такую жизнь не для других, а для себя: его покрывают язвы грехов и ему надо очищать себя молитвой, а не вести беседы. Он страдал от того, что не мог публично справиться с нуждой, даже когда болел и испытывал в этом острую потреб-

ность: приходилось ждать ночи, когда все разойдутся и лягут спать. Вериги он носил на всех частях тела, хотя на вид оно было таким худым, что, казалось, его могло унести порывом ветра.

Полихроний, наоборот, не носил вериги, боясь, что от этого слишком возгордится. Вместо этого он взваливал на плечи тяжелый корень дуба и так молился. Отшельник Варадат сделал из дерева тесный ящик, забрался внутрь и сидел в нем, скорчившись в три погибели. Фалалей, подражая ему, жил над землей в клетке, поставленной на колья; внутри было так тесно, что ему приходилось съезживаться, прижав голову к ногам. Еще один подвижник обтянул всего себя плотной кожей, оставив только прорезы для носа и рта, чтобы дышать, и так стоял посреди поля, вознося молитвы

Женщины не уступали мужчинам в суровости аскезы. Отшельницы Марана и Кира сорок два года жили вместе, затворившись в доме и ни с кем не разговаривая, так что люди даже не знали их голосов. Они носили такие тяжелые вериги, что сгибались до земли, а сверху накидывали покрывала, закрывавшие лицо. Домнина предавалась аскезе в саду собственного дома, построив хижину из стеблей проса. Она принимала всех желающих, даже мужчин, но сама ни на кого не смотрела и не показывала лица, накрываясь с головой покрывалом. Видевший ее Феодорит Кирский писал, что от постоянного поста от нее остались одни кости, покрытые тонкой пленкой кожи. Она говорила неразборчиво и все время плакала.

Столпничество

В Сирии в V веке подвизался знаменитый Симеон Столпник. Еще в молодости, в восемнадцать лет, он истязал свое тело так, что это вызвало ропот его собратьев-монахов. Однажды он крепко обвил себя по голому телу грубой веревкой, которая впилась в него до костей; рубцы скоро стали кровоточить и гноиться, но Симеон не обращал на них внимания, пока настоятель не заставил его омыть и вылечить раны. За крайнюю аскезу его выгнали из монастыря, и он поселился в сухом колодце, где жил со змеями и чуть не умер от голода. Когда его насильно вытащили оттуда, он начал скитаться, поселился в какой-то горной пещере, где попросил замуро-

вать его в пещере на сорок дней без еды и воды. Его спутники настояли, чтобы он взял несколько хлебов и воду, иначе это будет самоубийство; отшельник согласился; но, когда пещеру открыли, оказалось, что Симеон лежал на полу «как мертвый», а вода и хлеб стояли рядом нетронутыми. После этого он каждый год голодал по сорок дней: сначала стоя, затем сидя и, наконец, лежа в изнеможении. Позже он придумал привязывать себя к перекладине и так стоял весь пост.

Проведя три года в пещере, Симеон переселился на вершину горы, где к нему в изобилии стали стекаться паломники и просители, которых он излечивал одним прикосновением. Наплыв людей так досаждал ему, что он выстроил на скале каменный столб высотой в шесть локтей (около трех метров) и шириной в два локтя и стал жить на нем. Постепенно он увеличивал высоту столпа, пока она не достигла 40 локтей. Симеон проводил на этой площадке все время, зимой в мороз, летом — под солнцем и дождем. Питался он пищей, которую ему подавали снизу: размоченным в воде зерном и сухими фруктами.

Современник, бывший личным свидетелем этого подвига, описывал, как все это происходило. Вокруг столпа собиралась толпа людей. Старец молился, стоя на столпе, то неподвижно, то отбивая поклоны. Кто-то из зрителей пытался подсчитать количество поклонов, досчитал до 1244 и бросил. Кланяясь, Симеон каждый раз касался лбом пальцев ног. Всю ночь до рассвета он стоял с поднятыми к небу руками. Вечером говорил поучения к народу, выслушивал просьбы, исцелял, разрешал тяжбы и споры. Однажды кто-то усомнился, что он человек: не есть, не спать противно человеческой природе; тогда старец пригласил его подняться к нему по лестнице, чтобы сомневающийся мог ощупать его тело и увидеть ужасную рану на ноге.

Необыкновенная аскеза Симеона вызвала сомнение и у Церкви. Египетские старцы решили проверить, от кого он берет силы для такого подвига. К нему отправили посланцев, которые потребовали, чтобы он сошел со столба и отправился к святым отцам: пусть даст отчет и объяснит, почему он не идет путем отцов, а придумывает что-то новое. Посланцам сказали, что если он откажется идти, значит, сила его не от Бога. Но Симеон тут же послушно спустил ногу, чтобы слезть на землю, и посланцы ушли, признав в нем человека Божьего.

Симеон прожил на столбе 37 лет (по другим сведениям — 80) и умер, когда ему было уже больше ста. Его жизнь кажется невероятной, но она достоверно засвидетельствована многими историками. После него появилось немало последователей, предававшихся столпничеству. Алипий Столпник жил на колонне, оставшейся от языческого храма; правда, в последние годы он стоять уже не мог и больше лежал на боку. Даниил Столпник провел на столбе больше 30 лет в окрестностях Константинополя: от долгого стояния его ноги покрылись язвами, а по утрам от холода он весь покрывался льдом. Были и многие другие столпники — Симеон Дивногорец, Феодосий Эдесский, Лука Столпник, Лазарь Галисийский.

Переход к киновиям

Египетское анахоретство было ядром монашества; от него пути расходились в две противоположных стороны — смягчения и ужесточения. О более суровых сирийских формах подвижничества уже говорилось, но существовали и более мягкие, промежуточные формы аскетизма: например, сарабиты жили вне города, но сохраняли свое имущество, а гироваги могли переходить с места на место. Такие послабления позволяли расширить круг аскетов, приобщая к иноческой жизни людей с менее твердой волей и более мирской заваской.

Монашество началось с уединения и отшельничества, но со временем чаша весов стала все больше склоняться к общежитию. По преданию, первый монастырский устав Пахомий получил от ангела, который предписал монахам совершать по 36 молитв в день: 12 днем, 12 вечером и 12 ночью. Когда Пахомий возразил, что это слишком мало, ангел объяснил, что такое число предназначено для слабых: совершенным же всем не нужен устав, поскольку они живут в уединении, полностью предав себя Богу. В этом ответе уже заключался весь смысл существования киновий. Общежитие больше подходило для «новоначальных», новичков, неспособных к одинокой жизни.

Процесс «обобществления» монашества заметен уже в отшельнических общинах. Некий Публий так усердно заботил-

ся о своих учениках, что ходил по кельям с весами и взвешивал хлеб, укоряя тех, кто держал больше положенной нормы: есть полагалось ровно столько, чтобы не умереть с голоду. Муку он смешивал с отрубями, чтобы она была невкусной и отбивала аппетит. По ночам он будил спавших, призывал их на молитву и т. д. В конце концов дело кончилось тем, что бдительный отшельник основал киновию.

В IV веке Василий Великий написал «Устав» для восточного монашества, где во главу угла ставились организация и дисциплина, а не аскетические подвиги. Как и для иноков Пахомия, одиночество для монаха-василианца было скорее вредно; наоборот, он все время проводил с братьями, вместе с ними ел, молился, спал, работал. В обителях по уставу Василия много трудились, занимаясь не только земледелием и ремеслами, но и лечением больных, воспитанием детей, заботами о бедных. В то же время граница между миром и монастырем становилась менее резкой: миряне могли приходить в монастырь, а монахи — на время его покидать.

Все это задало монашеству совсем другой тон — спокойный, чинный, лишенный крайностей и несколько рутинный, без поражающих воображение подвигов и необыкновенных ярких личностей вроде Антония, Пимена и т. д. Сами подвижники предвидели это, говоря, что следующие поколения уже не смогут делать то, что делали они. Мир катится ко злу, благочестие падает, скоро наступят времена, когда просто быть добрым станет большей заслугой, чем все аскетические подвиги, которым предавались отцы-пустынники.

Постепенно монашество вошло в более спокойное и правильное русло, подчиненное церковной иерархии. Вне ее монахи становились слишком непредсказуемой и беспокойной силой. Дело дошло до того, что император Феодосий Великий, человек верующий и вполне благочестивый, запретил монахам жить и даже появляться в городах, чтобы не обличать там власть имущих и не бунтовать народ. Зато вместе с Церковью монашество полностью вписалось в структуру государства. Монастыри стали крупными землевладельцами и местом ссылки для неугодных политиков. Их насельники имели право торговать, сдавать внаем дома и даже содержать трактиры (но не стоять в них за прилавком). Случалось, что монахи занимались и ростовщичеством, хотя в целом Церковь это осуждала. Заботясь о государственной казне, некоторые императо-

ры пытались ограничивать влияние монастырей и запрещать их бесконтрольное обогащение, но такие попытки всегда заканчивались провалом. Монашество настолько плотно вросло в мирскую жизнь, что стало неотъемлемой частью государства. Монахи сами образовывали партии и активно влияли на политическую жизнь страны. Авторитетные игумены вроде Феодора Студита становились советниками государей, без которых не принималось ни одно решение, вплоть до объявления войны.

Глава третья. Монашество на Западе

Первые монастыри

На Западе отшельники появились так же рано, как и на Востоке. В III–V веках многие аскетически настроенные христиане жили по двое или по трое в собственных домах, отказываясь от брака и имущества и образуя «аскетерии». Даже миряне давали обеты соблюдать «духовный брак», то есть хранить целомудрие и после женитьбы. Богач Павлин Ноланский, римский консул и сенатор, раздал все свои имения и жил с женой как брат. Римлянка Азелла с двенадцати лет почти не выходила из комнаты, не общалась с мужчинами, носила грубую одежду и особое покрывало, как «невеста Христова». Другая римлянка, Марцелла, став вдовой, раздала имение и вела аскетическую жизнь, во избежание искушения не оставаясь наедине с мужчинами, даже если это были священники или монахи.

Но настоящее монашество на западной почве приживалось дольше и труднее. Возможно, дело было в более суровом климате, не способствовавшем уединенной жизни на природе. Первоначальный импульс отшельничества шел с Востока, от людей, побывавших там и рассказывавших о распространении монастырей: Иеронима, Руфина, Сульпиция Севера. В IV веке Амвросий Медиоланский создал недалеко от Милана монастырь по образцу восточных. В V веке Августин устраивал в Северной Африке женские монастыри и сам вместе со всем своим клиром жил как монах. Примерно в то же время Гонорат, представитель знатного рода, поселился у берегов Галлии на островке, покрытом густым лесом и болотами,

где кишели змеи, и создал общину отшельников: они расчистили лес, насадили пшеницу и виноград, сплели сети и стали ловить рыбу.

Иоанн Кассиан, друг Иоанна Златоуста, долго живший на Востоке, написал первый монашеский устав на Западе. Он приспособил греческие правила к северным условиям, где следовало больше заботиться о теплой одежде и считаться с местными традициями: одевания египетских пустынножителей тут показались бы смешными. На Западе, в холодном климате, считалось аскетичным подвигом просто ходить босиком. Августин писал об Алипии, что тот ходил по Италии «босыми ногами, оледеневшими от холода». Существовала целая секта рудипедалов (босоногих), требовавших, чтобы все христиане ходили босиком. От обуви отказывались многие монахи и кающиеся паломники.

Кассиан считал, что излишние аскетические подвиги не нужны, потому что приводят к гордыне, гораздо важнее прилежный труд. Он давал инокам послабления, согласно которым было допустимо есть дважды в день и покидать монастыри. Устав Кассиана перекликался с идеями Василия Великого: он предназначался для массового пользования, не для исключительных личностей, а для средних людей, которым нужна постоянная помощь и поддержка и которых слишком большие испытания могут надломить, а не излечить.

В отличие от неграмотного монашества в Египте, на Западе в монастырях с самого начала ценилась ученость. Патриций Кассиодор основал в Италии обитель под названием Вивариум, где монахи полностью посвящали себя науке. Сам Кассиодор писал учебники, посвященные не только богословию, но и светским наукам: арифметике, музыке, астрономии, геометрии, истории, географии и орфографии. Он заходил так далеко, что допускал даже изучение еретических сочинений, цитируя слова Вергилия: «Золото есть и в навозе». В своей монастырской школе он собрал большую библиотеку.

Одним из самых известных основателей западного монашества был Мартин Турский, считавший для себя образцом Антония Великого. По профессии он был военным, но отличался добротой и состраданием: как-то зимой в мороз он одел замерзшего человека, разорвав собственный плащ. Уйдя в отставку, Мартин основал монашеское общежитие близ Пуатье, следуя тем же строгим правилам, что практиковались в Егип-

те: уединенная жизнь, безмолвие, питание один раз в день. Монахи не имели ничего своего и жили за счет милостыни, селились в пещерах или деревянных хижинах и носили власяницу из верблюжьего волоса, подражая Иоанну Крестителю.

Бенедиктинцы

Однако суровый аскетизм Мартина Турского в Европе не прижился, так же как и аскеза египетских отцов. Монахи жаловались Мартину Турскому: «Было бы бесчеловечно нас, людей галльской нации, заставлять жить по образу ангелов». Гораздо большее влияние на западное монашество оказал итальянец Бенедикт из Нурсии, потомок древнего римского рода Анициев (родился в 480 году). Почувствовав отвращение к светской жизни в Риме, он ушел в отшельники, жил сначала в пещере, куда ему спускали пищу на веревке, потом переехал в развалины старой крепости и основал знаменитый Монтекассинский монастырь. Устав Бенедикта Нурсийского был легче и мягче, чем у восточных подвижников, здесь не было никаких аскетических крайностей, требовались только порядок, прилежание и терпение. Бенедикт писал, что хотел создать «школу для служения Господу, где не будет ничего слишком строгого или тягостного». По правилам Бенедикта кандидат в монахи в течение года проходил испытание и давал письменную клятву никогда не оставлять монашеского звания. Монахи считали себя «воинами Господа», которые сражаются в «братском строю». Их служение — это военная служба, для которой требуется беспрекословная дисциплина. Аббат, как военачальник, отдает приказ, а монах, как рядовой воин, исполняет его без рассуждений. У аббата были помощники-офицеры: заместитель, называемый приором, и «старшины», руководившие группами из десяти монахов (их называли также «деканами», то есть десятниками).

Важнейшим принципом бенедиктинского устава были нестяжание и молчание. Бенедикт требовал с корнем вырывать порок владения чем бы то ни было. «Нельзя обладать даже собственным своим телом или своими желаниями, но следует во всем необходимом надеяться на отца монастыря». Инок отрекался от своего имущества и собственной воли, предавая себя в полное послушание настоятелю монастыря. Без его реше-

ния монах не мог видаться даже со своими родителями. Если ему что-то приносили, он не должен был к этому прикасаться, пока не позволит настоятель. Говорить разрешалось только в случае необходимости, а шутки и смех не допускались вовсе.

Все делалось в полной тишине, за работой не было слышно даже скрипа пера у переписчика, как будто «в комнате нет ни одного брата», как гласил устав. Слова не произносились вслух, а писались на дощечках или заменялись жестами. Существовал даже особый словарь жестов, разный в разных монастырях. Например, чтобы обозначить хлеб, рисовали в воздухе круг, пирог изображали, чертя на ладони крест, знаком молока был палец, который сосали во рту, а рыбой — линия, проведенная между бровями. Были специальные жесты, чтобы отличать ржаной хлеб от пшеничного, вино с пряностями — от вина с медом. Язык жестов со временем так разросся и усложнился, что мог соперничать с настоящим языком. Один паломник как-то посетил монастырь, где иноки, дав обет молчания, с необыкновенной легкостью и быстротой общались жестами: насмотревшись на них, он с иронией заметил, что в жизни не видел таких болтунов.

Обитатель монастыря никогда не оставался в одиночестве: сон, еда, работа, молитва — все делалось вместе. Монахи спали в огромных dormitorioх, никогда не отапливаемых, где для освещения всю ночь горела свеча или плававшая в воске пакля. Постелью служил соломенный тюфяк, на который ложились, подложив под голову набитую соломой подушку и накрывшись одеялом из грубого сукна или козьей шерсти. В кровати лежали одетыми, как солдаты в карауле, чтобы по первому зову аббата встать и идти на службу. Если спавший монах не вставал при первом ударе колокола, его поднимали, и он должен был брать в руки фонарь и искать другого проспавшего монаха. Если такой находился, он ставил ему ноги фонарь, и тот перенимал эстафету, пока в конце концов не поднимались все.

Основной девиз был *ora et labora* — «молись и трудись». Иноки занимались земледелием, корчевали лес, распахивали целину, возделывали виноградники, рыли пруды и разводили рыбу. На огородах выращивали овощи и лекарственные растения, в садах — фрукты. Монахи устраивали пивоварни и винокурни, сыроварни, мастерские, разводили овец, искали дикий мед и заводили пчелы, топили воск, добывали уголь,

руду и соль, производили стекло, витражи, черепицу, кирпичи и ювелирные изделия, выделывали кожу, мололи муку на мельницах и пекли хлеб, строили дороги и мосты, ковали железо, осушали болота и прокладывали каналы. И это при том, что под монастыри отводились самые непригодные земли — лесная глушь, болота, пустоши.

Несмотря на затворнический образ жизни, монахи нередко путешествовали по поручению аббата и делам монастыря. Это были трудные и опасные поездки. Путникам приходилось пробираться сквозь дремучие леса, полные диких зверей и разбойников. Простая переправа через реку становилась головоломной задачей: удобных бродов было мало, а мостов еще меньше. В половодье их затопляло или уносило течением, а те, что оставались, находились в таком плачевном состоянии и зияли такими дырами, что переходить по ним можно было только днем, да и то с большой осторожностью.

Из монашеских правил

Если монах проливал Кровь Иисуса (то есть пресуществленное вино) на пол, то должен был смыть его водой, а воду выпить. Если же вино капало на одежду, то ее стирали, а воду после стирки выпивали.

В монастыре валломброзианцев готовившиеся к постригу монахи (новиции) должны были голыми руками вычистить свинарник, а потом три дня молча и неподвижно лежать на полу, вознося молитвы Господу.

Поступление монаха в монастырь считалось днем его рождения, поэтому каждый год в этот день экононом приносил ему стакан вина.

Распорядок дня

Монахи ложились около семи вечера. В полночь они вставали на всенощную, в половине третьего снова ложились спать, но через полтора часа уже поднимались на утреню. Ночные часы считались самыми подходящими для молитвы: в это время везде царят тишина и покой, дух светел и молитвы легко летят к небу. К тому же по ночам все остальные спят и никто не молится — монахи заполняли этот пробел. Был случай, когда корабль французского короля начал тонуть в море, и тот за-

кричал: нам бы только продержаться, пока монахи не встанут на утреню, тогда их молитвы нас спасут! В монастырях не топили, поэтому температура зимой по ночам иногда опускалась до минус 15 градусов. Исключение делалось для храма: когда было слишком холодно для богослужений, в церковь приносили железный шар, наполненный горящими углями.

После утрени монахи спали еще примерно час и в шесть утра начинали уже настоящий день. За утренним туалетом следовала личная молитва, потом первый из так называемых «часов» — специальных молитв, обязательно читавшихся в течение дня. После часов начинался капитул — общее собрание монастыря. На нем рассматривались административные и хозяйственные дела, затем происходил «обвинительный капитул», где монахи каялись в совершенных ими проступках или прегрешениях. На обвинительном капитуле монахи не только каялись в своих грехах, но и обвиняли в них других. Существовал даже специальный «шпион», который следил за монахами и записывал их прегрешения. Кающийся монах приходил в капитульный зал босым и обнаженным по пояс, обвязав вокруг тела рукава рубашки и накинув на левую руку подрясник. Протянув настоятелю розги, он простирался перед ним на полу и просил прощения, а потом получал удары розгами соответственно наказанию. Службы кающийся проводил, простершись ниц или стоя, как изгой, у дверей церкви, пищу ел без благословения, не мог петь и читать тексты вместе с другими, целовать Евангелия и причащаться. В особых случаях монаха помещали в тюрьму, темную яму без окон и дверей, иногда с кандалами на ногах.

В половине восьмого наступало время утренней мессы, дальше следовали личная молитва, снова часы, работа до половины двенадцатого, опять часы и ровно в полдень — первая трапеза и час послеполуденного отдыха. Питались бенедиктинцы скудно, но все же лучше, чем восточные отшельники. «Если киринянин (Кириня — греческий город в Северной Африке) способен питаться лишь вареными травами и перловым хлебом, то к этому его приучила природа и необходимость, — говорили братья. — Но мы, галлы, не в состоянии вести ангельский образ жизни». Во время постов монахи ели один раз в день: эта трапеза происходила в первой половине дня и называлась *grandium* (завтрак или закуска). В постные дни, то есть понедельник, среду и пятницу, подавали вареные

бобы и овощи, два яйца и кусок сыра, в остальные дни недели к этому добавлялись еще три яйца. Каждый день монах получал небольшую порцию хлеба и вина, которое разливали в специальные сосуды — «юсты» (от *лат.* «справедливость»), сразу на двоих человек, поэтому братьям приходилось пить из него по очереди. Когда посты заканчивались, к прандиуму добавлялась сена (обед) — вечерняя трапеза, состоявшая только из фруктов и хлеба.

С двух часов дня примерно до половины пятого время отводилось часам и работе. Псалмы пели постоянно: когда шли на работу, когда возвращались и когда работали. Но со временем монахи все меньше уделяли внимания физическому труду и все больше — молитве. По уставу их долг был «утешать бедных, одевать нагих, помогать несчастным, поддерживать сокрушенных сердцем», а не работать. Поэтому вместо них в монастырях трудились конверсы, то есть «обращенные», — миряне, давшие обет во всем помогать монахам и служить им своим трудом. Их также называли *barbate*, «бородатыми», потому что, в отличие от монахов, они не брили бороды, и *illiterati*, «неграмотными», поскольку они не умели читать и не могли принимать участие в пении и чтении священных книг.

Около пяти начиналась вечерня, в половине шестого происходила вторая трапеза (кроме постных дней), в шесть — повечерие и отбой.

Постель

Однажды кто-то из придворных, чтобы скомпрометировать святого Гильома Верчельского, подослал к нему блудницу, которая пообещала его совратить. Святой сделал вид, что готов уступить ее желанию, и сказал, что согласится с ней согрешить, если она ляжет на его постель. Он отвел ее в свою келью и показал ложе, полное горячих угольев: на них он спал, умерщвляя свою плоть.

Болезнь, смерть и добрые дела

Больные монахи попадали в лазарет, где кормили гораздо лучше и даже давали мясо. Поэтому пребывание в лазарете рассматривалось как падение. Заболевший должен был на собрании капитула попросить прощения за свою слабость и объявить: «Я болен и не могу следовать правилам жизни общины».

Настоятель давал ему два-три дня отдыха, и, если после этого монах по-прежнему чувствовал себя больным, он снова объявлял, что болен, и получал возможность лечь в лазарет. Через три дня, если улучшения не наступало, приор монастыря лично приносил ему мясо. Все это время монах считался как бы отверженным, не мог причащаться и присутствовать на службах. После возвращения он снова просил у капитула прощения за невоздержанность в пище и проходил покаяние, прежде чем вернуться к монашеской жизни.

Многие монастыри держали больницы не только для себя, но и для бедняков, где их лечили бесплатно. Раз в неделю монахи ходили по деревням и выясняли, нет ли где одиноких больных, нуждающихся в помощи, и если такие находились, навещали страдальца, расспрашивали о его нуждах и старались их удовлетворить. Некоторые ордена целиком посвящали себя уходу за больными, прокаженными и умалишенными или погребали умерших от чумы. Были и дома для престарелых, богадельни для инвалидов и ветеранов, доживавших в них свои дни. Вообще, монастырская жизнь имела свои преимущества, которые для многих делали положение монахов почти завидным. Несмотря на жесткую дисциплину, они чувствовали себя свободней, чем большинство мирян. Иноки были сами себе хозяева и работали только на себя: они подчинялись лишь аббату, который сам подчинялся уставу монастыря. Их учили грамоте и письму, давали зачатки науки и культуры, расширяя кругозор до пределов, недоступных обычным жителям Европы. Монастырские стены и христианское благочестие защищали от разбойничьих набегов и междоусобных войн. Благодаря развитым хозяйствам монахи всегда имели достаток и не боялись голода. «Хорошо живется под посохом аббата», — говорили в Средневековье.

В монастырских стенах, как оранжерейный цветок, процветало редкое в то время качество, которое можно назвать современным словом «гуманность». Внимательное и заботливое отношение к личности, прямо идущее от христианских заповедей, благоговейно соблюдалось монахами, по крайней мере, с внешней стороны. Собиравшимся у ворот нищим регулярно раздавалась милостыня, часто спасавшая их от голода. В странноприимных домах, или домах для бедняков, всем постояльцам бесплатно давали хлеб и вино в таком же количестве, в каком они полагались самим монахам. Для паломни-

ков и путешествующих устраивались гостиницы, где по уставу странника следовало принимать как самого Христа. Некоторые состоятельные аббатства даже выкупали пленных христиан у арабов и берберских пиратов.

Сходные принципы действовали и внутри монастыря. В уставе св. Бенедикта говорилось, что, если хочешь кого-то наказать, сначала поставь себя на место совершившего проступок, а потом наказывай его так, как наказал бы сам себя. Всегда лучше переборщить с мягкостью, чем с суровостью. Даже обличать грешника надо деликатно, чтобы «поправить», а не «поранить». В отношениях между монахами должны быть смирение и учтивость. Младшие встают перед старшими, предлагая им свое место, но имеют право им возражать и высказывать свое мнение, только без высокомерия. Старшие должны выслушивать младших ласково и уважительно. Никакие грубые и бранные слова не допускаются. Стоит напомнить, что все это говорилось и делалось в то время, когда нравы повсеместно были безобразно грубыми и дикими.

Смерть в эти суровые времена всегда стояла рядом, и монахи были готовы к ней лучше, чем кто-либо другой. Чтобы помнить о смерти, они ставили у входа в церковь гроб или выкапывали могильную яму и каждый день бросали в нее горсть земли. Когда монах оказывался близок к смерти, всех созывали к его кровати; на полу расстилали власяницу, посыпали сверху пеплом крест и укладывали на него умирающего. Инок прощался с братьями, целуя их и прося прощения за все, чем перед ними согрешил, а они вполголоса пели Символ веры. Если агония затягивалась, кто-нибудь один оставался у его ложа и читал о Страстях Господних.

После смерти монаха обмывали, помазывали маслом и облачали в новую одежду, окропленную святой водой и окуренную ладаном; на лицо ему опускали капюшон. Его клали на доску, и братья, оставив все дела, бодрствовали вокруг покойного до момента похорон. Часто тело опускали прямо в землю, без гроба, завернув только в белый саван; над могилой ставился простой крест, без имени и дат; иногда на нем писали какое-нибудь изречение вроде: «Ныне прах и пепел». Монахи пели молитвы и псалмы, потом возвращались в монастырь, гасили свечи и облачались во все черное; колокола надолго умолкали. Ежедневную порцию пищи монаха после его смерти в течение месяца (а иногда и года) раздавали

беднякам. Тридцать дней ежедневно служились поминальные службы, а по соседним монастырям рассылались скороходы, чтобы известить о смерти брата. В каждом монастыре к извещению о смерти дописывались новые соболезнования, душеполезные изречения или хвалебные стихи покойному: получался огромный «свиток мертвых», доходивший до двадцати метров в длину.

Книги

Особенно много времени монахи уделяли переписыванию рукописей, переплету книг, раскрашиванию книжных гравюр и сличению переписанных копий с оригиналами. В день монах мог переписать от трех до шести листов ин-кварто (сейчас это формат А2). На переписку Библии уходил целый год.

За всю жизнь переписчик копировал около сорока книг. В некоторых монастырях переписыванием занималось три четверти монахов, а в скриптории одновременно работали десятки иноков. Среди них существовала специализация: одни изготавливали пергамент из телячьей, свиной или козьей кожи, другие шлифовали кожу мелом и пемзой, третьи разлиновывали страницы киноварью, четвертые писали собственно текст гусиными или лебедиными перьями, обмакивая их в роговые чернильницы, пятые занимались корректурой, шестые рисовали миниатюры. Для переписки использовались красные и черные чернила, которые делали из капустного сока, купороса и чернильного ореха, смешивая их с гуммиарабиком и варя на огне с добавлением пива или вина.

Труд переписчика был очень тяжким, он считался разновидностью аскезы: говорили, что каждая написанная буква снимает с монаха один грех. В промозглых комнатах, при свете тусклого огарка или коптящей тряпки, смоченной жиром, прищурившись и согнув спину, монахи выводили бесконечные, никогда не кончавшиеся строчки: за одной книгой сразу следовала следующая, и так всю жизнь, пока не садилось зрение и не отказывала спина. В старинных книгах можно найти жалобы или призывы, написанные монахами на полях: «Дорогие читатели сего труда, прошу вас, не забудьте о том, кто переписал его: это был несчастный брат. Он страдал от холо-

да, а по ночам ему приходилось переписывать то, что он не успел сделать при свете дня». «Будьте осторожны при обращении с рукописью. Вы не знаете, что такое писать! Это тягчайшая повинность: она сгибает вам спину, ослабляет глаза, портит желудок и ребра. Молитесь о бедном Рауле».

Счет книг в монастырских библиотеках шел в лучшем случае на сотни. Книги были так дороги, что их приковывали цепями и старались не брать с собой в другие монастыри. Во время пожаров или нашествия варваров спасали прежде всего книги. Монахи Монте-Кассино в момент бегства бросили тело настоятеля, зато унесли книгу с уставом монастыря.

Благодаря монастырским переписчикам сохранились труды Тацита, Сенеки, Тита Ливия, Апулея и многих других римских писателей. Некоторые ученые монахи страстно любили книги и целеустремленно собирали огромные библиотеки. Учитель богословия в Реймсе Герберт, ставший впоследствии римским папой под именем Сильвестра II, писал турецкому аббату Эбербарду: «Я всеми силами стремлюсь создать библиотеку. В течение долгого времени я за большие деньги покупал в Риме и других областях Италии, в Германии и Бельгии рукописи различных авторов. Мне в этом помогали своим благорасположением и рвением мои друзья в каждой из этих провинций. Позвольте попросить вас оказать мне ту же услугу. В конце моего письма перечислены имена авторов, копии чьих произведений я желал бы получить. Я передам для переписчиков пергамент и необходимые деньги, согласно тому, как вы прикажете, и вечно буду помнить о вашем благодеянии».

Благоговейное отношение к книгам еще не означало, что все монахи были большими любителями чтения. Если в трапезной предписывалось надвигать капюшон, чтобы никто не видел, кто и сколько ест, то в библиотеке, наоборот, требовалось не опускать капюшон на глаза: под видом чтения монахи могли сладко спать.

Образование

До появления светских университетов все, что было связано с образованием, литературой и наукой, сосредотачивалось в монастырях. Поначалу в монахи шли в основном

представители аристократических семейств, люди благородные и знатные, получившие образование еще старого, римско-языческого образца. Культура в то время существовала только островками, чаще не в городах, а в поместьях магнатов-богачей, изолированных от внешнего, разоренного и неустроенного мира, погрязшего в варварстве и беззаконии. Эти люди создавали мощные укрепленные замки, содержали собственную армию и жили сами по себе, словно владетельные князья небольшой страны. Сохраненная ими культура переносилась в монастыри, где, в отличие от восточного монашества, высоко ценились знания и книги.

Монастырские школы долгое время были единственным источником просвещения в Европе. Существовало правило, по которому каждое аббатство должно было иметь свою школу, где «дети могли бы научиться чтению Псалтыри, счету, пению и письму». Учили всех желающих, и мальчиков, и девочек, причем бесплатно. Некоторые дети учились прямо в монастыре — их называли облатами, «пожертвованными», потому что родители отдавали их в монастырь во младенчестве как дар, часто сопровождая его каким-нибудь материальным или денежным подарком. Судьба этих младенцев была predeterminedлена заранее: вырастая, они становились монахами, не зная никакой другой жизни, кроме монастырской. Иногда аббаты сами искали среди бедноты талантливых и умных детей, проявлявших способности к чтению и письму, и брали их в монастырь с согласия родителей. Детство облатов было суровым, они воспитывались в строжайшей дисциплине, никогда не бывая наедине с собой и даже вдвоем с кем-то другим, включая учителя: дети ходили только парами в присутствии наставника. Им запрещалось что-либо передавать друг другу из рук в руки или брать вещи у других, не считая великого приора и самого аббата. За малейшую провинность их секли розгами, а постоянных нарушителей связывали, сажали в карцер и морили голодом. Правда, жестокость иных настоятелей все же осуждали: самого Бернона, основателя Ключни, называли «живодером, а не воспитателем».

Кроме монастырских, в это время существовали более крупные и продвинутые епископские школы. Здесь дети аристократов и талантливые юноши изучали «семь свободных искусств», традиционно поделенных на тривиум и квадривиум: в первый входили грамматика, риторика и диалектика (ино-

гда к ним добавляли логику), во второй — музыка, арифметика, геометрия и астрономия. Из других предметов преподавали медицину, право и богословие. Епископские школы открывались в крупных городах — Шартре, Туре, Реймсе, Орлеане, Кельне, Страсбурге, Париже, становясь средоточием не только церковных, но и светских знаний и зародышами будущих университетов.

Ноты

Названия нот в нотной грамоте появились в XI веке благодаря бенедиктинскому монаху Гвидо д'Ареццо. Он придумал обозначать ноты первыми слогами строчек из латинского гимна св. Иоанну Крестителю, сочиненного на рубеже VIII века Павлом Диаконом, где музыкальные фразы начинались на тон или полтона выше предыдущих:

UT queant laxis — ут
 REsonare fibris — ре
 MIra gestorum — ми
 FAmuli tuorum, — фа
 SOLve pollute — соль
 LABii reatum — ля
 Sancte Ioannes — си

Позже «ут» был заменен на более удобный для пения слог «до».

Остров монахов

Одной из ключевых стран, сыгравших важную роль в христианизации Европы, была Ирландия, ставшая на долгое время центром миссионерства и богословской учености. В VI веке здесь уже существовало большое количество монастырей, почти в каждом из которых имелись библиотека и скрипторий, где переписывались книги, в том числе языческие. Христианство в Ирландию занесли галльские монахи, в изобилии населявшие Францию со времен Мартина Турского, но официальным крестителем этой страны считается св. Патрик. Сын богатых римлян, в шестнадцать лет он был похищен бандитами из собственной усадьбы и продан в рабство в Ирландию, где долго работал пастухом. Хозяева в насмешку дали ему прозвище Патрикий (то есть патриций), или

Патрик. Бежав обратно к франкам, он несколько лет обучался в монастырях и вернулся в Ирландию уже как миссионер.

Из Ирландии христианство распространилось Британию и с обратной волной миссионерства вернулось в Галлию, получившую как бы второе крещение благодаря еще одному выдающемуся проповеднику, св. Колумбану. Родившись в одном из ирландских монастырей, Колумбан (что значит Голубок) посвятил свою жизнь миссионерским странствиям и основал множество монашеских общин в Бургундии, Нейстрии, Австризии и Лангобардском королевстве. «В то время, — писал его биограф, — христианская вера то ли из-за обилия внешних врагов, то ли по небрежению епископов почти исчезла в тех краях. Люди только и помнили, что Символ веры, а о спасительной благодати и борьбе с грехами плоти помышляли лишь немногие». Большинство местных жителей были уже крещены, но ирландцы вдохнули в христианство новую жизнь благодаря своей безупречной нравственности и искренности веры. В них была такая сила братской любви и такое терпение, такое стремление к кротости и дружественности, что невозможно было сомневаться: Бог жил среди них.

Колумбан был высоко образованным человеком, хорошо знал античных авторов — Вергилия, Горация, Сенеку — и еще лучше разбирался в христианской литературе. Он составил новый монашеский устав «Regula monachorum», который славился своей строгостью, и разработал подробную систему церковных наказаний для христиан с учетом степени вины и сана согрешившего: простые миряне наказывались легче, чем монахи или тем более епископы. «Болтуна следует наказывать молчанием, — писал Колумбан, — неумного — кротостью, прожорливого — постом, сонливого — бодрствованием, гордого — темницей». Епитимья заключалась в церковном покаянии с временным отлучением от евхаристии, дополнительных постах, ограничении в пище вплоть до хлеба и воды, раздаче милостыни, ссылке. Предусматривались наказания за колдовство, ложные клятвы, кражи, драки (если с кровью — более суровые), зоофилию, пьянство, потерю Святых Даров, мастурбацию, общение с еретиками и неприличное обнажение во время совместного мытья. В отношении блуда принималось во внимание, молод ли монах или мирянин, женат он или нет, осуществил ли он свой замысел или только хотел, но не смог, потому что ему отказала женщина.

Колумбан был не только миссионером, но и реформатором: он первым предложил ставить во главе монастырей не епископов, а аббатов и ввел на Западе личную исповедь вместо общей (на Востоке то же самое сделал Василий Великий). Существует предание, что именно этот святой придумал обычай украшать елку на Рождество. Германцы в день зимнего солнцестояния продолжали почитать свое священное дерево — ель, а Колумбан мудро сохранил этот обычай, придав ему христианскую символику и украсив ели вифлеемской звездой, крестами и свечами.

Перед смертью Колумбан написал монахам Люксейльской обители прощальное письмо, своего рода манифест миссионерства. «Куда бы Бог ни послал вас — идите, и множество святых произойдет от вас. В конце концов, в бедах наших нет ничего нового... Без врагов не будет битвы, а без битвы — венца победителя. А где идет битва — там есть место и для отваги, и для мужества, и для терпения, и для верности, и для мудрости. Без борения стяжать можно разве что отчаяние и невзгоды. Итак, без боя не станешь победителем. И добавлю я — невозможен почет без свободы».

Примеры наказаний по Колумбану

«Если какой клирик совершит человекоубийство и умертвит своего ближнего — пусть 10 лет в ссылке кается.

Если кто совершит величайшее падение и породит сына — исполняет 7 лет епитимьи на чужбине на хлебе и воде.

Но если кто предается разврату, как делали содомиты, — пусть 10 лет епитимьи, 3 первых на хлебе и воде, 7 других воздерживается от вина и мяса, и пусть никогда не ночует с кем-либо другим.

Если же кто совершит разврат именно с женщинами, но не порождает ребенка и об этом больше никто из людей не знает, если клирик — 3 года, если монах или дьякон — 5 лет, если священник — 7, если епископ — 12 лет».

Ученые и путешественники

Ирландское богословие многими нитями тянулось не к Западу, как можно было ожидать, а к далекой Византии. Из-за увлечения греческим неоплатонизмом и восточными отцами Церкви ирландцев даже прозвали «греками» и «алек-

сандрийцами». Самым знаменитым из таких «греков» был Иоанн Скотт Эуригена, утонченный философ и богослов, живший в IX веке. В молодости он бежал из Ирландии от набегов норманнов и долго работал в так называемой Палатинской академии — придворной школе франкского короля Карла Лысого. С этим просвещенным королем его связывали дружеские отношения. Известен эпизод, когда Эуригена пролил за столом вино, и сидевший напротив Карл Лысый шуточно спросил: «В чем разница между скоттом (то есть ирландцем) и скотом?» Философ рассмешил его своим ответом: «Они сидят по разные стороны стола».

Эуригена знал не только латынь, но и греческий, он переводил такие сложные тексты, как теологические труды Дионисия Ареопагита, Григория Нисского и Максима Исповедника. В своем знаменитом трактате «О разделении природы» Эуригена, опираясь на учение неоплатоников, утверждал, что мир создается Богом из идей-логосов, которые затем воплощаются в конкретные вещи, а те, в свою очередь, снова возвращаются к Творцу как к своему первоисточнику: так происходит круговорот бытия, и Бог познает Себя через собственное творение. В XI веке учение Эуригены было осуждено Церковью, но его идеи оказали большое влияние на западное богословие, превратив его из чисто практического в отвлеченно-философское и заложив основу расцветшей позже схоластики. «Истинная философия есть истинная религия, и наоборот, истинная религия есть истинная философия, — писал Эуригена. — Никто не восходит на небо иначе, чем через философию». Он считал, что разум и наука так же важны, как вера, они должны подтверждать авторитет вероучения, а не подчиняться ему слепо.

Кроме высокой учености, для ирландского христианства были характерны строгий аскетизм, отшельничество и жажда странствий. Здесь возник особый тип странствующих монахов, *regegní*, селившихся на уединенных и мрачных островах в северных морях. Истории их путешествий обрастали легендами и превращались в увлекательные саги, где одинокие путники встречают фантастических чудовищ или попадают в загробный мир, находящийся где-то на западных островах. В одной из них, «Плавании Брендана», прозванном «монашеской Одиссеей», рассказывается о некоем Острове Радости, где живет община ирландских монахов, очень похожая на египетскую пустынь: отшельники обитают в разных кельях, встречают-

ся только раз в неделю в церкви, питаются одними овощами и фруктами. Еще дальше на западе лежит «Обетованная земля святых», безмятежный рай, на поиски которого Брендан отправляется вместе с четырнадцатью монахами. По дороге они встречают плавучий остров, который на самом деле оказывается китом, гигантских овец, превосходящих размером быка, чудовищных морских котов, святого старца, на котором вместо одежды только белые перья, и даже Иуду Искаротию, отдохавшего на скале в перерывах между адскими пытками. В Европе это произведение пользовалось большой популярностью и было переведено на несколько языков.

Читайте в приложении: Миссия на север, или Как крестили англов

И снова обмирщение

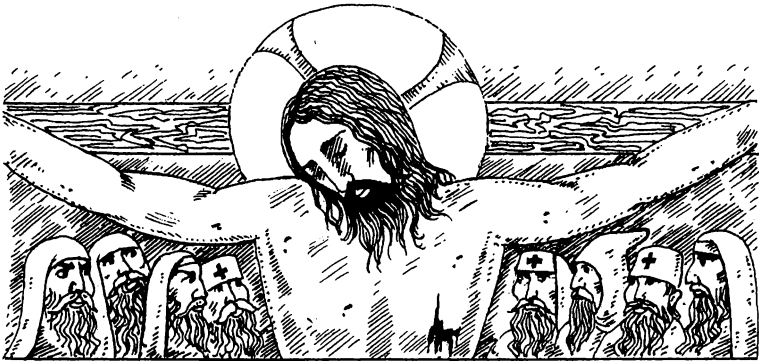
Со временем монашество стало заложником собственной популярности. С ним произошло то же, что с христианством вообще: в него хлынули слишком многие, резко понизив его духовную культуру. В монастырях появились случайные люди, не способные вести монашескую жизнь. Сами монастыри, щедро одаряемые правителями и состоятельными прихожанами, превратились в места, где можно было неплохо жить — часто гораздо лучше, чем в непостоянном внешнем мире, — и делать успешную карьеру. Как и на Востоке, они получали все больше земель и порой превращались в целые княжества. Возникали огромные монастырские комплексы, почти города, где физическим трудом занимались уже не сами монахи, а крестьяне из принадлежавших им деревень.

Основанный св. Колумбаном монастырь Боббио сначала был скромной и бедной обителью, где прозябала кучка анахоретов. Но спустя триста лет он охватывал уже обширную территорию с десятками зданий, пашнями, лесами, лугами и виноградниками, с прилегающими деревнями, жители которых работали на монахов, и сотнями филиалов, где заготавливали тонны зерна, свинину, бочки вина и оливкового масла. В монастырь везли кур, овец, сыр и просто деньги, все это скапливалось в обширных монастырских хранилищах. Для управления хозяйством существовал целый штат монахов-

администраторов, включавший препозита, келаря, эконома, садовода, огородника, лесника и т. п. Иноки строили мосты и дороги, торговали на ярмарках, собирали милостыню и принимали многочисленных гостей. И это был еще далеко не самый крупный монастырь.

Монастыри все больше становились частью мира, а мир — частью монастыря. Знатные люди отдавали на воспитание инокам своих детей, которые жили и воспитывались в обители с младенчества. Аббаты крупных монастырей становились важными государственными лицами, они назначались лично императором, часто в награду за королевскую службу. Появлялись аббаты-графы, бывшие миряне и приближенные короля, которые жили при дворе и имели смутное представление о духовной жизни своего монастыря, где всем заправлял приор. Сами монахи устраивали пирушки, развлекались охотой, подобно аристократам, носили роскошную одежду, порой даже женились.

И все-таки средний уровень монашества хотя и не соответствовал идеалу иночества, но сохранял дух аскетизма, возрождавшийся и обновлявшийся новыми подвижниками и реформаторами Церкви. Монахи были лучшей духовной закваской христианской жизни, ее творческим и подвижным элементом. Стоило церковному миру слишком застояться, как появлялся новый вдохновенный монах-проповедник и оживлял его смелой религиозной инициативой или нравственным порывом, захватывавшим иногда целые страны и народы.

Глава первая. Схизма монофизитов

Причины нового раскола

Начало V века Церковь встретила в самом разгаре богословских споров. Вопросы, поднятые сто лет назад арианской смутой, были успешно решены на Первом и Втором Вселенских соборах: его участники установили, что Бог Сын не является ни творением, ни подчиненным божеством, а таким же Богом, что и Бог Отец, то есть одним из Лиц триединого Бога. Но один аспект Троичного догмата оставался по-прежнему неясным — Богочеловечество Христа. Как полнота божества могла присутствовать в человеке Иисусе? В каком отношении находились в Нем две природы — человеческая и божественная? Попытка ответить на эти вопросы вызвала новые раздоры и конфликты, одним из которых стало столкновение Кирилла Александрийского с Несторием, который утверждал наличие в Христе двух природ — божественной и человеческой. Доктрина эта уходила корнями в учение Антиохийской богословской школы. На Третьем соборе Кирилл победил, но эта победа была недолгой и повлекла за собой новую цепочку споров.

Камнем преткновения снова стал вопрос, как в Христе соединяются божественная и человеческая природы. В сочинениях Кирилла Александрийского на эту тему содержалась неясность, из-за которой многие противники Кирилла были уверены, что он проповедует одну природу, а не одно лицо Христа. Разделение божественной и человеческой природ в Иисусе Кирилл допускал только абстрактное, а не в конкретной исторической реальности и не в живом Богочеловеке. Признать реальное, а не только умозрительное существование двух природ во Христе, по его мнению, означало признать, что в Нем было и две личности, божественная и человеческая, то есть окончательно разделить в Иисусе Бога и человека. Тогда действительно получалось, что Мария была не Богородицей, а Христородицей, как говорил Несторий, и на кресте умер только человек, а Бог смотрел на все это со стороны.

Антиохийцев такое мнение приводило в ужас. Если Христос по природе был Богом, то выходило, что Сам Бог, бесстрастный и бессмертный, испытывал жажду, страдал, был распят на кресте и умер. С точки зрения восточных отцов, это выглядело кощунством и нелепостью. Больше того, младенчество и отрочество Христа, вообще вся Его человеческая жизнь окazyвались театром, имитацией, которую Бог только изображал, не будучи на самом деле подвержен ни детскому неведению, ни боли, ни жажде. Если Иисус уже изначально был всеведущ и всемогущ, у Него не могло быть развития, взросления, искушений, нравственной борьбы. Из живого человека Он превращался в призрак.

Церковь оказалась перед сложной дилеммой. Обе школы, оба учения были по-своему правы и в то же время что-то упускали. Каждая имела свои перекосы и крайности и нуждалась в синтезе и в уточнении друг другом. Задачей богословов было найти универсальный ответ, который устроил бы обе стороны и установил безусловную полноту истины, где могли сойтись и примириться их противоречия.

Против Феодора

После осуждения Нестория тень пала и на его предшественников в антиохийском богословии, прежде всего на покойного Феодора Мопсуестского. Антиохийцы считали

его великим светилом Церкви. После примирения Кирилла с Иоанном Антиохийским восточные отцы опирались на Феодора как на золотую середину между крайностями западного аполлинаризма и восточного несторианства. Именно в этом примиряющем духе известный богослов Ива (Хиба), пресвитер в сирийском городе Эдессе, называл Феодора «учителем учителей» и «толкователем толкователей». В своем письме ардаширскому епископу Маре он сомневался в православии и Кирилла, и Нестория, предлагая опираться на труды Феодора как единственно достойного авторитета.

В этой ситуации сторонники победившего Кирилла не стали останавливаться на полпути и взялись за Феодора Мопсуестского. Вначале митрополит Эдесский Равулла — суровый и крутой старик, ослепший на оба глаза, — неожиданно предал анафеме и самого Феодора, и того, кто поддерживал его учение, и тех, кто читал его книги, и тех, кто отказывался их сжигать. Эдесская богословская школа во главе с Ивой была им разогнана, а ее ученики сбежали в Персию. Следующий удар последовал из Армении, где сочувствующие Аполлинарию монахи написали обвинительное заключение против Феодора Мопсуестского, обнаружив в его трудах «возмутительную ересь». Они отослали свой труд константинопольскому патриарху Проклу, потребовав от него ответа, кто прав — Феодор или армянский авторитет Акакий Мелетийский. Прокл не ответил прямо, а составил свое изложение православной веры — томос, — где опроверг учение Нестория и четко разделил божественную и человеческую природы во Христе, в то же время настаивая на «нераздельном» и «неслиянном» единстве ипостаси. В отличие от Кирилла, константинопольский патриарх ясно различал, в каких евангельских речениях говорится о человеческой, а в каких — о божественной природе Иисуса.

Томос Прокла оказался очень удачным и фактически решал проблему, примиряя восточное и западное богословие. Кирилл с ним согласился, но антиохийцы его отвергли, потому что в документе осуждались некоторые выдержки из работ Феодора Мопсуестского. Сам Прокл деликатно указал эти цитаты без имени автора, но его депутаты, сторонники Кирилла, без церемоний назвали имя Феодора и тем самым потребовали осудить не столько отдельные неудачные выражения восточного учителя, сколько его самого. Антиохийцы твердо

ответили: «Пусть нас сожгут живыми, но мы не похулим памяти Феодора».

После отказа антиохийцев Прокл и Кирилл решили проявить сдержанность. Хотя Кирилл открыто называл Феодора еретиком хуже Нестория, он посоветовал Проклу не настаивать на анафемствовании Феодора, чтобы не поднять на Востоке бурю возмущения. Прокл написал Иоанну Антиохийскому примирительное письмо, объяснив, что выступал только против ошибок в учении Феодора и не думал оскорблять его память анафемой. Согласие было достигнуто, но опять оказалось шатким и сомнительным. Церковь продолжала раздирать смута. Нашлись какие-то монахи, которые ходили по городам и требовали от епископов анафемствовать Феодора и всех его сторонников. Иоанну Антиохийскому пришлось выпросить у императора особый указ, запрещающий выступать против Феодора.

Борьба продолжается

Несмотря на внешнее примирение, на Антиохийскую церковь легла мрачная печать неблагонадежности. Ее права ущемляли, на ее служителей смотрели с подозрением. Появилось множество бродячих монахов и клириков, которые без конца слали жалобы в Константинополь и сводили личные счета со своим начальством, обвиняя его в неправославии. От восточных епископов снова и снова требовали исповеданий веры и давали им разъяснения, как правильно следует верить. Все эти бесконечные несправедливости, придирки, вмешательства и склоки довели антиохийцев до такого раздражения, что, когда Кирилл Александрийский умер, на Востоке все вздохнули с облегчением. Феодорит Кирский сказал: «Наконец-то умер этот злой человек. Его уход обрадует живых и огорчит мертвых».

Но антиохийцы радовались рано: после смерти Кирилла Александрийского положение Восточной церкви стало еще хуже. Авторитет Кирилла был возведен в догму, а его учение, вплоть до мельчайших подробностей, объявлено беспрекословной истиной. С самим Кириллом еще можно было спорить, с его тенью — уже нет. Преемником Кирилла стал его племянник и архидиакон Диоскор, который придерживался крайних

взглядов и меньше всего был настроен на примирение. В вопросе о Богочеловечестве Христа он твердо опирался на постулат Кирилла — «из одной природы» — и не принимал никаких оговорок и нюансов. Кроме того, Диоскор болезненно относился к любым намекам на ущемление прав Александрийской церкви и косо смотрел на Константинопольскую патриархию, считая, что Константинополь несправедливо ставят выше Александрии. Он не признавал постановления Второго Вселенского собора, сместившего александрийскую кафедру на третье место после Рима и Константинополя, а константинопольскому патриарху Флавиану, сменившему Прокла, за всю жизнь не написал ни одного письма.

Монофизитство тем временем становилось все более популярным, даже на Востоке. Оно было понятней и ближе большим массам верующих, не разбиравшихся в тонкостях богословия. Императорский фаворит Хрисафий был на стороне монофизитов, что давало им сильную поддержку при дворе. Хрисафий имел неограниченное влияние на Феодосия II и, по слухам, находился с ним в интимной связи. Крестным отцом Хрисафия был константинопольский архимандрит Евтихий, один из лидеров монофизитов.

Новый антиохийский епископ Домн продолжал отстаивать восточное богословие, но силы были неравны. Император личным указом отменил хиротонию некоего Ириния, друга Нестория, которого Домн рукоположил в епископы. Домн, не смеявший спорить с императором, в ответ обвинил в аполлинаризме архимандрита Евтихия. Затем, в ноябре 448 года, на соборе, проходившем в Константинополе, могущественного архимандрита Евтихия обвинил в ереси и потребовал вызвать на собор епископ Евсевий Дорилейский. Это был опасный шаг, несмотря на то что Евсевий заручился поддержкой патриарха Флавиана. Больше всего Евсевий боялся, что Евтихий отречется от своей ереси и потом станет его преследовать за клевету: «Если я окажусь клеветником, то потеряю сан. Я боюсь гонения со стороны Евтихия, я беден, ничего не имею, а он богат, он грозит мне ссылкой, он уже назначил мне и место ссылки!»

Евтихий долго отказывался явиться, ссылаясь на болезнь и на свой обет никогда не покидать монастыря. В то же время он начал подбивать монахов выступить против Флавиана. Наконец архимандрит явился на собор под императорской ох-

раной, которая перед началом заседания взяла с отцов слово, что, чем бы ни кончился суд, они отпустят Евтихия на свободу.

На соборе снова поставили вопрос о двух природах Христа. Евтихий был изворотлив и старался во всех спорных случаях выйти сухим из воды, опираясь на авторитет Писания и выставляя его против любых обвинений. Когда его спросили, верит ли он, что Христос единосущен Отцу по божеству и единосущен нам по человечеству, Евтихий ответил вопросом на вопрос: а что сказано в никейском символе? — и после ответа «единосущен Отцу», наставительно заметил: «Так я и верую; так и ты веруй». Он возмущался, когда его спрашивали про две природы в Иисусе: «А где в Писании сказано “два естества”?»

В конце концов Евтихий отказался признать существование двух природ в Богочеловеке. Он заявил, что никогда не встречал в писаниях отцов утверждения, что Иисус Христос состоит из двух естеств, соединившихся по ипостаси, и не примет его, так как он следует Святому Писанию как лучшему источнику вероучения. Он ссылался на авторитет Кирилла Александрийского и Афанасия Великого, которые не говорили ничего подобного: неужели и их обвинять в ереси? Попытки уговорить его ни к чему не привели, и после бурного обсуждения Евтихий был отлучен от сана.

Император и двор остались недовольны Константинопольским собором. У Евтихия нашлись многочисленные друзья, требовавшие пересмотра дела. Император Феодосий решил созвать новый вселенский собор, назначив его на 1 августа в городе Эфесе.

Разбойничий собор

Председателем Второго Эфесского собора был назначен Диоскор Александрийский, вставший во главе комиссии из авторитетных епископов. Римский папа Лев прислал своих представителей, главным из которых был епископ Юлий Путьольский, почтенный старец, лишенный какой-либо энергии. Римские легаты сразу встали на сторону православного Флавиана, но общий настрой собора был против дифизитов. Уполномоченный императора комит Елпидий заявил, что утверждения о двух природах в Христе противны Господу. Диоскор привел на собор целую толпу сирийских монахов, кото-

рые запугивали заседавших отцов и при каждом упоминании двух природ кричали: «Кто делит Христа надвое — того надвое разрубить!» Послание папы Льва, выдержанное в духе Флавиана, на заседании даже не зачитали, несмотря на многочисленные просьбы легатов: сослались на то, что есть более важные документы.

В конце концов Евтихия признали невиновным. Приведя 7-е правило Первого Эфесского собора, которое запрещало изменять «никийскую веру», к ответу призвали уже Флавиана и Евсевия — за то, что они вводили новую веру, мудрствуя о том, чего не определили отцы Никейского собора. Несмотря на возражения некоторых епископов и римского легата Илара, Флавиана и Евсевия лишили сана. За них стали просить; тогда Диоскор закричал: «Так вы бунтовщики; стражу сюда!» В церковь, бряцая оружием, ворвались солдаты, и некоторые епископы от страха залезли под скамейки. Существовала даже легенда, что Диоскор тут же на месте избил Флавиана и тот два дня спустя скончался от ран.

На следующих заседаниях собора были низложены восточные отцы Ива Эдесский и Феодорит Кирский. Антиохийский епископ Домн, стараясь спасти себя, подписывал все, что от него требовали, но его все-таки низложили и сослали в монастырь.

Император Феодосий был очень доволен. Он считал, что теперь несторианство окончательно побеждено и повсюду воцарился мир. Ему не приходило в голову, что на пороге стоит новая, гораздо большая ересь, которая скоро уничтожит половину государства.

После собора Флавиан, Евсевий и Домн написали жалобное письмо римскому папе. Сохранилось подробное послание Флавиана Льву, где он в деталях излагал события Эфесского собора и требовал восстановления справедливости, утверждая, что многие епископы действовали по принуждению и под страхом насилия. Письмо доставил в Рим папский легат Илар, которому пришлось тайком бежать из Константинополя, где его насильно удерживали византийцы. Лев немедленно разослал послания Феодосию II и его сестре Пульхерии, в которых отверг решения собора, назвав его «Разбойничьим», и предложил собрать новый собор в Италии. Он на коленях просил императора Западной империи Валентиниана III вмешаться и уговорить Феодосия изменить свою церковную полити-

ку. Феодосий ответил в письме, что с Церковью все в порядке, смутьяны наказаны и единство веры восстановлено. В самом деле, порядок был наведен образцовый: Флавиана отправили в ссылку (он умер по дороге), Домн вернулся в Иерусалим, Иву сослали в монастырь, а Феодорита посадили в тюрьму. На константинопольскую кафедру поставили александрийца Анатолия, которого Диоскор рукоположил лично. Антиохийским патриархом сделали некоего Максима.

Смена власти

Но Диоскор и монофизиты праздновали победу только до тех пор, пока их поддерживал император. Вскоре Феодосий погиб, упав на охоте с лошади, и все сразу изменилось. Его сестра Пульхерия, взойдя на престол, первым делом казнила всемогущего Хрисанфия, главного покровителя монофизитов. Чтобы не править империей единолично (это было не в византийских обычаях), она взяла в мужа сенатора Маркиана и заключила с ним формальный брак, поставив условием, что и в замужестве будет жить как девственница. Маркиан не имел никакого права на престол, поэтому Пульхерия решила укрепить его положение с помощью Церкви. Раньше христианские правители короновались так же, как язычники, — надеванием венца на голову властителя. Пульхерия уговорила патриарха Анатолия устроить особое церковное коронование, в котором новый император получал как бы божественную санкцию на свое правление. Так возник обряд царского миропомазания, которым последующие монархи подтверждали божественное происхождение своей власти.

Пульхерия приняла сторону папы Льва. Всех сосланных вернули обратно, а Евтихия, наоборот, сослали. Сразу посыпались покаянные заявления епископов о том, что на Эфесском соборе они подчинились насилию. Останки Флавиана торжественно перенесли в Константинополь, а взаимоотношения с Римом возобновились. Анатолий Константинопольский и Максим Антиохийский беспрекословно приняли папских легатов и подписали присланный с ними томос Льва.

В томосе папа Лев писал, что во Христе нельзя исповедовать ни человечества без истинного божества, ни божества без истинного человечества. Отрицать плоть значит отрицать

страдания по плоти, а следовательно — и само наше спасение, искупленное этими страданиями. «Для нашего искупления нужно было, чтобы один и тот же посредник между Богом и человеком, человек Иисус Христос, с одной стороны, и мог бы умереть, а с другой — не мог бы».

Основная идея монофизитства заключалась в том, что природы Бога и человека не могут быть на равных: божество неизбежно поглотит человечество, человеческое растает в божественном, как свеча в пламени. Идея несторианства звучала прямо противоположно: две природы, Бог и человек, равно и с одинаковой полнотой представлены в Иисусе. Они таинственно соединены через взаимное добровольное согласие, но все-таки их двое, а не один. Папа Лев в своем томосе отсек обе этих крайности, указав ту золотую середину, которая позволяла сохранить в Христе и Бога, и человека, парадоксальным образом не разделяя и в то же время не сливая их в одно целое.

Четвертый Вселенский собор

Недосыгаемый Диоскор сидел в своей Александрии и мечтал о реванше. После Разбойничьего собора он чувствовал себя так уверено, что даже осмелился не признать коронование Маркиана. Диоскор хотел лично управлять Египтом, как светский властитель, за что его в насмешку прозвали «фараоном». По сути дела, это была государственная измена и попытка переворота, резко настроившая против него Маркиана и Пульхерию. К тому же Диоскор был отличным кандидатом в «козлы отпущения», на которого можно было свалить все грехи императора Феодосия, ответственного за Разбойничий собор. Для исправления ошибок Эфесского собора был назначен новый, в Никее, однако политические события заставили повременить с его созывом. У ворот империи стоял «бич Божий» Атилла, вождь гуннов, и обе ее половины напрягали все силы, стараясь сдержать натиск его полчищ. Маркиан уехал воевать на северные рубежи, а западный полководец Аэций собирал силы, чтобы разбить Атиллу в знаменитой битве на Каталаунских высотах.

Новый собор готовился под угрозой вторжения гуннов и много раз откладывался и переносился из-за опасности ситуации. Наконец он открылся 8 октября 451 года в Халкидо-

не, предместье Константинополя. Император, как обычно, назначил своих светских представителей, которые руководили работой собора. Заседания протекали в огромной базилике Великомученицы Евфимии, где могли легко уместиться все 500 участников собора. Посередине, спиной к балюстраде, отделявшей алтарную часть, размещались представители императора: комиссия из восемнадцати человек, включавшая самых влиятельных и уважаемых сановников и сенаторов. Вдоль стен сидели епископы: слева — дифизиты (римские легаты, константинопольский патриарх Анатолий, Максим Антиохийский и др.), справа — партия монофизитов в лице Диоскора Александрийского, Ювеналия Иерусалимского и многочисленных епископов из Палестины и Египта. За дверями прибывшие из ссылки Феодорит и Ива жали решения своей судьбы.

Диоскор, пытавшийся поднять в Александрии мятеж против Маркиана, не ждал от собора ничего хорошего. Действительно, римские легаты начали с того, что потребовали удалить из церкви Диоскора, заявив, что иначе немедленно покинут заседание и вернуться в Рим. Однако это означало осудить его раньше, чем состоялся сам суд; поэтому Диоскора просто пересадили в центр, но уже не как участника, а как подсудимого.

На первом же заседании Диоскора призвали к ответу за Разбойничий собор. Диоскор умело защищался, говоря, что действовал по приказу императора Феодосия. Он указывал на то, что не был единоличным председателем на Эфесском соборе и в деле замешаны многие из тех, кто тогда его поддерживал, а теперь сидит среди его судей. Это поставило епископов в неловкое положение. Некоторые пытались оправдываться, говоря, что на них действовали устрашением, но Диоскор в ответ смеялся и напоминал им о святых мучениках, пожертвовавших ради веры жизнью. Когда его упрекнули в личном пристрастии к Евтихию, он твердо ответил: «Не взираю я на лица и ни о чем не забочусь, кроме души моей и правой веры».

Во время заседания был поставлен вопрос, кто считает веру Флавиана православной; в этот момент многие монофизиты встали с мест и в буквальном смысле перешли на сторону дифизитов. В их числе был главный сподвижник Диоскора Ювеналий Иерусалимский. Один из епископов, Атик Никопольский, поспешно покинул церковь, сославшись на внезап-

ное заболевание. Диоскор остался только с маленькой кучкой сторонников.

Халкидонский собор проходил еще несколько недель: заседания начинались с рассветом, продолжались весь день и заканчивались поздно вечером, при свечах. Наконец собор постановил арестовать всех шесть председателей Эфесского собора. На деле пострадал только Диоскор. Его трижды пригласили на духовный суд, а когда он не явился, заочно осудили за насилие и дерзость (про веру не было сказано ни слова). После ареста Диоскора лишили сана, а остальные епископы были освобождены по ходатайству отцов собора. Отдельно решался вопрос о группе из тринадцати египетских епископов, так и не перешедших на сторону дифизитов. Они отказывались подписать томос Льва, ссылаясь на то, что по Александрийским правилам могут сделать это только с согласия своего архиепископа, то есть Диоскора. Некоторые даже падали на колени и умоляли избавить их от подписи, говоря, что за это их убьют в Александрии. Решение о них пришлось отложить, так же как и о толпе монахов, продолжавших буйствовать в городе и требовать возвращения Диоскора.

Орос

При обсуждении догматических вопросов на соборе возникли сложности. Отцы уже опасались излагать веру «кто как верует», как было принято раньше. Они знали, как зыбки термины, как легко любой из них может быть истолкован в ту или другую сторону и какой огромный вес имеет каждое неудачно сказанное слово. Изложение веры было слишком ответственным делом, чтобы каждый мог выступать с ним лично. В ответ на вопрос «как веруешь?» теперь следовало только зачитывать принятую Церковью и утвержденную традицией формулу, тем более что церковное правило прямо требовало держаться того, что уже изложено. Поэтому вместо исповедания своей веры отцы приступили к зачитыванию уже существующих вероизложений, чтобы выбрать наилучшую формулу. Зачитали: никейский и константинопольский символы; послание Кирилла Александрийского Несторию и его же примирительное письмо Антиохийской церкви; томос папы Льва. Большинство одобрило томос возгласами: «Петр го-

ворит устами Льва!», — но некоторые епископы из Иллирии и Палестины высказали сомнения, что высказанные в нем мысли православны. Проблема была в том, что положения томоса противоречили отдельным местам в трудах Кирилла, который был абсолютным и непререкаемым авторитетом. Отцы могли бы подвергнуть подробному рассмотрению взгляды Кирилла и установить истину — как предлагал внезапно выздоровевший Атик Никопольский — и этим, возможно, уберечь Церковь от дальнейшего раскола. Вместо этого всем сомневающимся было предложено разрешать свои сомнения в частном порядке, обратившись за разъяснениями к Анатолию Константинопольскому. Знаменитые «12 анафематизмов» Кирилла, послужившие причиной бурных раздоров, на соборе не зачитали. Вопрос так и не был разрешен до конца, что открывало большие возможности для монофизитов.

Составить новое изложение вероисповедания никак не удавалось. Большинство отцов собора склонялись к александрийской формуле «из двух природ», очень близкой к монофизитству. В этом не было ничего странного: в богословии по-прежнему сохранялся сильный крен в сторону Кирилла и осуждение Диоскора по «административным соображениям» ничего не меняло. Снова, в который раз, пришлось вмешаться светской власти, уже не только во внешний порядок собора, но и в само богословие. Епископам было поставлено на вид, что выражение «из двух природ» употреблял Диоскор, поэтому оно неприемлемо. Заговорили о «двух природах», но в зале тут же послышались возгласы: «Долой несториан!» Кричавшим указали, что о двух природах говорит и папа Лев; но и это вызывало сомнения, потому что противоречило Кириллу. Папские легаты пригрозили, что, если томос Льва не будет принят, они уедут. Евсевий Дорилейский предложил вообще не составлять никакого вероисповедания, но это не устраивало императора и его представителей, главной целью которых было утвердить окончательную и всех примиряющую формулу.

В конце концов люди императора поставили ультиматум: либо епископы составляют новое определение, либо собор распускается и переносится в Италию. Под давлением власти была создана комиссия, куда вошли папские легаты и несколько греческих епископов, настроенных скорей в пользу Диоскора, в том числе все тот же Атик. Их отвели в неболь-

шое помещение и заперли, наказав не выходить до тех пор, пока документ не будет составлен. Прошло всего несколько часов, и епископы вынесли готовый текст. Казалось бы, столь разные люди, собравшиеся под давлением властей, чтобы в последний момент наспех составить какую-нибудь примирительную формулу — один историк назвал их «комиссией отчаяния», — должны были или совсем ничего не сделать, или написать что-то скороспелое и невнятное, лишь бы отчитаться в выполненном задании. Но произошло чудо: епископский мозговой штурм дал идеальный результат. На свет появился знаменитый «орос» (вероизложение), настолько точный и безупречный по форме и смыслу, что все последующие века Церковь ориентировалась на него как на образец и фундамент христианской догматики.

Орос был основан на Антиохийском вероизложении 433 года, подписанном Кириллом в период компромиссов, а также на послании Кирилла к Несторию и томосе Льва. В оросе говорилось, что из-за появления новых ересей отцы вынуждены составить новое определение веры в дополнение к никейскому и константинопольскому символам. Начало текста было составлено в отрицательной форме: осуждались те, кто разделял одно Лицо Сына на два; считал божество подлежащим страданию; допускал слияние и смешение двух природ; предполагал в Христе какую-то иную, нечеловеческую природу; считал, что до соединения природ их было две, а после соединения — одна. Положительная часть звучала так:

«Последуя святым отцам, все согласно поучаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в божестве и совершенного в человечестве, истинно Бога и истинно человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам, кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа, едиnorodного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно — так что соединением несколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно Лицо и одну Ипостась — не на два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына и едиnorodного Бога Слова, Го-

спода Иисуса Христа, как в древности пророки учили о Нем, и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как предал нам символ отцов».

В заключение снова говорилось, что никто под страхом отлучения и лишения сана не должен составлять другую веру.

В оросе были впервые четко разделены понятия «природа» (естество) и «ипостась» (лицо), которые смешивались еще Кириллом. Было очень важно установить, что во Христе существуют две природы, божественная и человеческое, но одно лицо — Бога-Слова. Бог принял не личность (лицо) человека, а только его природу. Человек может спастись только потому, что каждый из нас принадлежит человеческой природе, а она во Христе соединена с божественной в одном Лице, едином для двух природ. Поэтому и спастись возможно только через Христа, Он — единственный мост, соединяющий нас с Богом. Стоило принять точку зрения несториан (как ее тогда понимали) или монофизитов, признать, что в Иисусе одна природа или два лица, — и этот мост рушился. Человечество оказывалось оторвано от Бога.

Завершение собора

На соборе оправдали Иву и Феодорита, толком их не выслушав. Все уже устали, никто не хотел выяснять, в чем был прав Феодорит и в чем суть его расхождений с Кириллом. От Феодорита потребовали только, чтобы он анафемствовал своего друга Нестория, и, когда после нескольких попыток изложить свою точку зрения тот наконец сдался, все этим вполне удовлетворились. Зачем было разбирать старые дразги, когда все уже сделано? Если бы начали копаться в прошлом, могло бы оказаться, что и святой Кирилл ошибался и еретик Несторий (или, по крайней мере, Феодорит) был в чем-то прав. Поколебался бы фундамент Церкви, традиция святых отцов. На соборе все хотели упростить, чтобы свести к единству, не сознавая, что это создает почву для дальнейших заблуждений и расцвета монофизитства.

Халкидонский собор постановил, что константинопольская кафедра по чести и значению является второй после римской (28-й канон). Это внесло новый раскол в отношениях с Римом. Легаты заявили проест. Отцы собора, патриарх

Анатолий, даже Маркиан и Пульхерия начали писать письма папе Льву, осыпая его множеством ластивых выражений и уговаривая признать 28-й канон. Папа остался глух к этим просьбам и наотрез отказался утверждать новое правило. Монофизиты тут же подхватили этот спор, заявляя, что римский папа не согласен с еретическим несторианским собором. Папе пришлось оправдываться и в конце концов признать собор, умолчав, однако, о возвышении Константинополя.

Собор кончился парадным заседанием, на котором появились Маркиан и Пульхерия. Здесь состоялось официальное подписание ороса, а завершилось все славословиями императорской чете, образец которых сохранился в протоколе: «Слава Маркиану — новому Константину, новому Павлу, новому Давиду! Ты — мир мира! Ты утвердил веру православную! Многие лета императрице! Ты — светильник веры православной! Тобой мир царит повсюду! Маркиан — новый Константин, Пульхерия — новая Елена (то есть св. Елена, мать Константина)!»

Глава вторая. После Халкидона

Неискоренимые монофизиты

Казалось, собор раз и навсегда решил вопрос о двух природах Христа и с монофизитством было покончено. Император Маркиан не сомневался, что поставил последнюю точку в церковной смуте. «Да замолкнут теперь все дурные споры. Только совсем нечестивый может претендовать на право личного мнения по вопросу, о котором подали свой согласный голос столько духовных особ». На самом деле получилось все наоборот. Именно после собора монофизитство получило огромную силу и охватило не только Египет, но и Антиохию, Армению и много других областей. Почему так произошло? У монофизитства было много разных причин, в том числе политических, национальных и даже языковых. Некогда единая Римская империя раскололась на две части не только территориально, но и по языку. Вся западная часть была латинской, вся восточная — греческой. Но кроме греческого в Византии было много и других языков: сирийский, коптский, ар-

мянский. Они тоже стремились отпасть от греческого центра. В некоторых районах империи вообще не знали греческого, особенно в сельской местности: он был уделом местной интеллигенции. Златоусту даже в Антиохии, одном из центров эллинизма, приходилось читать проповеди на сирском языке. Греков на этом наречии звали «румойе», это значило примерно то же, что «солдат». В Египте у коптов был свой язык, свои традиции; эллинов здесь были пришельцами и чужаками, составлявшими незначительное меньшинство. После Халкидона приверженцев константинопольской веры в Египте презрительно называли мелхитами, то есть «царскими» («мелех» — «царь»).

Религиозные раздоры смешивались с национальными и приводили к политическим последствиям. В Армении император Маркиан отказал армянам в помощи против персов, а они отомстили ему тем, что отвергли Халкидонский собор (на котором сами армяне не присутствовали). Это было тем легче, что преемники Маркиана на византийском престоле, императоры Зенон и Анастасий, сами считали этот собор еретическим.

Но основная причина была в том, что именно монофизитский вариант христианства привлекал большинство верующих. Богословие долго колебалось между монофизитством и несторианством, признавая Христа то слишком Богом, то слишком человеком. Однако силы между ними были неравны: первое течение всегда побеждало второе. На Востоке многие христиане были склонны не просто возвеличивать Бога, но и принижать человека. Все материальное, плотское казалось им презренным и таящим в себе зло. Они думали и чувствовали так: раз Бог неизмеримо выше и лучше человека, значит, Он неизбежно поглощает человеческую природу. Для них вера в Богочеловека была прежде всего верой в Бога, а не в человека. Считали, что благо духа должно побеждать зло плоти; от мира надо отказываться, а не преобразать его; нужно бросить, отринуть тленный и преходящий мир и в мистическом соединении с Богом обрести спасение.

Александрийцы всегда стояли на этой позиции и отстаивали ее вопреки всем соборам и государственным репрессиям. С Антиохией получилось сложнее. Авторитетность антиохийской школы была подорвана вселенскими соборами. В Антиохии богословская школа была делом интеллектуалов,

мыслящей верхушки Церкви, не имевшим большой поддержки в пастве. С появлением монашества в Сирии и Палестине здесь стали широко распространяться монофизитские взгляды. Всякий монах был естественным монофизитом, все мировоззрение и образ жизни толкали его к этому уклону — а монахи в то время были самой активной, а порой и самой буйной частью христиан. Они не оседали в монастырях, а переходили с места на место, сбивались в бродячие группы и составляли целые армии, как в переносном, так и в буквальном смысле. Охваченная религиозным рвением и жарким благочестием, незаметно переходящим в фанатизм, многотысячная монашеская толпа не останавливалась перед физическим насилием. Ее руками были убиты епископы Протерий, Стефан и многие другие — убиты зверски, глумливо, с чудовищной жестокостью. Когда авторитет антиохийской школы пошатнулся, эти силы взяли инициативу в свои руки и фактически захватили власть в Антиохии и Палестине. Когда палестинский патриарх Ювеналий отрекся от монофизитства и вернулся в Палестину православным халкидонцем, его не приняла собственная паства. То же самое произошло в Антиохии, где православный патриарх Максим не имел никакой власти и авторитета. Антиохийцы стали александрийцами по вере.

Получалось, что после Халкидонского собора, ниспровергшего монофизитство, большинство восточных христиан оставались по убеждениям монофизитами — по крайней мере, среди тех, у кого вообще были убеждения. Огромная масса верующих просто опиралась на авторитет вышестоящих лиц, потому что оттенки тонких богословских споров были выше ее разума. Не только рядовые христиане, но и многие епископы не решались открыто выказывать свою веру, а подчинялись тому, что говорило начальство. В конечном итоге решение зависело от митрополитов и патриархов: на чью сторону они вставали, туда шла и подчиненная им церковь. От Церкви отпадали не индивидуально, в силу своих лично осознанных и выстраданных убеждений, а целыми районами и областями, по географическому и административному признаку. Если александрийский папа был монофизитом, то и вся Александрия, а за ней и весь Египет тоже были монофизитскими. Здесь вопросы богословия переходили уже в национальные и государственные. Еще сто лет после Халкидона главным вопросом для каждого византийского правителя было — прини-

мать или не принимать Четвертый Вселенский Халкидонский собор. И то, и другое решение грозило политическим расколом и катастрофой для всей империи.

Церковь пыталась справиться с расколом в течение нескольких столетий, идя на серьезные компромиссы с еретиками. Борьба с монофизитством продолжалась больше 200 лет и кончилась отпадением монофизитской церкви от православной. Сильный удар монофизитство нанесло и по империи, оторвав от нее миллионы подданных. От Византии отделились Сирия, Армения, Египет, Эфиопия (до сих пор исповедующие монофизитство). Государство было расколото и ослаблено как раз перед страшным нашествием арабов.

В результате на Востоке православным остался один Константинополь. Он победил, оказавшись в одиночестве. Но его столичное положение, его имперский авторитет привели к тому, что все новые церкви ориентировались на константинопольскую веру и брали ее за образец. Это спасло православие от участи маленького анклава, окруженного со всех сторон инославной верой. Потеряв сектантский юг, православие захватило север и продолжило жизнь в Болгарии, Чехии, Сербии и России.

Восстания и бунты

После Халкидона монофизитская смута достигла угрожающих размеров. Сразу после окончания собора разразилось восстание в Палестине. Во главе его стал монах Феодосий, убежденный монофизит. Он приехал на Халкидонский собор вместе с Ювеналием Иерусалимским, сторонником Диоскора, но, когда Ювеналий перешел на сторону дифизитов, Феодосий сбежал обратно в Палестину и объявил Ювеналия предателем, а собор — еретическим.

На его сторону встали палестинские монахи, сделавшие Феодосия патриархом. Монахи в Палестине были в основном бродячие, не привязанные к монастырям. Они почти не признавали церковную власть и действовали как самостоятельная и никем не контролируемая сила. В Иерусалиме восставшие взяли штурмом тюрьму и выпустили узников, которые присоединились к мятежу. Полтора года они безнаказанно грабили и убивали богачей. На их сторону встала даже Евдоксия, вдо-

ва Феодосия II, которая в то время жила в Иерусалиме и поддержала бунт из ненависти к правившей империей Пульхерии.

Правительство отправило в Иерусалим войска; монахи в ответ организовали свою армию и выступили им навстречу. У города Неаполис (Наблус) произошло сражение, в котором монахи были разгромлены полководцем Дорифеем. Восстание было подавлено, Феодосий пойман и умер в тюрьме. Но вся Палестина по-прежнему оставалась монофизитской. Силой возвращенный на патриарший престол Ювеналий Иерусалимский считался предателем. Монах Соломон как-то подошел к нему с корзиной якобы для благословения и осыпал мусором, говоря: «Так бывает с теми, кто продает веру за мирские блага».

Монахи не дремали и в Каппадокии. Их предводитель Георгий поднял смуту в Кесарии, и епископ Фалассий Кесарийский, видный деятель Халкидонского собора, был вынужден бежать.

Еще более серьезные события происходили в Египте. Главный монофизит, Диоскор Александрийский, был осужден и лишен сана на Халкидонском соборе. На его место назначили православного Протерия, но тот опирался только на светскую власть и силу армии. После смерти Маркиана, защищавшего православие, Протерий был жестоко убит восставшей толпой. Над его трупом долго издевались, таская по городу, потом сожгли, а прах развеяли по ветру. Ходили слухи, что убийцы Протерия даже пожирали его внутренности.

На его место был избран монофизит Тимофей по прозвищу Элур (Кошка). Тимофей был один из активных деятелей Разбойничьего собора. Говорили, что он придумал новый способ предвыборной агитации: ходил по монастырям с особой трубочкой и, спрятавшись за дверь, шептал через нее в келью монахам, что он ангел, посланный от Бога, и что они должны избрать Тимофея Элура. Будто бы благодаря этой уловке его и избрали патриархом.

Продолжение смут

Императорам пришлось снова ломать голову над церковными делами. Преемник Маркиана Лев I, также сторонник православия, обратился к Церкви с тремя вопросами:

признавать ли Тимофея Элура, как относиться к Халкидонскому собору и нужно ли созывать новый вселенский собор? На местных епископских соборах было решено — Тимофея Элура не признавать и лишить сана; Халкидонский собор признать наравне с Никейским; новый собор не созывать. Однако войны с Египтом власти не хотели, поэтому они упросили папу Льва написать вместо томоса более мягкое вероизложение, где две природы вообще не упоминались, монофизитство почти не критиковалось, а в тексте то и дело цитировался Кирилл. Но Тимофей Элур отверг и этот компромисс. Пришлось снова прибегнуть к армии. После нескольких сражений, где погибли тысячи людей, сторонники Тимофея Элура были разгромлены, а сам он сослан в крымский Херсонес (современный Севастополь).

Вместо Элура патриархом поставили православного Тимофея Салофакиола, человека мягкого и терпимого. Он старался действовать только силой убеждения, не опираясь на государственную власть, хотя она и была на его стороне. Доброго Тимофея любили даже монофизиты, с которыми он обращался кротко и милостиво. Когда к нему привели женщину, которая несла крестить ребенка в монофизитскую церковь, он не только отпустил ее с миром, но и дал ей холстину, чтобы она могла завернуть младенца после купели. Когда он шел по улицам, народ кричал: мы тебя любим, хоть ты и другой веры. Ради мира в Церкви Тимофей даже восстановил в диптихах, среди поминаемых во время литургии, имя отлученного Диоскора. Но его епископство было недолгим, и после смерти Тимофея снова воцарилась атмосфера нетерпимости и вражды.

В Константинополе в это время произошел очередной переворот. Законный наследник престола Зенон бежал из города. Власть захватил узурпатор Василиск, сторонник монофизитов. Он вытащил из ссылки Элура и издал особый документ под названием Энциклион, где предал анафеме Халкидонский собор и все его решения, запретив даже упоминать о нем. Документ подписали больше 500 епископов, все несогласные были низложены и сосланы. Тимофей Элур с триумфом возвратился в Александрию, изгнал Тимофея Салофакиола и вернул в город останки Диоскора. Победа монофизитов в Александрии была полной.

Но в самом Константинополе патриарх Акакий, хотя и сочувствовавший монофизитам, встал на сторону Халкидона.

Отрицать решения этого собора значило отрицать и его 28-е правило, даровавшее Константинополю власть над всей Восточной церковью. Поэтому Акакий отказался подписать Энциклион, в знак траура обтянул престолы в церквях черным цветом и поднял возмущение в народе. Даже подвижник Даниил, подражавший Симеону Столпнику, слез со своего столпа и пришел в город защищать веру. Армия изменила Василиску, свергнутый Зенон с войсками уже подходил к Константинополю. Василиск в отчаянии издал Антиэнциклион, отменявший все его прежние церковные решения, но это ему не помогло. Он был низвергнут и заключен в тюрьму. По византийской традиции вместе с ним посадили и его детей, которые умерли в заточении вместе с отцом.

В Александрии дела тоже повернулись в противоположную сторону. Тимофей Элур умер, когда представители власти уже ехали его арестовывать. Его монофизитским преемником стал Петр Монг (Гугнивый), которому сразу же пришлось скрываться от властей. На епископскую кафедру снова вернули халкидонца Тимофея Салофакиола, но паства его не признала, и православные церкви стояли пустыми. Это был христианский бойкот: народ демонстративно перестал ходить на службы.

Энотикон

После смерти Тимофея Салофакиола между двумя партиями началась борьба за александрийский престол. Монофизиты хотели выбрать Петра Монга, а православные — Иоанна Талаю. Последний был замешан в заговоре против Зенона и находился в ссоре с Акакием, патриархом Константинополя, поэтому его шансы на патриаршество были невелики. Между тем партия монофизитов в Константинополе интриговала за избрание Петра Монга, изображая его человеком решительным и способным навести порядок в Египте. Ради мира в церкви Акакий и Зенон решили пойти на компромисс с Египтом, пожертвовав православным Римом. Рим в то время переживал упадок, и казалось, что его можно уже не принимать в расчет.

Зенон издал специальный указ — энотикон, в котором попытался примирить монофизитов и православных, в уклон-

чивой форме излагая веру и обходя молчанием Халкидонский собор. Петр Монг скрепя сердце принял энотикон и стал епископом Александрийским. Иоанн Талайя сбежал в Рим и начал жаловаться римскому папе на Петра Монга и Акакия Константинопольского как на монофизитов и притеснителей православия. Римский епископ потребовал объяснений от Акакия, но не получил ответа и отлучил его от Церкви. Письмо папы Феликса III гласило: «Ты лишен священства, отлучен от католического общения и от числа верных. Ты не имеешь больше права ни на имя иерарха, ни на священные действия». Отлучительное письмо было тайком доставлено из Рима в Константинополь и незаметно приколото на омофор Акакия, когда тот служил литургию в храме Святой Софии. Разгневанный Акакий наказал ловкачей и вычеркнул из диптихов имя папы. Так возник новый разрыв между Восточной и Западной церквями — «акакианская схизма», продлившаяся 35 лет.

В Александрию энотикон тоже не принес мира. Неохотное признание Петром Монгом энотикона настроило против него многих монофизитов, особенно монахов. Они откололись от Монга и выбрали себе нового епископа, монаха Неафалия.

В Антиохии патриаршую кафедру тем временем захватил монофизит Петр Гнафевс (Сукновал). Власти его сослали, но поставленный на его место православный Стефан был убит толпой прямо во время службы. Понимая, что силой насадить православие не удастся, правительство просто оставило антиохийскую кафедру вакантной.

В Палестине патриархом был настроенный промонофизитски Анастасий, ученик Ювеналия. Он и его преемник Мартирий также приняли энотикон.

Течения монофизитства

К концу VI века патриархи двух крупнейших церквей, Александрийской и Антиохийской, были уже чистыми монофизитами и спорили между собой по тонкостям собственной доктрины о Троице. Православные уклонялись от этих споров, считая саму постановку таких вопросов еретической. К тому же эти вопросы становились такими запутанными, что один из православных иерархов, Леонтий Византийский, прямо за-

явил, что ответить на них невозможно и лучше не пытаться решить то, что не решили в свое время святые отцы.

В начале VII века монофизитство раздробилось на несколько течений. Новые секты появлялись по самым разным причинам, часто никак не связанным с догматикой. Например, сторонники Диоскора отделились от сторонников Тимофея Элура и образовали секту диоскориан. Акефалов («безглавых») не устроило, что Петр Монг принял энотикон Зенона, несмотря на то что в нем не отвергался прямо Халкидонский собор: они сочли такой компромисс недопустимым. Поскольку у акефалов не было своего епископа и они не могли назначать новых священников, вскоре им пришлось обходиться без них. Без священников нельзя было освящать хлеб и вино и нечем было причащаться; поэтому акефалы хранили старые, оставшиеся с давних времен святые дары и причащались раз в год, отламывая от них по маленькой крупице, а вместо вина принимали крещенскую воду.

Чисто догматическими сектантами были евтихиане. Евтихий определял соотношение естеств во Христе так: до воплощения две природы, после воплощения — одна. Человеческая природа Иисуса единосущна нам только до тех пор, пока в нее не входит Бог. Евтихий сравнивал ее с прозрачным стеклом, сквозь которое просвечивает божественный свет. Во Христе человек не поглощается Богом, но пронизывается Его божественностью и поэтому уже не может считаться равным нам.

Многие монофизиты ходили совсем рядом с православной доктриной, отличаясь от нее такими тонкими нюансами, что в них и сегодня трудно разобраться. Например, один из самых выдающихся монофизитов, Севир Антиохийский, был очень близок к православию и даже Халкидонский собор отрицал не за еретические воззрения дифизитов, а за неточность формулировок и неуважение к Кириллу Александрийскому. Севир считал халкидонских отцов непоследовательными, неумелыми в терминологии и, кроме того, неправильно отвергшими авторитет Кирилла. После воцарения православного императора Юстина Севир бежал в Александрию, где вел догматические споры с другим крупным монофизитом, Юлианом Галикарнасским. Монофизиты в это время разделились на севириан, которых называли «тварепоклонниками», потому что они считали природу Христа сотворенной, и юлианистов, называемых «псевдонетленниками» за то, что они не считали

плоть Иисуса тленной. От севирианов, в свою очередь, отделились агониты и третеисты, а последние раскололись на кононитов и филопониан, по именам своих руководителей, Конона и Иоанна Филопона. Разногласие между ними вызвал вопрос, что в Иисусе тленно: только форма тела или и сама материя, из которого оно состоит? Конониты ответили, что разрушается только форма, а сама материя не уничтожается; филопониане решили, что исчезает и материя, а потом создается заново — уже совсем другая — для новых тел после воскресения. Этим деление на секты не ограничилось: были еще актиститы, феодосиане, кондовавдиты, петриты, дамианиты и т. д. Но наиболее устойчивой оставалась севирианская доктрина, к которой относятся и все современные монофизиты: яковиты, копты и армяне.

Читайте в приложении: Монофизитские диспуты

Примирение с Римом

Во время церковной смуты византийские императоры вели себя по-разному. Одни вставали на сторону православия, другие — на сторону монофизитов, третьи старались их примирить. Были и такие, кто относился безразлично к религиозным спорам и только пытался сохранить статус-кво. Император Анастасий говорил: пусть монофизиты будут монофизитами, а православные — православными, лишь бы ничего не менялось. Христиан он призывал только к постоянству и последовательности: если уж вы признаете Халкидонский собор, то признавайте и дальше, не придумывайте ничего нового и не переходите на другую сторону; а если не признаете — делайте то же самое.

Пришедший ему на смену Юстин склонился на сторону православия. Весь Константинополь был настроен православно. Когда после воцарения Юстина константинопольский патриарх вошел в храм, его чуть ли не силой заставили анафемствовать монофизита Севира. В церкви стоял оглушительный шум и крик, как на площади. В это время Римская церковь, считавшая весь Восток еретическим, прислала в Византию специальную делегацию — не для того, чтобы установить мир, а чтобы принять покаяние падшей церкви. Послы

папы явились в Константинополь и потребовали от патриарха Иоанна подписать особый документ — либеллум. Он был составлен в такой форме, что подписать его означало подчиниться римскому епископу. Заодно объявлялась анафема на покойного патриарха Акакия (к которому в Константинополе относились с уважением) и всех его преемников (многие из которых считались на Востоке светочами православия). Запутавшийся в спорах Константинополь видел в Риме фундамент православия и хотел мира. Иоанн попросил легатов хотя бы смягчить форму либеллума, чтобы он не был таким унижительным, но они отказались. Наконец все требования были выполнены, либеллум подписан и анафемствованные патриархи вычеркнуты из диптихов (потом их опять без особого шума включили в списки).

Так легко могло бы произойти завоевание Римом всей Восточной церкви и подчинения ее власти папы. Но дальше Константинополя дело не пошло. В провинциях легаты получили решительный отпор. Восточные епископы не понимали, почему они должны подчинять себя римскому епископу и вычеркивать из диптихов православных патриархов. Сопrotивление доходило до открытых столкновений. В Фессалониках епископ Дорофей отказался подписать либеллум, объявил в городе осадное положение, запретил богослужение везде, кроме главной церкви, и начал срочно крестить младенцев. Все жители готовились к осаде. Когда в город прибыли папские легаты, возбужденные фессалоникийцы окружили дом, где они остановились, ворвались внутрь, убили хозяина дома и пробили голову одному из членов римской делегации. На следующий день папские легаты бежали из города. Рим потребовал наказать Дорофея и его приспешников, но император Юстин ответил, что будет судить его сам. Действительно, в январе 520 года в Ираклии состоялся суд, на котором Дорофей был полностью оправдан.

Глава третья. Три главы и V Вселенский собор

Юстиниан и монофизиты

После Юстина на трон взошел его племянник Юстиниан, правивший страной целых тридцать восемь лет, с 527 по 565 год. Существует легенда, что новый император, получив-

ший титул Великого, происходил из балканских славян: его настоящее имя было Управда. В зените своей славы он именовал себя гораздо длиннее — Флавий Петр Саббатий Юстиниан, с прибавлением многих почетных титулов, полученных после воинских побед: алемандский, готский, франкский, германский, антикский, вандалский, африканский.

В отличие от своего дяди Юстина, настоящего солдата, не умевшего даже писать (подписывая указы, он пользовался золотым трафаретом с вырезанным именем, по которому он водил пером), Юстиниан был образованным человеком и неплохо разбирался в богословии. Его учителем был знаменитый скифский монах и богослов Леонтий Византийский — тот самый, что разоблачил подделку многих еретических трудов, приписанных аполлинаристами авторитетным богословам вроде Афанасия Великого и не одно столетие вводивших в заблуждение христиан. Юстиниан одинаково хорошо говорил на славянском, греческом и латыни и получил блестящее классическое образование. Во время своего царствования он составил знаменитый «Юстинианов кодекс», ставший образцом для европейской юридической системы.

Как это часто бывает у выдающихся правителей, жена Юстиниана Феодора тоже была яркой и неординарной личностью. Дочь смотрителя зверинца при столичном ипподроме, Феодора вела бурную жизнь цирковой актрисы, имела множество любовных походов и после громких скандалов бежала в Александрию. Здесь она пережила нравственный переворот, познакомилась с практикой фиваидских подвижников и вернулась в Константинополь благочестивой христианкой. Молодой Юстиниан был очарован ее умом и красотой. Став женой императора, Феодора проявила свой властный и решительный характер и приобрела такой огромный вес при дворе, что превратилась практически в соправительницу своего мужа.

Свои лучшие качества она проявила во время восстания, вспыхнувшего в столице. В Константинополе тогда существовало две партии спортивных болельщиков, «голубых» (венетов) и «зеленых» (прасинов). Так же, как и современные болельщики, они собирались на стадионе, точнее — на ипподроме, где проходили конные ристалища. Постепенно «зеленые» и «голубые» приобрели такую силу, что превратились в две политические партии, вечно враждовавшие друг с дру-

гом. Но в 532 году венецы и прасины объединились против Юстиниана, решив поставить на трон племянников предыдущего императора Анастасия — Помпея и Ипатия. Они вывели на улицы толпу и сожгли центр города, в том числе храм Святой Софии. В этот трудный момент храбрая Феодора спасла Юстиниана, уже собиравшегося бежать из города. Она лично организовала сопротивление, подкупила часть бунтовщиков, привела в порядок войска и устроила в городе бойню, где погибло тридцать тысяч человек. Помпея и Ипатия казнили, и восстание захлебнулось.

Сам Юстиниан обладал кипучей энергией и незаурядными качествами руководителя. При этом он имел упрямую и деспотичную натуру, не любил признавать своих ошибок и упорно отстаивал свою точку зрения во всем, что касалось государства. Это сочетание принесло Церкви немало пользы, но немало и проблем.

Юстиниан хотел невозможного: объединить православных с монофизитами. Он пытался договориться с главой монофизитов Севиром Антиохийским, с почетом принимал его в Константинополе и проводил богословские диспуты с целью выяснить истину. Как проходили такие встречи, можно судить по письму Иннокентия Маронийского, участвовавшего в одном из них. На диспуте, продолжавшемся четыре дня, разбирали вопросы о Халкидонском соборе и его постановлениях. Обсуждение заключалось в том, что монофизиты ссылались на труды отцов Церкви, писавших противоположное тому, что принял собор, а православные заявляли, что все книги, на которые они ссылаются, подложные и придуманы еще аполлинаристами. Кончилось тем, что монофизиты сослались на Кирилла Александрийского, который в некоторых своих работах уравнивал понятия «природа» и «ипостась», и православным пришлось признать, что Кирилл был непоследователен и его труды они принимают лишь частично. На дискуссию было потрачено много сил и времени, но она ни к чему привела: каждая из сторон осталась при своем мнении.

В 533 году в Константинополе произошло землетрясение. Перепуганные жители решили, что это Божье наказание за отступление от монофизитства, и потребовали от Юстиниана сжечь постановления Халкидонского собора. Император уклонился от слишком резкого поступка и вместо этого написал еще одно изложение веры, в котором не упоминал о двух есте-

ствах, чтобы не раздражать монофизитов. Одновременно он запретил монофизитам посвящать в священники и епископы, рассчитывая, что после смерти уже существующих иереев монофизиты лишатся пастырей и апостольской преемственности и тем самым исчезнут из церковной жизни. Но вместо пользы из запрета получился вред: один из монофизитских епископов, Иоанн Теллский, эмигрировал в персидскую Сирию и начал посвящать в священники стекавшихся к нему монофизитов (считается, что он провел ни много ни мало 170 тысяч хиротоний). Позже его миссию продолжил Иаков Барадай, в честь которого монофизиты стали называть себя яковитами. Создав собственную иерархию, монофизиты окончательно откололись от православия и образовали самостоятельную церковь.

От гонений, начавшихся вскоре в Сирии, монофизиты бежали обратно в Константинополь, где нашли благосклонный прием у супруги Юстиниана Феодоры. Пытаясь сохранить равновесие между двумя ветвями христианства, Юстиниан и Феодора разделили роли: муж покровительствовал православным, жена — монофизитам. Она принимала благословления от монофизитов и устроила в своем дворце приют для монофизитских старцев. Здесь же, во дворце, происходили богослужения, где монофизиты крестили детей придворных, приближенных к Феодоре. Сам Юстиниан постепенно стал смотреть на монофизитов столь благосклонно, что поручил им миссионерство среди язычников, когда от этого отказались православные. Таким образом, количество монофизитов все увеличивалось.

В 535 году в Константинополь неожиданно приехал римский папа Агапит, которого епископ Антиохийский напугал тем, что в Константинополе отменяют православие. Агапит повел себя очень резко, не только с монофизитами, но и с самим Юстинианом: он обвинил его в пособничестве еретикам и даже в гонениях на православие. Император пытался его образумить, угрожая немилостью и ссылкой, но Агапит только возмутился: «Я думал, что еду к благочестивейшему императору Юстиниану, а оказалось, что приехал ко второму Диоклетиану». Строгий папа стал допытываться у константинопольского патриарха Анфима: верит ли он в две природы во Христе? Анфим дал неожиданный ответ: он отказался от патриаршества и бесследно исчез. Позже выяснилось, что Анфим стал затворником прямо во дворце, где императрица Феодора предоставила ему тайную комнату. Там он прожил двенадцать лет,

никуда не выходя и ни с кем не общаясь, прячась от всех. Константинопольский собор заочно осудил его за монофизитство, и новым патриархом, по настоянию Агапита, стал православный Мина, твердый сторонник Халкидона.

После того как Агапит скоропостижно умер в Константинополе, его диакон Вигилий попросил императрицу Феодору сделать его римским папой, пообещав взамен сотрудничество и согласие во всех вопросах. Феодора дала ему рекомендацию, но Вигилий опоздал: когда он прибыл в Рим, оказалось, что там уже избрали нового папу Сильвестра. Вигилия это не смутило: он обратился к всемогущему полководцу Юстиниана Велизария с просьбой сделать его папой, а от Сильвестра избавиться. Вскоре Сильвестра обвинили в измене (будто бы он хотел сдать Рим готам), лишили сана и отправили в ссылку. Так Вигилий стал папой.

В это же время на александрийскую кафедру, в самый рассадник монофизитства, отправили епископом православного монаха Павла. Он должен был бороться с монофизитами, среди которых были не только епископы и священники, но и многие местные чиновники и представители власти. В их числе был главнокомандующий египетскими войсками Илия, друг которого Псой заведовал канцелярией самого Павла. Узнав, что его собственный помощник сочувствует монофизитам, Павел посадил Псою в тюрьму и истязал его до тех пор, пока тот не умер. Чтобы скрыть это преступление, Павел хотел умертвить и его детей, но им удалось бежать в Константинополь. После их жалобы императору Павел был низложен и отправлен в ссылку.

Три главы

Несмотря на отдельные стычки и конфликты, дело постепенно шло к примирению церковей, но тут события внезапно повернулись в другую сторону.

В VI веке среди палестинских монахов неожиданно возродился интерес к эсхатологии Оригена — его учению о конце света и апокатастису, то есть всеобщему восстановлению природы. Апокатастис означал, что не только все люди, но и демоны, и даже сам Люцифер полностью очистятся от зла и вернуться в свое изначальное благое состояние. Юстиниан

выпустил эдикт, осуждавший оригенизм, но Феодор Аскида, епископ Кесарии Каппадокийской, сторонник Оригена, человек известный и имевший влияние на императора, решил отвлечь его внимание в другую сторону. Он предложил нанести удар по уже мертвым, но еще не осужденным представителям несторианства — Феодору Мопсуестскому, Иве Эдесскому и Феодориту Кирскому. Замысел был в том, чтобы привлечь на свою сторону монофизитов, которые не признавали Халкидонский собор, в частности, из-за того, что на нем не были осуждены эти авторитетные восточные отцы, так или иначе сочувствовавшие Несторию. По мнению монофизитов, это означало, что не было отвергнуто и само несторианство.

Юстиниан, для которого примирение с монофизитами было заветной целью, немедленно взялся за дело. В 544 году он издал эдикт, включавший три пункта, или три главы: 1. Об анафеме на всякого, кто поддерживает и защищает нечестивое послание Ивы Эдесского к Маре Персу. 2. Об анафеме на тех, кто думает, что это бросает какую-то тень на отцов Халкидонского собора. 3. О том, что послание к Маре действительно безбожно и нечестиво, а Феодор Мопсуестский заслуживает анафемы. Это не помогло сближению с монофизитами, но в Церкви вызвало смуту, и сам Аскида потом признавался, что за плохой совет его следовало бы сжечь живым.

Начали с константинопольского патриарха Мины. Тот подпisał указ, оговорив, однако, что если римский папа откажется подписывать, то и он отзовет свою подпись. Антиохийский патриарх Ефрем вначале отказал в подписи, считая указ вредным, но под угрозой лишения кафедры и ссылки все-таки согласился. То же самое сделали иерусалимский патриарх Петр и александрийский папа Зоил. Последний сразу после этого отправил послание римскому папе, прося его не давать подпись и объяснив, что сам сделал это только под давлением властей.

На Западе поднялось возмущение против патриарха Мины. Тогда император стал вызывать в Константинополь западных епископов, чтобы заставить их подписать указ. В замешательстве те обратились за консультацией к тогдашнему видному западному богослову, диакону карфагенской церкви Фульгентию Ферранду.

Фульгентий увидел в указе Юстиниана покушение на авторитет Халкидонского собора. Халкидонские отцы сохранили общение с Ивой; почему же мы теперь заочно и задним чис-

лом должны пересматривать их решение? Как можно воевать с мертвецами и какую пользу это принесет Церкви? Да и сама форма сбора подписей под давлением светской власти порочна по своей сути. Искренне признать можно только то, для чего есть убедительные доказательства, а не то, что диктует воля императора. Фульгентий сделал три вывода: нельзя пересматривать решения Халкидонского собора; нельзя из-за мертвых поднимать смуту в Церкви; нельзя по принуждению собирать подписи для решения богословских вопросов.

Карфагенский епископ Понтиан последовал рекомендациям Фульгентия и написал Юстиниану, что на Западе никто не знает ни Феодорита Кирского, ни его трудов, но что бы тот ни написал, нельзя осуждать умерших, которых судит уже Сам Господь: «Смотри, чтобы не пришлось тебе, задумав осудить мертвых, казнить за неповиновение многих живых».

Схватка с Вигилием

Таким образом, в ответ на указ раздался единый хор возмущения и протеста. Но императора это не смутило. Подавив сопротивление на Востоке и запугав византийских епископов, Юстиниан решил одним ударом покончить с Западом, вызвав к себе римского папу. На епископа Рима были обращены все взгляды, в нем видели последний оплот православной веры. Папой был тот самый Вигилий, который получил свою кафедру в результате сделки с Феодорой, женой императора.

Вигилий прекрасно понимал, что его ждет в Константинополе, и отказывался ехать. Тогда Юстиниан приказал его арестовать и силой доставить в столицу. Папа был схвачен в римской церкви Св. Цецилии и посажен на корабль. Римляне провожали его слезами и просьбами не соглашаться на подпись императорского указа.

По дороге Вигилий изо всех сил тянул время, под разными предложениями задерживаясь в каждом порту и стараясь как можно медленней двигаться к Константинополю. В Сицилии он задержался на целый год. По дороге к нему приходили местные епископы и целые делегации, умоляя не подписывать указ. Вигилий уже с дороги отправил патриарху Мине письмо, где осудил его за подписание эдикта.

В Константинополе, куда он прибыл 25 января 547 года, Вигилия встретили торжественно. Папа был настроен бескомпромиссно и первым делом отлучил от Церкви Мину и всех, кто подписал эдикт; Мина сделал то же самое по отношению к Вигилию. Но через четыре месяца под давлением Юстиниана взаимные анафемы были сняты и общение восстановлено. Феодора и Юстиниан не забыли, как Вигилий получил римскую кафедру, и потребовали выполнять условия договора. Вигилий взялся за сложное дело: убедить западных епископов все-таки подписать указ. Для этого он стал устраивать тайные конференции с западными епископами, находившимися в Константинополе, дабы постепенно склонить их на сторону императора.

Сначала дело продвигалось плохо. Епископ Факунд Гермианский заявил, что послание Ивы Эдесского было принято Халкидонским собором и осудить его — значит осудить сам Халкидонский собор. Тогда Вигилий закрыл заседание и потребовал от каждого епископа письменно изложить свое мнение. Ему удалось убедить большинство из них, что указ следует подписать из политических соображений. Он пообещал, что оставит их согласие в тайне. Но как только письма были написаны, Вигилий тут же отдал их императору.

Факунд встал в оппозицию Вигилию и написал «12 книг в защиту трех глав» К этому времени с указом произошла путаница — три главы эдикта стали пониматься как три главы Церкви: Феодор Мопсуестский, Ива Эдесский и Феодорит Кирский. Поэтому Факунд в своем заглавии имел в виду защиту не указа, а трех глав церковей. Он писал, что не надо из-за мелких деталей «разрывать могилы мертвецов», и ссылаясь на авторитет Блаженного Августина, у которого при желании тоже можно найти какие-нибудь неточные места и объявить его еретиком. Неточности Феодора Мопсуестского, писал он, несущественны, они были обусловлены конкретной ситуацией. Если братья за дело с таким рвением, почему бы не пересмотреть труды всех учителей Церкви? К тому же император не может быть учителем епископов, и в вопросах веры не следует повиноваться его указу.

Но Вигилия все это не убедило, и в конце концов папа написал итоговый документ, в котором согласился с эдиктом императора, сделав только оговорку, что этим он не осуждает Халкидонский собор. На этом этапе в дело вступили римские

диаконы Рустик и Себастьян. В Римской церкви по древней традиции было всего семь диаконов при огромном количестве священников, поэтому диаконство считалось очень почетным и на эту должность назначались лучшие люди. Рустик и Себастьян сначала горячо одобрили документ папы, но потом, пообщавшись с карфагенским аббатом Феликсом, изменили свою точку зрения на противоположную и стали его яркими врагами.

На Западе пошел слух, что папа предает православную веру. В Галлии, Скифии, Далматии и Иллирии сторонники Вигилия были отлучены от Церкви. Африканские епископы пошли еще дальше и отлучили самого папу. Тогда Вигилий умолил Юстиниана вернуть ему написанный им документ, пообещав взамен склонить весь Запад к принятию эдикта. Он действительно начал выполнять этот план и почти достиг успеха. Все недовольные подвергались репрессиям. Карфагенский епископ Репарат по подложному обвинению был осужден за убийство родственника Юстиниана Ареобинда и сослан. Карфагенскую кафедру пообещали апокрисиарию (представителю) Репарата Примасию, если он согласится на осуждение трех глав церквей, и тот принял это предложение. Удалось склонить еще некоторых африканских епископов, но не всех.

В то же время Юстиниан счел нужным изложить свое исповедание веры и разослать его по всей империи для вывешивания в храмах. Вигилий собрал совет епископов, на котором было решено упросить императора отозвать свое вероисповедание, чтобы его вначале могла рассмотреть и одобрить Церковь. Если же Юстиниан откажется, то не соглашаться с ним под страхом отлучения. Однако сразу после окончания совета епископы бросились демонстрировать свою лояльность императору: отправились в церковь, где висело вероисповедание Юстиниана, отслужили там литургию и вычеркнули из диптихов александрийского папу Зоила, выступавшего против эдикта. В ответ Вигилий отлучил от церковного общения Феодора Аскиду, а затем вместе со своим соратником Датием, медиоланским епископом, укрылся в храме Св. Петра, считая это убежище неприкосновенным.

Юстиниан так, однако, не считал. Он послал в храм комитета с отрядом полиции, чтобы арестовать Вигилия. Папа вцепился обеими руками в ножки престола, престол покачнулся,

и упавшая сверху тяжелая мраморная плита убила бы его, если бы ее в последний момент подхватили сами нападавшие. Собранный в храме народ возроптал, и комит почел за лучшее удалиться.

Решив отказаться от грубой силы, император послал к Вигилию две делегации (одна из них была во главе с Велизарием) с обещанием безопасности. Вигилий отвечал, что клятвенное обещание ему должен дать сам Юстиниан, а не его делегаты, но император ему в этом отказал, пригрозив, что, если он не согласится, с ним может случиться «нечто худшее». Тогда наконец Вигилий сдался и возвратился во дворец, где его жизнь вскоре сделалась невыносимой. Император приставил к Вигилию людей, которые постоянно его оскорбляли. Был найден человек, который писал почерком Вигилия и посылал от его имени подложные письма, которые должны были скомпрометировать папу в глазах римлян. Одновременно в Италии распространялись порочащие папу слухи — в надежде, что Вигилия лишат римской кафедры.

Вигилий, чувствуя себя в опасности, снова решил укрыться в храме. Переодевшись, он тайком переправился на другую сторону Босфора и нашел убежище в церкви Великомученицы Евфимии, где некогда проходил Халкидонский собор. Здесь он выпустил официальное постановление, отлучив от Церкви Феодора Аскиду и снова константинопольского патриарха Мину. В своем послании он описал творившиеся над ним бесчинства, включая и физическое насилие. Юстиниан снова попытался его выманить обещанием безопасности, но Вигилий отказался наотрез.

Несколько месяцев прошло без перемен. Папа укрылся в храме накануне Рождества, а в августе следующего года умер Мина Константинопольский. Нового патриарха избрали очень своеобразно. Юстиниан заявил, что ему во сне явился апостол Петр и сказал, что константинопольскую кафедру должен занять Евтихий, состоявший в это время на дипломатической службе. В свое время Евтихий угодил Юстиниану тем, что нашел в Св. Писании цитату, якобы доказывавшую, что и мертвые могут быть осуждены (потому что некогда царь Иосий сжег кости языческих жрецов). Свой рассказ об апостоле Петре император подтвердил клятвами, и Евтихий был избран.

Прошел уже год после бегства Вигилия в храм, когда Евтихий наконец отправил ему послание с предложением примирения. Юстиниан предложил собрать новый собор. Вигилий хотел, чтобы он состоялся на Западе, но император и тут настоял на своем и созвал собор в Константинополе.

Пятый Вселенский собор

Пятый Вселенский собор оказался самым коротким: он продолжался всего месяц, с 1 мая по 2 июня 553 года. Из 164 присутствовавших на нем епископов только восемь были западными. Повестка Пятого собора составила следующим образом: на него явился представитель Юстиниана и объявил, что император требует, чтобы собравшиеся рассмотрели сочинения Феодора Мопсуестского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского и высказались за или против их осуждения.

Первые три заседания Пятого собора были посвящены обсуждению отсутствия на нем папы Вигилия и многих западных епископов, которые на собор не явились, хотя и находились в то время в Константинополе. На приглашение прийти Вигилий ответил, что болен и, кроме того, не хочет присутствовать, поскольку среди участников собора мало западных епископов. Таким образом, папа, находившийся буквально рядом с местом проведения собора, так и не оказался его участником.

На следующих трех заседаниях, с 12 по 19 мая, был решен собственно вопрос о «трех главах».

Своими современниками Феодор Мопсуестский воспринимался как борец с аполлинаристами, а неточности, неясности и излишние резкости в его работах объясняли и извиняли полемической борьбой. Но в VI веке эти извинения уже не принимались во внимание, и его вполне можно было осудить как несторианина. Сложность заключалась в другом. Феодор Мопсуестский существовал не сам по себе, он был только последним звеном в долгой традиции антиохийского богословия. За его спиной стояли авторитетные отцы, которых он по праву считал своими предшественниками и учителями. Невозможно было осудить Феодора Мопсуестского, не затронув Диодора, а затронуть Диодора было нельзя, не бросив тень на Евстафия, при том что и Диодор, и Евстафий признавались

святыми отцами и столпами Церкви. Граница еретичности пролегла где-то между ними, и Церковь сочла, что преступил ее именно Феодор: степень его неправославия оказалась достаточно большой, чтобы осудить его учение, а вместе с ним — и его самого.

Феодориту Кирскому повезло больше — осуждены были только некоторые его творения, а не он сам. У Ивы Эдесского осудили только одно письмо — причем то самое, которое предыдущий Халкидонский собор счел православным.

Одновременно папа Вигилий выпустил послание, в котором высказал свое мнение по обсуждаемым вопросам. Ссылаясь на то, что Феодор Мопсуестский пользовался почетом в Церкви, он не осуждал его как еретика, но и не защищал как православного. Этой же позиции, по его мнению, должен придерживаться и собор. Феодорита Кирского, говорил Вигилий, осудить нельзя, так как его оправдал Халкидонский собор. Что касается православия Ивы Эдесского и его письма, то оно засвидетельствовано Халкидонским собором, и спорить тут не о чем.

Папа попытался передать послание Юстиниану, но тот не захотел его читать.

На седьмом заседании 26 мая был поставлен вопрос о православии самого Вигилия. Собор постановил низложить Вигилия и отлучить его от Церкви. Поводом для отлучения стал троекратный отказ папы явиться на собор.

Итоги собора

С чисто догматической точки зрения «три главы» были осуждены законно: их предали анафеме за высказывание мнений, противоречивших тем церковным догматам, которых в их время еще не существовало. Однако в Пятом соборе не было никакой насущной необходимости, так же как и в его решениях.

Монофизиты с насмешкой спрашивали: если Ива и Феодорит хороши, то почему их предали анафеме, а если плохи, то почему же их признал православными Халкидонский собор? Собор вызвал слабые протесты на Востоке и решительное неприятие на Западе. С точки зрения Запада это был разгром Римской церкви. После собора папу Вигилия заточили

в тюрьму, многих западных епископов отправили в ссылку. Факунду Гермианскому, который осудил отцов V собора как «некродиоктов» (мертвогонителей), пришлось бежать.

Находясь в заточении, папа Вигилий все-таки согласился на осуждение «трех глав». Юстиниан заставил его написать послание Евтихию Константинопольскому, в котором он отказался от своих прежних мнений. Затем папа написал послание римским епископам, в котором убеждал их принять постановления Пятого собора. После этого Вигилия освободили из тюрьмы и позволили вернуться в Рим, но по дороге, в Сицилии, он умер.

Преемником Вигилия стал Пелагий, сторонник Юстиниана и осуждения «трех глав», после чего папский престол фактически примирился с Пятым собором. Рим в то время был захвачен войсками Юстиниана во главе с военачальником Нарсесом. С африканскими епископами Юстиниан справился сам — большинство из них были сосланы и скончались в изгнании, — а сломить сопротивление италийских епископов помогло вторжение лангобардов, после которого в Италии наступили смута и хаос. Основные противники Пятого собора, епископы Медиоланский и Аквилейский, были вынуждены бежать в другие города; после их смерти их преемники избирались сразу и на родине, и в местах изгнания, поэтому у Медиолана оказалось два епископа, а у Аквилеи — два патриарха. Лангобарды отказались от общения с Римом, обвинив его в принятии Пятого собора, и даже Григорию Великому не удалось вернуть их в Церковь. В Галлии епископы были настроены против осуждения трех глав, а в Испании Пятый собор вообще не упоминался, как будто его и не было. Только после Шестого собора, осудившего монофизитство, Западная церковь воссоединилась с Восточной, но отношение Запада к Пятому собору навсегда осталось отрицательным.

После Юстиниана

Юстиниан умер в 565 году, в возрасте 82 лет. Незадолго до смерти этот неутомимый борец за чистоту православия впал в откровенную ересь. Он издал еще один указ-верозложение, которым от всех христиан требовалось признать, что тело Иисуса во время земной жизни было нетленным. Из

этого следовало, что Его муки, распятие и смерть были призрачными. Даже патриарх Евтихий, ставленник Юстиниана, не мог согласиться с таким явным отклонением от веры; он был низложен и сослан императором. Для официального подтверждения низложения патриарха был создан специальный собор, который утвердил решение Юстиниана. В качестве одного из обвинений выдвинули то, что Евтихий ел дичь, — это считалось избыточной роскошью и гурманством. Но история с новым указом не успела как следует развиваться, и Юстиниан умер, находясь в мире с Церковью.

Новым императором стал племянник Юстиниана Юстин II. Он старался примириться с монофизитами и издал указ, в котором, обходя все острые углы и не упоминая о Халкидонском соборе, попытался создать с ними унию. Эдикт был принят православными, но отвергнут монофизитами. Тем не менее все было достаточно мирно, пока Юстин II, по совету константинопольского патриарха Иоанна Схоластика, не решил взяться за монофизитов всерьез.

В дело вступила армия. Солдаты оцепили монофизитские монастыри, заменили монофизитские иконы на православные, заставили всех монахов и монахинь причаститься у православных священников и арестовали тех, кто этому сопротивлялся. Таким образом, монофизитские монастыри были превращены в православные.

Лидеров монофизитов Иоанна Эфесского и антиохийского патриарха Павла Черного бросили в тюрьму. Павел под пытками согласился подписать отречение, но потом раскаялся и сбежал в Сирию, где его принял основоположник яковитства Иаков Барадай. Иоанна Эфесского сломить не удалось, и он шесть лет провел в тюрьмах и ссылках.

Параллельно с этим снова начались богословские споры и дискуссии, которые ни к чему не привели. Камнем преткновения служили решения Халкидонского собора, от которых ни за что не хотели отказаться православные и которые наотрез отказывались принять монофизиты.

После Юстина II правил император Тиберий. Он отказался решать вопрос с монофизитами, заявив, что это дело церковной, а не светской власти. После смерти патриарха Иоанна Схоластика он вернул на константинопольскую кафедру Евтихия. Без поддержки государства Евтихию пришлось воздействовать на монофизитов только убеждением. Как это

происходило, можно увидеть на примере одного сирийского женского монастыря, где монахинь удалось склонить к объединению с православной церковью. Однако когда Евтихий попытался уговорить их отказаться от монофизитской формулы (к «трисвятому» они добавляли «распятый за нас»), монахини заявили, что «никогда не откажутся от Христа». Евтихий попытался объяснить им, в чем разница между монофизитской и православной верой, но получил ответ, что они простые женщины и ничего не понимают в богословии, но не откажутся от традиции, переданной им святыми отцами.

После Евтихия, при добром и благочестивом Иоанне Постнике, монофизитов совсем не трогали, и они сорок лет наслаждались миром и покоем.

Глава первая. Ираклий и монофелитство

Маврикий и Фока

Прежде чем перейти к новой главе церковной хроники, скажем несколько слов о правивших в это время императорах. Это необходимо сделать по двум причинам: во-первых, чтобы «не наскучить повествованием об одних спорах епископов», как писал Сократ Схоластик, а во-вторых, чтобы дать представление об эпохе, когда Вселенская Церковь находилась в расцвете сил и принимала свои главные догматы.

После правления Юстиниана, Юстина II и Тиберия к власти пришел полководец Маврикий. Он проявил себя как хороший военачальник, человек сдержанный, образованный, благоразумный. Верный муж и благочестивый христианин, басилевс целыми ночами слушал поэтов и историков и поощрял подданных к занятиям наукой. Его единственным серьезным недостатком была излишняя любовь к родственникам, которых он без каких-либо заслуг щедро осыпал своими милостями, без разбора раздавая деньги, должности и титулы.

При Маврикии государственным языком официально стал греческий. К этому времени Византия окончательно потеряла надежду вернуть Рим и западную часть империи. Она становилась все менее эллинской и все более восточной и варварской. Среди императоров все чаще встречались солдафоны, опиравшиеся только на грубую власть и жестокость. Именно таким был Фока, свергший Маврикия после солдатского бунта. Не красивый внешне, рыжий и коренастый, с наглыми глазами и безобразным шрамом на лице, к тому же пьяница, он вызывал отвращение и ужас даже у привычных ко всему византийцев. Схватив Маврикия, Фока заставил его смотреть, как он убивает одного за другим пятерых его сыновей. По легенде, преданная няня пыталась спасти одного из них, заменив собственным сыном, но Маврикий ей запретил. «А потом окаянный Фока, — пишет хронист, — приказал головы царя и сыновей водрузить на трибунальском поле. И граждане выходили смотреть на них, пока они не загнили».

Вскоре против узурпатора составили заговор, в котором участвовала вдова Маврикия Констанция, но в последний момент заговорщиков выдал предатель. Рассвирепевший Фока отрубил головы не только Констанции, но и трем ее дочерям. Бунтовщиков он любил казнить медленно: сначала выкалывал глаза, потом отрезал язык, потом отрубал руки и ноги и, наконец, сжигал.

Рим, недовольный холодным отношением Маврикия к Западной церкви, с радостью приветствовал Фоку. Римский папа Григорий Великий написал ему восторженное письмо: «Да радуется весь народ империи, глубоко опечаленный до сего дня, твоим великим деяниям! Да радуется каждый свободе, наконец возвращенной под скипетром благочестивого императора!» Персия, наоборот, расценила переворот как личную обиду: убитый Фокой Маврикий был другом персидского царя Хосрова, которого император спас от смерти, когда тот еще царевичем был вынужден бежать из Персии. Хосров использовал это убийство как удобный повод для вторжения и объявил Византии новую войну, едва не погубившую империю.

В это время снова возник болезненный для Церкви вопрос о войне. Перед лицом опасности Фока, остро нуждавшийся в солдатах, попросил собор епископов объявить мучеником всякого, кто пойдет в армию и будет убит. Кто-то

тут же вспомнил 13-е правило Василия Великого, запрещавшее причащаться в течение трех лет всем, кто убивал на войне, за «нечистые руки». С другой стороны, некоторые епископы и священники заявили, что сами участвовали в сражениях и убивали: за это, по их мнению, надо не наказывать, а награждать. Им указали на 43-е правило Василия Великого, по которому таким священникам следовало запретить служение в Церкви. Но многие сочли его излишней и ненужной строгостью, и вопрос так и повис в воздухе.

Жестокость Фоки в конце концов стоила ему трона. Во время праздника, проходившего на ипподроме, люди начали обвинять его в пьянстве. «Опять засовывал свой нос в кувшин! Опять потерял разум!» — кричали из толпы. Фока ответил на это с обычной свирепостью: по его приказу недовольные были живыми зашты в мешки и брошены в море. Терпение народа лопнуло; вспыхнул бунт, который поддержал полководец Ираклий, и Фока был свергнут. Конец его правления оказался таким же жестоким, как начало. «Ираклий приказал сначала отсечь Фоке руки и ноги, а потом живым резать на куски; тайные члены отсечь и привязать к копьям». В заключение ему отсекли голову и обезображенный труп сожгли на так называемом «бычачьем рынке». Ни о каком христианском погребении бывшего императора не было и речи.

Война с Персией

Отправив войска против императора Фоки, шах Хосров не стал их отзывать и после того, как узнал о его смерти и воцарении Ираклия. Военная кампания шла успешно, и отменять ее не имело смысла. Персы быстро завоевали Антиохию и Александрию, два крупных оплота христианства. В 614 году пал Иерусалим; патриарха Захарию взяли в плен, а великую святыню христиан, Крест Господень, увезли в Персию. Еще через год был захвачен Египет, затем Киренаика и Ливия. В 617 году персы заняли Халкидон — чтобы атаковать столицу Византии, им оставалось переправиться через Босфор. Одновременно с севера наступали авары, которые в 619 году достигли окрестностей Константинополя. Положение было настолько отчаянным, что Ираклий решил оставить город и бежать в Карфаген, откуда он был родом. Однако патриарх

Сергий удержал его от этого шага и потребовал дать перед народом клятву, что столица навсегда останется в Константинополе.

Ираклий, собравшись с духом, занялся организацией сопротивления. Нуждаясь в деньгах (казна была совершенно пуста), он занял средства у богатых граждан, переплавил в монеты церковную утварь и откупился от аваров. Затем Ираклий занялся созданием армии и сумел создать боеспособное, дисциплинированное и крепкое духом войско, которое весной следующего года отправилось завоевывать Персию. Император не только возглавлял войска, но и сам сражался в первых рядах бойцов. В решающей битве у города Мосула он лично убил трех персидских военачальников, потерял лошадь и проявил исключительную храбрость. Его мужеством восхищались даже персы. За четыре года Ираклий отвоевал все потерянные территории, освободил Сирию, Палестину и Египет и вернул Крест Господень в Иерусалим. После окончания кампании он с триумфом вернулся в Константинополь, где народ встретил его пением и оливковыми ветвями.

Торжествующий император не знал, что на пороге стоял новый враг, противостоять которому Византия будет уже не в силах. Это были арабы и провозглашенная ими новая религия — ислам.

Погромы

После захвата Иерусалима персами в 614 году по городу прокатились погромы, устроенные иудеями против христиан. Они специально выкупали христианских пленников у персов, чтобы подвергать их изощренным пыткам. Когда Ираклий отвоевал город, иудеи стали умолять императора защитить их от мести христиан. Ираклий дал клятву, что сохранит им неприкосновенность, но вскоре понял, что не сможет удержать разгневанный народ, и разрешил провести еврейские погромы. После этого иудеев выселили за пределы города, запретив им даже приближаться к Иерусалиму. В палестинских монастырях до самой смерти Ираклия отмаливали грех клятвопреступления и даже устроили для этого специальный недельный пост.

Еретические церкви

В начале VII века во всей Византийской империи православным оставался один Константинополь с прилегающими областями. Этот верный Халкидону центр со всех сторон окружали еретические провинции. На севере находилась полу-византийская Армения, часто переходившая от греков к персам и наоборот. Отрезанная от империи, Армянская церковь почти не участвовала в жизни Византийской церкви и плохо понимала происходившие там дебаты. На армянском языке слова «физис» (природа), «усия» (сущность) и «ипостась» (лицо) обозначались одним словом — «пиутиун». Поэтому «две природы» для них автоматически означало «два лица». Армяне сочли это ересью, не приняли Халкидонский собор и остались на своем варианте вероисповедания, опиравшемся на взгляды Кирилла Александрийского, частично Аполлинария и позднего монофизита Юлиана Галикарнасского. Собор в Двине (527 год) запретил армянам совершать паломничества в Иерусалим и вообще общаться с греками. Тогда же произошло их разделение с православными грузинами: «Мы приказали об иверийцах — не иметь с ними никакого общения ни в молитве, ни в еде, ни в дружбе, ни в кормлении детей. Не ходить к кресту, прославленному в Мцхете, не принимать их в наши церкви, удаляться от браков с ними; только покупать и продавать, как евреям». Чтобы подчеркнуть единую Богочеловеческую природу во Христе, армяне стали праздновать Рождество и Крещение в один день, а евхаристию справлять на пресном хлебе и чистом вине, без примеси воды. Так Армянская церковь полностью откололась от православной и осталась на позициях монофизитства, на которых находится до сих пор.

На Востоке в пределах персидских владений приютилась халдейская, или «восточная», церковь. Монофизиты, а потом и православные называли ее несторианской, хотя к Несторию она не имела никакого отношения. По своим взглядам халдейская церковь была прямой наследницей антиохийской школы, разгромленной византийцами и сбежавшей в Персию. На ее территории, в Нисивине, была основана новая церковная школа вместо закрытой в Эдессе. В числе ее учеников были такие выдающиеся богословы, как Павел Перс, чей учебник

по богословию пользовался большим уважением на средневековом Западе. На самом деле «несторианская» церковь была не еретической, а староантиохийской и от православия отошла только по соображениям политики. Проще говоря, ей надо было угождать властям, а властями были персы, заинтересованные в том, чтобы оторвать сирийцев от Византии через ересь. Поэтому местные патриархи — католикосы — подавляли симпатии халдейцев к православию и открещивались от Константинополя. Когда арабы захватили всю Сирию и смешали Антиохию с Халдеей, их местные церкви были уже совершенно чуждыми друг другу. Зато вместе с волной ислама «несторианство» выплеснулось далеко на Восток и добралось до Индии, Китая и Монголии. Первыми христианскими миссионерами на Востоке стали именно «несториане», и некоторые из их католикосов были чистыми китайцами.

В византийской Сирии, не занятой персами, процветало яковитство. Монофизитский патриарх Александрии Феодосий, сосланный Юстинианом в Деркос, тайно рукоположил в епископы Иакова (Якова) Барадея, который сбежал в Сирию и основал там новую монофизитскую церковь. Гонения со стороны Константинополя настроили яковитов против Византии, и они восприняли наступление персов как освобождение. В Антиохии произошло даже восстание против греков, в результате которого православный патриарх Афанасий был убит, а антиохийская кафедра долго пустовала.

На юге египетские монофизиты тоже создали свою церковь — коптскую. Они пригласили из Сирии епископов-яковитов, чтобы те рукоположили епископов в Египте и создали новую монофизитскую иерархию, параллельно православной. В результате в Александрии появилось две церкви и два патриарха, более или менее мирно сосуществовавших друг с другом. Копты «по старинке» продолжали ходить в православные храмы и лечились у знаменитых православных врачей Кира и Иоанна. Особую симпатию у всех вызывал православный патриарх Иоанн Милостивый, прославившийся святостью и добрыми делами. Но перед осадой Александрии персами Иоанн сбежал из города и оставил его в руках монофизитов.

Зарождение монофелитства

Монофизитство нанесло сильный удар по единству Византии, и мечтой многих императоров было преодолеть раскол и залечить нанесенные им раны. Этому стремлению отвечало новое течение, получившее название «монофелитства».

В отличие от других ересей, монофелитство появилось не «снизу», а «сверху». Оно возникло благодаря стараниям двух людей — императора Ираклия и константинопольского патриарха Сергия. По одной из версий, это учение придумал Ираклий, беседуя в Эрзеруме с Павлом Кривым, представителем яковитов. По другой, замысел монофелитства с самого начала принадлежал Сергию. В любом случае воплощали они эту идею вместе и в полном согласии друг с другом.

Ираклий и Сергий были давними друзьями. Родившись в семье монофизитов, Сергий в юности принял православие и проявил себя как умный, образованный и энергичный патриарх. По характеру он очень подходил такому же активному и деятельному Ираклию. По большой дружбе Сергий даже одобрил второй брак Ираклия с его родной племянницей Мартиной, дочерью сестры императора Марии. Это было незаконно, но Ираклий попросил оказать ему дружескую услугу, и Сергий благословил брак.

Император хотел объединить и укрепить державу, патриарх — восстановить расколотую Церковь. Для этого им нужно было примирить монофизитов с православными. Ираклий и Сергий предложили компромисс, который, как им казалось, должен был устроить всех: природы две, но воля одна. Желает и действует одно лицо, божественное (как думали монофизиты), но участвуют в нем две природы (как полагали православные). Так монофизитство, то есть «одну природу», заменили монофелитством — «одной волей».

Патриарх Сергий не кривил душой, искренне считая, что у Богочеловека Иисуса могла быть только одна воля и одно действие (или, как выражались тогда, одна «энергия»). Признание двух воль, по его мнению, автоматически приводило к двум лицам: ведь воля безусловно принадлежит лицу, а не природе.

Сергий полагал, что на этой основе можно примирить монофизитов, считавших, что естество человека не проявля-

лось в Богочеловеке после воплощения, но пребывало в нем лишь формально, во всем подчиняясь и следуя Божественной природе, — и православных, которые говорили, что природы в Иисусе две, а лицо — одно.

Монофелиты торжествуют

Патриарх начал рассылать послания церковным должностным лицам, спрашивая их мнения на этот счет и подтверждая свою позицию цитатами из святых отцов, которые иногда писали об «одной энергии», но никогда — о двух. Сергий написал прежде всего к Феодору, епископу Фаранскому, к Павлу Кривому, возглавлявшему Армянскую церковь, и к александрийскому папе, монофизиту Георгию Арсе. Во всех письмах он говорил о том, что ни у одного из святых отцов нет выражения «две энергии», а выражение «одна энергия — одно действие» иногда встречается, например, у Мины Константинопольского. Умный и эрудированный патриарх без труда убедил в своей правоте многих епископов. Уже через год стараниями Сергия была заключена уния православных с армянскими монофизитами во главе с католикосом Эзрой, искавшим союза с Ираклием.

После Армении взялись за Эдессу, освобожденную Ираклием от персов. Прибыв в Сирию, Ираклий милостиво отнесся к монофизитам и в своей речи заявил, что не стоит им отделяться от Церкви из-за каких-то мелочей. После этого император выразил желание причаститься в монофизитской церкви. Когда обычный христианин причащался в монофизитской церкви, он тем самым признавал себя монофизитом. Но в данном случае получалось как раз наоборот: принимая у себя императора, монофизиты сами как бы переходили в императорскую веру, то есть в православие. Вес императорской власти был слишком велик: базилевс сильнее «притягивал» к себе монофизитскую церковь, чем церковь базилевса, как более тяжелое тело притягивает к себе более легкое. Эдесский епископ Исайя прекрасно это понимал и перед богослужением потребовал от Ираклия отречься от Халкидонского собора. Император молча повернулся к нему спиной и вышел из церкви. После литургии храм был без разговоров отобран у монофизитов и передан православным. Сам Исайя бежал к антиохийскому

епископу Афанасию. Ираклий попробовал переманить к себе Афанасия, пообещав, что в случае объединения с православной Церковью оставит его патриархом. Но Афанасий также потребовал отречения от Халкидонского собора, и сделка не состоялась.

Гораздо лучше дела пошли в Александрии. После освобождения Александрии от персов на ее кафедру был поставлен Кир Фазисский, сторонник монофелитства. Вскоре под его руководством вся александрийская паства перешла в унию с православными, принципы которой были сформулированы так расплывчато, что могли удовлетворить всех. Торжествующий Кир написал Сергию, что вся Александрия и весь Египет ликуют, соединившись с Церковью. За заслуги Киру, а вместе с ним и всем последующим александрийским папам была дарована особая почетная награда: право носить на одной ноге красный царский сапог.

На волне этого успеха Ираклий решил дожать и армян, заставив их не только принять унию, но и признать Халкидонский собор. После встречи с императором верхушка Армянской церкви согласилась на полное соединение с православием, но сами армяне унию не приняли. Они отправили Ираклию послание, в котором отказались признать постановления Халкидонского собора.

В Александрии образовавшаяся было уния тоже дала трещину. Палестинский ученый и монах Софроний, соавтор известной книги «Лимонарий» («Луг Духовный»), возмутился, что православных заставляют признавать «одну энергию», как было прописано в скреплявшем унию документе. Восьмидесятилетний старец отправился в Александрию к Киру и на колени умолял его отказаться от «моноэнергетизма». Кир объяснял, что это необходимый компромисс, который позволит примирить расколотившую Церковь и в конце концов приведет к победе православия. Не убежденный им Софроний поехал в Константинополь к патриарху Сергию, который повторил ему то же самое и посоветовал не нарушать мир в Церкви из-за одного слова: лучше вообще не говорить ни об одной, ни о двух энергиях.

Но замолчать вопрос не получилось. После избрания на иерусалимскую кафедру Софроний должен был отправить послания другим церквям с изложением своей веры. Он сделал это, откровенно написав обо всем, что происходило в Восточ-

ной церкви. Доставить послание Софроний поручил епископу Стефану, предварительно отведя его на Голгофу и там, на месте казни Христа, взяв с него клятву, что он любой ценой доставит письмо в Рим. «Помни, — напутствовал он Стефана, — что ты дашь ответ Распятому на этом месте, когда Он придет во славе судить живых и мертвых, если пренебрежешь опасностью, в которой находится Его святая вера. Сделай то, чего я не могу сделать из-за нашествия сарацин. Обойди, если надо, всю вселенную, постарайся преодолеть все препятствия, чтобы достичь Рима».

Опасаясь впечатления, которое послание Софрония могло произвести на Западе, Сергей поспешил сам написать римскому папе Гонорию письмо, в котором призвал его не рассуждать ни об одной, ни о двух энергиях, но признать в Иисусе одну волю. Гонорий был слабый богослов, хотя на Западе считался выдающимся ученым: «рассудительный умом, сильный советом, в учении ясный, изобилующий сладостью и смиреннием», как писал о нем современник. Аргументы Сергея показали Гонорию убедительными. Он ответил, что вопрос об энергиях — пустой и выдуманный софистами, а что воля одна — это бесспорно.

В 638 году, вскоре после отправки своего послания, Софроний умер. Едва последний противник монофелитства сошел со сцены, как Иракий обнародовал эктезис — «изложению веры». В нем говорилось: «Совершенно нечестиво признавать во Христе двух, противоположно хотящих». Православный Восток в лице всех четырех патриархов — константинопольского Пирра, иерусалимского Сергия Яффского, антиохийского Македония и александрийского Кира — принял документ беспрекословно. Но в Риме ситуация к этому времени изменилась: Гонорий в этом же 638 году умер, а несколько следовавших друг за другом пап эктезис решительно отвергли.

К этому времени Иракий был уже тяжело болен и пребывал в глубокой депрессии. У императора развилась сильнейшая водобоязнь: он избегал морей и рек и передвигался только по суше. Чтобы он мог переправиться через Босфор на европейскую сторону пролива, выстроили огромный плавучий мост, засыпанный землей и засаженный деревьями и травами. Свой тяжелый недуг — водянку и болезнь мочевого пузыря — Иракий считал наказанием за греховный и незаконный брак со своей родной племянницей. Церковные распри его уже не

интересовали. На обвинения нового римского папы Иоанна VI в распространении ектезиса он вяло ответил, что сей документ придумал не он, а покойный патриарх Сергий. Царствование Ираклия, начинавшиеся так блестяще, подходило к печальному концу. Все его попытки объединить Церковь провалились. Ислам отобрал его славную победу над Персией, которую придворные льстецы сравнивали с подвигами Александра Македонского. Ираклий умер в феврале 641 года, когда арабские войска уже поглотили Сирию и Палестину и захватывали Египет.

Распад империи

На фоне монофелитских споров в стране происходила государственная катастрофа. Византия еще не успела оправиться от войны с Персией, когда с юга хлынула волна арабов, воодушевленных новой, только что родившейся религией — исламом. В 634 году, всего через три года после победы Ираклия над Персией, патриарх Софроний уже не смог совершить традиционное паломничество из Иерусалима в соседний Вифлеем, поскольку город со всех сторон был окружен арабами. Армия Ираклия стояла недалеко, в северной части Сирии, но у империи не хватало ни денег, ни сил, чтобы справиться с новым нашествием. С огромным трудом Ираклию удалось оттеснить арабов на юг за Мертвое море, но это был кратковременный успех. Через год халиф Абу Бакр захватил Дамаск. Ираклий успел собраться с силами и бросил армию против мусульман, но во время битвы арабская часть его войска, состоявшая из христиан-монофизитов, перешла на сторону врага. Ромеи были разгромлены, и Ираклий бежал из Антиохии в Константинополь, оставив Сирию арабам.

Спустя еще три года халиф Омар взял Иерусалим. Переговоры о сдаче города вел сам Софроний: патриарх был епископом, полководцем и дипломатом в одном лице. Он договорился с Омаром об условиях существования христиан в мусульманском государстве. Согласно этим правилам, христиане сохраняли за собой свои храмы, но должны были убрать с них кресты и колокола, а также держать их открытыми для мусульман в любое время дня и ночи. Новые храмы строить запрещалось. Христиане не имели права проповедовать свою

веру и обязывались не мешать своим родным, если те захотят принять ислам. Они должны были внешне отличаться от мусульман («Пусть не одеваются, как мусульмане, и не покрывают своей головы, как правоверные. Пусть не говорят тем же языком, не называются теми же именами, не имеют на своих печатях арабских надписей»), не брать их в слуги и всюду уступать им место. Кроме того, они не могли ездить верхом и иметь оружие.

Завоевание Сирии и Палестины далось мусульманам без особого труда. Византийская власть с ее религиозным диктатором так надоела сирийцам, что они благосклонно встречали арабов, казавшихся им более терпимыми, чем греки. Летописец Михаил Сириянин с негодованием вспоминал гонения византийцев на яковитов: «Вот за это Бог отмщений, видя злобу ромеев, которые повсюду, где властвовали, жестоко грабили церкви и монастыри и нас судили без милости, привел с юга сынов Исмаила, чтобы нас через них освободить». Так же быстро и легко пало Персидское царство, просуществовавшее больше тысячи лет (со времен Кира Великого, 539 год до н. э).

В Египет арабы пришли лишь с небольшим войском, но этого оказалось достаточно, чтобы разбить греческую армию и осадить Александрию. Патриарх Кир собирался сдать город, как и Софроний, но Иракий приказал арестовать его за измену и заключить в тюрьму.

После смерти Иракия в Константинополе традиционно началась смута. Жена и племянница Иракия Мартина попыталась взять власть в свои руки, оттеснив законного наследника престола Константа II в пользу своего сына Ираклиона. Это вызвало возмущение в народе и привело к казни Мартины и Ираклиона. Перед смертью матери отрезали язык, а сыну — нос. Патриарх Пирр, поддерживавший Мартину, письменно отрекся от своего сана и сбежал в Карфаген, где против Константа восстал византийский правитель Северной Африки Григорий.

В этой ситуации Константин почел за лучшее сдать весь Египет мусульманам. Византия вывела свои войска, а патриарх Петр, сменивший в Александрии Кира, покинул страну и уехал в Константинополь. После воцарения арабов на кафедре из ссылки торжественно вернулся монофизитский патриарх Вениамин. Но это была пиррова победа: копты-монофи-

зиты, ожесточенно боровшиеся за свою веру с православными, вскоре стали массово переходить в ислам. Так для Ближнего Востока и Египта закончилась «симфония» государства и Церкви, а заодно и тысячелетнее царствование европейской культуры, принесенной эллинизмом.

Максим Исповедник и папа Мартин

Несмотря на почти полное торжество монофелитства, у него нашлось два выдающихся противника. Главную роль в борьбе с монофелитством и защите православия сыграли Максим Исповедник и римский папа Мартин.

О жизни преподобного Максима известно очень мало. Он происходил из аристократического рода, состоял на службе императора Ираклия и был близок к его семейству. В это время Максим не высказывался против монофелитства и даже одобрил компромиссный эктезис Ираклия. Позже он жил в малоазийском монастыре и бежал в Северную Африку от нашествия персов. В Карфагене Максим пользовался огромной популярностью благодаря незаурядным ораторским способностям и философскому уму. Его учение о логосах — Божественных идеях, пронизывающих весь тварный мир, — превратило систему неоплатоников в философский фундамент христианства, а идея об обожении всего сущего через человека вдохновляла многих поздних мыслителей от Скотта Эуригены до Бердяева. Русский философ Владимир Соловьев называл Максима Исповедника «самым сильным» из восточных умов, рядом с которым можно поставить только Оригена и Григория Нисского.

В 645 году в Карфаген приехал сбежавший из Константинополя патриарх Пирр, и между ним и Максимом состоялся богословский диспут. Максим в это время уже придерживался строгой дифелитской позиции. Он с блеском опроверг все доводы Пирра и уговорил его перейти в православие. Победенный Пирр отправился вместе с Максимом в Рим, где принес папе Теодору покаяние в своем монофелитстве, и обрадованный папа, в свою очередь, признал его настоящим патриархом вместо назначенного в Константинополе монофелита Павла. У Пирра был политический расчет: перейдя в православие, он становился сторонником африканского наместника Григория,

который в случае победы над Константином мог вернуть его на константинопольскую кафедру.

В 646 году Григорий действительно поднял восстание и объявил себя императором. Его армия уже собиралась идти на Константинополь, как вдруг нашествие арабов на Африку разрушило все планы. В битве при Суфетуле византийцы были разбиты, и Григорий погиб. Напуганный Пирр снова переметнулся к монофелитам и уехал в Константинополь, выпрашивать прощение у Константа. Разгневанный папа Теодор собрал в Риме собор и отлучил Пирра от Церкви. Для большего эффекта документ об отлучении подписали не чернилами, а святой кровью из чаши для причащения.

Отношения Константинополя и Рима стали еще более напряженными. Папа Теодор потребовал от императора Константа уничтожить эклезис и отлучил нового константинопольского патриарха Павла за монофелитство. В ответ Павел сломал престол римского апокрисиария и запретил ему совершать литургию. По просьбе Павла император Константин издал эдикт (по сути, догматический трактат — типос), в котором предписал под страхом наказания не вести никаких споров об одной и двух волях.

Преемником папы Теодора стал Мартин, избранный в Риме без согласия императора. Мартин собрал Латеранский собор, на котором Западная церковь отвергла эдикт Константа и предала анафеме монофелитство. Однако положение Мартина было очень шатким, поскольку в это время христианский Запад сильно зависел от Византии. К тому же у императора был хороший повод преследовать Мартина: тот дружил с Олимпием, бывшим легатом Константа, который составил против базилиевса заговор и отпал от Константинополя.

Император прислал в Рим нового легата Каллиопу, и тот провел обыск в доме Мартина в поисках компрометирующих улик. Мартин сбежал из дома в Латеранский собор и поселился в нем, поставив свою постель прямо у престола. Однако его это не спасло: в ту же ночь Каллиопа явился в храм и арестовал Мартина. Папу немедленно отправили морем в Константинополь и заключили в тюрьму.

Мартин предстал перед судом по обвинению в измене. Он был болен и с трудом держался на ногах, но его заставили отвечать стоя. Перед приговором император потребовал сорвать с него священнические одежды и выставить на поругание тол-

пе. Признанный виновным, Мартин был сослан в Херсонес и вскоре умер. Последние месяцы его жизни были сплошным мучением. «Я удивлялся и удивляюсь безучастию моих друзей и родни, — жаловался он в письме. — Они забыли о моем несчастье. Кажется, не хотят даже знать, существую ли я еще на свете или нет». В Риме, не дождавшись смерти и даже осуждения Мартина, избрали нового папу.

Вслед за этим был арестован и Максим. Его тоже пытались подвести под «политическую статью»: якобы он способствовал захвату Египта арабами и вообще больше любил латинян, чем греков. Первое обвинение Максим назвал клеветой, на второе ответил, что если за что и любит латинян, то за православие. Тогда его обвинили в том, что он анафемствовал императора; Максим возразил, что предал анафеме только его типос, но это документ церковный, а не светский и не имеет отношения к государственной власти. Наконец, Максима попытались обвинить в симпатии к Оригену; в ответ он произнес на него анафему.

После долгих допросов и мытарств Максима попытались склонить к принятию новой, только что сочиненной унии. На этот раз в документе утверждалось, что у Христа было три воли: одна ипостасная (личная) и две естественных (природных); то же самое говорилось и о действиях. В этот момент монофелитство было признано всеми христианскими кафедрами, даже римской, которая в лице легатов согласилась на компромиссный вариант с тремя волями. Максиму указывали на то, что он противопоставляет себя всей Церкви и тем самым ведет себя как еретик, но и этот аргумент его не убедил: он наотрез отказался подписать унию.

Созванный в Константинополе собор предал анафеме Максима, Мартина и покойного Софрония Иерусалимского. Максиму и двум его ученикам отрезали языки и правые руки. После этого Максим был сослан в грузинский Лазик, где умер 13 августа 662 года.

Читайте в приложении: Диспут Максима с Пирром

Погонат

Несмотря на гонения, которые испытывали дифелиты, и Рим, и Константинополь искали пути к политическому примирению. Констант даже подумывал о том, чтобы перенести столицу в Рим. Однако в самом Константинополе начались неурядицы: императору припомнили все его прежние жестокости и бесчисленные казни, после которых, по словам современника, в стране не осталось ни одного достойного мужа. Когда Констант казнил за измену собственного брата Феодосия, народ стал называть его Каином. Императору начал всюду видеться брат, приходивший к нему с чашей, наполненной собственной кровью. Окруженный всеобщей ненавистью, Констант бежал в Рим, а оттуда на Сицилию, где шесть лет спустя его убили заговорщики. Произошло это в бане, когда император намыливал голову: кто-то из слуг подошел к нему сзади и ударил по голове шайкой. Констант потерял сознание, упал в воду и захлебнулся.

Стоявший во главе заговора Мизий объявил себя императором и призвал на помощь арабов. Но сын Константа Константин IV, которому было всего шестнадцать лет, отправился с флотом в Сиракузы, подавил мятеж и казнил Мизия. Уехав безусым юнцом, в Константинополь он вернулся уже обросшим бородой мужчиной, за что его и прозвали Погонатом (Бородатым).

В это время обстановка в империи была хуже некуда. Арабы сужали кольцо вокруг Константинополя. Они полностью уничтожили византийский флот, и только междоусобица, возникшая внутри халифата между двумя претендентами на власть, Муавией и Али, заставила их на время приостановить наступление. Через год, став единоличным правителем, Муавия бросил все силы на Константинополь. Город оказался в многолетней осаде, окруженный мощным арабским флотом. Судьба Византии висела на волоске, и тут на помощь грекам пришло новое секретное оружие — «греческий огонь». Изобретенный сирийцем Каллиником в 673 году, он долгое время оставался «ноу хау» греков и позволил им выиграть немало морских битв. «Греческий огонь» нельзя было погасить водой, больше того — под действием воды он разгорался еще сильнее. Выпущенный из труб-сифонов огненный столп в считан-

ные минуты сжигал деревянные суда. Внезапное применение греческого огня заставило арабов бежать «в великом страхе», а остатки их флота по дороге разметал и уничтожил шторм. Сухопутные войска мусульман были также разбиты, и арабское нашествие захлебнулось. Согласно заключенному на тридцать лет мирному договору, арабы должны были ежегодно выплачивать ромеям 3000 золотых монет, давать по 50 коней и освобождать по 50 пленников.

Став императором, Константин Погонат продолжил курс на политическое сближение с Римом, однако в церковной сфере никаких подвижек не происходило. Чтобы исправить это, Константин пригласил к себе папских легатов, которые привезли в Константинополь послание от папы, призывавшего Восток вернуться к православному учению о двух волях. Здесь они встретились с новым константинопольским патриархом Георгием, антиохийским епископом Макарием (он находился в Константинополе, поскольку Антиохия была захвачена арабами) и представителями Александрийской церкви, которая в то время не имела епископа, так как тоже оказалась под властью арабов. Так, как бы сам собой, составилась Шестой Вселенский собор.

Шестой Вселенский собор

Императорский дворец в Константинополе представлял собой не одно, а целый комплекс самостоятельных дворцовых зданий с огромным количеством помещений и комнат. В одном из них было всего два зала, Большой и Малый. Оба они имели форму чаши, по-латыни — *trullo*, поэтому и дворец назывался Трульским. Под этим чашеобразными сводами-труллами и проходили все восемнадцать заседаний Шестого Вселенского собора, продолжавшегося десять месяцев: с 7 ноября 680 года по 16 сентября 681 года.

Собор открылся под председательством императора, который заявил, что созвал его ради одной цели — выяснения истины. По правую сторону от него сидели римские легаты, по левую — все остальные епископы и представители светской власти.

Содержание собора свелось к дискуссии между монофелитами — представленными Макарием Антиохийским, Георги-

ем Константинопольским и некоторыми другими иерархами Церкви, — и дифелитами, во главе которых стояли папские легаты. Как обычно, для выяснения вопроса были зачитаны деяния предыдущих соборов, причем обнаружилось, что акты V собора были подделаны: в них вставили несколько подложных писем (как позже выяснилось, подлог устроил Макарий Антиохийский). В деяниях соборов ничего определенного касательно двух волей и энергий обнаружить не удалось, поэтому спорящие стороны перешли к доказательствам из патристики и собственным рассуждениям. Макарий Антиохийский настаивал на том, что во Христе было одно, не человеческое и не божественное, а богомужнее действие и что одна личность Христа не могла иметь две воли. Он заявил, что никогда не признает две природных воли или два природных действия, «хотя бы меня разрубили на мелкие части и бросили в море».

Соотношение сил между монофелитами и дифелитами на соборе было не в пользу монофелитов. Император потерял интерес к монофелитской унии, убедившись, что она производит только новые смуты, а не желанное примирение с монофизитами. К тому же монофизитские области, завоеванные арабами, уже отпали от империи. Поэтому главная движущая сила, породившая и продвигавшая монофелитство — сила политическая, — перестала существовать. Император был скорее заинтересован в мире с Западом, который осуждал монофелитство; следовательно, тяжесть царского авторитета и власти была на стороне дифелитов. Константин не вмешивался напрямую в течение собора, предоставив ему идти своим путем, и только утвердил своим согласием его ожидаемый результат: победу дифелитов. Все деятели монофелитства, как живые, так и покойные: Макарий Антиохийский, Сергей, Феодор, Кир, Пирр, Павел и Петр (то есть все константинопольские патриархи, шедшие на поводу у императоров), — а также папа Гонорий были осуждены и преданы анафеме.

Среди отцов собора были и такие, кто по личным качествам или недостатку образования не могли уяснить все тонкости сложного догмата и пытались так или иначе упростить дело. Один из них, Феодор Мелитинский, предлагал не обсуждать вопрос о двух волях и оставить его как есть, нерешенным, не осуждая и не порицая тех, кто придерживался противополож-

ных точек зрения. Это предложение были отвергнуты, а высказавший его епископ — предан анафеме.

Более ярким оказалось выступление некоего Полихрония, монаха и священника, который защищал монофелитство, опираясь на бывшее ему видение: некие светлые и грозные мужи призвали его стоять за старую веру и отвергать выдуманное новшество, то есть дифелитство. Вызванный на собор, Полихроний подтвердил, что в час дня, «под палящим солнцем», к нему явился ослепительный блистающий муж и грозно заявил, что всякий, не исповедующий единой воли, не может быть христианином. В доказательство Полихроний предложил совершить чудо — положить свое исповедание веры на труп и воскресить умершего. Собор дал разрешение на публичное совершение чуда. В большой внутренний двор, расположенный в банях Зевксиппа, принесли погребальные носилки с телом умершего; Полихроний, окруженный огромной толпой, положил свой свиток с исповеданием веры на мертвеца и стал что-то шептать ему на ухо. Время шло, но ничего чудесного не происходило. Наконец, несколько часов спустя Полихроний признал, что не может воскресить мертвого, и возбужденный народ закричал: «Анафема новому Симону-магу!» Несмотря на неудачу с воскрешением, Полихроний отказался отречься от монофелитства; его лишили сана и предали анафеме.

После чудотворца-неудачника появилась еще одна упрямая личность со своей «правдой» — пресвитер Константин из Апаimei, который сам пришел на собор. Его вера заключалась в том, что Иисус имел не волю, а «свойства». После долгих уточняющих расспросов выяснилось, что Христос, по мнению Константина, имел волю только от рождения до распятия, но это была не воля, а свойство; после же воскресения Иисус совел с себя земную плоть и кровь, а заодно и волю. Когда ему объяснили, что это ересь, Константин наотрез отказался принять постановления собора и был подвергнут анафеме.

Собор принял итоговый документ — орос, в котором о Христе было сказано: «В Нем и две естественные воли или два хотения, и два естественных действия нераздельно, неизменно, неразлучно, неслиянно». Император выпустил соответствующий эдикт, которым решения собора превращались в государственный закон.

Шестой собор считается образцовым по царившей на его заседаниях спокойной и здоровой атмосфере, исчерпывающей полноте аргументации противоборствующих сторон и полному отсутствию давления со стороны государства. Упрекнуть его можно только в том, что на нем, как и на всех остальных соборах, не было сказано ни слова об ответственности императоров, чаще всего бывших главными виновниками и проводниками ереси. За все отвечали патриархи и епископы, светская же власть оказывалась неподсудной. Другой момент заключался в отсутствии каких-либо упоминаний о Максиме Исповеднике и папе Мартине, мученически пострадавших за чистоту православной веры. Официально считалось, что они осуждены как политические преступники, а Церковь не смела подвергать сомнению имперский суд. Здесь работала внутренняя самоцензура, хорошо понимавшая, что дозволено и что не дозволено в христианском государстве.

Второй Юстиниан и Пятошестой собор

Византийский трон один за другим занимали новые правители. Чаще всего это были популярные военачальники из разных частей империи, которые, подняв бунт, шли с армией к Константинополю и захватывали власть. Они менялись с интервалом в три-четыре года, убивая своих предшественников или просто лишая их носов, а затем отправляя в ссылку. Получивший такое увечье человек по византийским законам не мог быть императором, поэтому отсутствие носа стало отличительной чертой свергнутых базилиевсов и членов их семей. Констант II отрубил нос своему брату Ираклиону, Константин Погонат — двум младшим братьям Тиберию и Ираклию, Леонтий — Юстиниану II, Тиберий — Леонтию. Кроме носов, принято было также отрубать уши, вырывать языки, отрезать руки и выкалывать глаза. Все это не мешало византийцам считать себя наследниками великой греческой культуры.

На церковную политику того времени больше других повлиял Юстиниан II, позже прозванный Ринотметом (по-гречески — «Безносым»). Юстиниан обладал трезвым умом, безмерным честолюбием и личной храбростью, но при этом был одним из самых жестоких правителей, каких знала история. Невероятная свирепость, в которой он превосходил

даже печально известного Фоку, соединялась в нем с бешеной энергией и яростной силой, помогавшей ему побеждать врагов и беспрепятственно сеять смерть и разрушения. Сам он, впрочем, считал себя благочестивым христианином, подписывал свои изображения не иначе как «слуга Христов», заботился о делах Церкви и даже начал чеканить монеты с изображением Христа. Одним из проявлений этой заботы стал Пятошестой (Qinisexum) собор, созванный по инициативе императора.

Своим необычным названием этот собор обязан амбициозному замыслу Юстиниана Ринотмета дать жителям империи строгие и ясные канонические правила, освященные авторитетом вселенского собора. Поскольку V и VI соборы не оставили таких канонов, напрашивалось их дополнение с конкретными предписаниями для православной жизни. Подчеркивая преемственность собора, Юстиниан устроил его в том же Трулльском зале, где проходил Шестой Вселенский собор, как бы продолжив недавно прерванные заседания.

Пятошестой собор длился ровно год, с 1 сентября 691 года до 31 августа 692 года. Результатом его стали 102 канонических правила, составивших основу православного церковного права. Каноны были призваны искоренить недостатки и пороки церковной жизни, которая в этих правилах представляла во всей ее неприглаженной сложности и пестроте. В них говорилось про женатых епископов и продажу церковных должностей, про евхаристию за деньги и посещение клириками светских зрелищ, про ростовщичество священников — все это было повседневной практикой, требовавшей строгого запрета. На заседаниях собора рассказывали, как в одних храмах служители Церкви ставили скот, а в других сами «пели козлами» во время службы. Вопреки всем нормам и запретам, миряне и даже женщины проповедовали в церкви, монахи бросали свои монастыри и бродили где попало, а монахини перед пострижением наряжались в красивые платья, изображая «невест Христовых». Упоминались и совсем удивительные вещи: например, некоторые пресвитеры завели обычай причащать умерших.

В отношении мирян дела обстояли еще хуже: они предавались гаданиям и азартным играм, женились на близких родственниках, делали аборты и давали клятвы, как язычники. Одно из правил собора вводило строгую цензуру на порногра-

фию: «Изображения на деках, или на ином чем представляемые, обаяющие зрение, растлевающие ум и производящие воспламенения нечистых удовольствий, не позволяем отныне, каким бы то ни было способом, начертать. Аще же кто сие творить дерзнет: да будет отлучен». Кроме того, христианам запрещалось лечиться у евреев и мыться с ними в одной бане.

Многие каноны были направлены против Римской церкви, где практиковалось обязательное безбрачие священников, литургию служили на пресном хлебе, а Христа изображали в виде ягненка. Канон 36 подтверждал так и не принятое Римом 28-й правило Халкидонского собора о втором месте Константинополя в церковной «табели о рангах». Поскольку собор был вселенским, предполагалось, что его правила станут обязательными для всех христианских церквей, включая и Римскую: ведь папские легаты присутствовали на соборе. Хитрый Юстиниан таким образом пытался устранить канонические разногласия, накопившиеся между Западной и Восточной церквями. Император первым подписал соборные каноны, а второе место оставил для подписи римского папы. Но его одобрения он так и не дождался.

Хотя легаты папы утвердили деяния собора, их расхождение с римской церковной практикой были слишком велики, чтобы Рим согласился их принять. Папа Сергий I объявил постановления Трулльского собора недействительными, заявив, что скорей умрет, чем согласится с подобным заблуждением. Юстиниан отправил в Рим военачальника Захарию, приказав захватить папу и доставить его в Константинополь. Но времена были уже не те, что при несчастном папе Мартине. Местная армия защитила Сергия и вступила в Рим, окружив Латеранский собор. Боясь за свою жизнь, Захария бросился за защитой к тому самому Сергию, которого приехал арестовать. Говорят, что он прятался у него под кроватью, пока папа успокаивал солдат и уговаривал их разойтись. Захарии пришлось с позором бежать из Рима. Трудно представить, в какую форму мог бы вылиться гнев разъяренного Юстиниана, но как раз в это время его свергли с трона.

Фундамент православия

Пятошестой собор определил свод документов, на которые должна опираться православная Церковь. В него вошли 85 правил святых апостолов, правила четырех вселенских и восьми

поместных соборов: Анкирского 314 года, Неокесарийского 315 года, Гангрского середины IV века, Антиохийского 341 года, Лаодикийского конца IV века, Сардикийского 343 года, Константинопольского 394 года, Карфагенского собора 419 года. Кроме того, сюда были включены правила двенадцати отцов Церкви, написанные ими для своей паствы. Эти отцы: Дионисий Александрийский, Петр Александрийский, Григорий Неокесарийский, Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, Амфилохий Иконийский, Тимофей Александрийский, Феofil Александрийский, Кирилл Александрийский и Геннадий Константинопольский. Позже к этому собранию были добавлены 21 правило Седьмого Вселенского собора, 17 правил Константинопольского поместного собора 861 года, три правила Константинопольского собора в Святой Софии 879 года и послание патриарха Тарасия к папе Адриану.

Безносый басилевс

Юстиниан был неглупым императором и проводил разумную политику, особенно в военной области: например, он создал систему пограничных поселений, которая позже легла в основу византийской армии, — но у него был дар настраивать против себя людей. Крестьян раздражало, что басилевс переселял их на новые земли, а землевладельцев — что он давал поблажки крестьянам. Народ возмущался его бесконечным строительством, поглощавшим много денег и часто казавшимся бессмысленным капризом. Еще большую ненависть вызывали два фаворита императора, Стефан и Феодот, которые открыто вымогали деньги у состоятельных граждан, подвешивая их над горящей соломой и пытая огнем и дымом.

Какое-то время Ринотмет удачно воевал, но потом затеял никому не нужную войну с Персией, исключительно ради военной славы, и проиграл решающую битву. Последней каплей стало решение Юстиниана уничтожить красивую церковь перед императорским дворцом, чтобы построить на ее месте фонтан и трибуну для партии венетов. По городу поползли слухи, что басилевс ненавидит Церковь и собирается устроить в городе резню. Вспыхнул бунт, в котором участвовал и патриарх Каллиник. Юстиниан был свергнут, Стефан и Фе-

одот схвачены и сожжены. Новый император Леонтий отрубил Юстиниану нос и отправил в ссылку в Херсонес.

В Херсонесе раздражительный Юстиниан не ужился с местными жителями и сбежал к хазарам в Фанагорию (Керчь), где женился на сестре кагана Феодоре. Там же он изготовил себе золотой нос и с тех пор без него не появлялся на людях.

Тиберий, сменивший на троне Леонтия, был встревожен активностью опального басилевса и уговорил хазарского кагана выдать ему Юстиниана живым или мертвым. Тот послал к нему убийц под видом охраны, но Юстиниан узнал обо всем от преданной жены и, пригласив охранников для личной беседы, одного за другим задушил их сделанной из струны петлей. После этого он бежал к болгарам, оставив в Фанагории беременную Феодору. По дороге в море разразился шторм, и, когда положение казалось уже безнадежным, слуга предложил Юстиниану дать обет, что тот не будет мстить своим врагам, если Бог вернет ему трон. Ответ Юстиниана дает яркое представление о его натуре: «Да потопит меня Бог на этом месте, если я пощажу кого-нибудь из них!»

Заручившись поддержкой болгар, Юстиниан отправился отвоевывать Константинополь. Ночью он с сотней бойцов пробрался в город через разрушенный водопровод, отворил ворота армии и захватил столицу. Началась вакханалия жестокости и мести. Юстиниан приказала привести к себе Леонтия и Тиберия, растоптал их ногами и приказал обезглавить. Мертвые головы он потом еще несколько дней попирает ногами, наслаждаясь зрелищами на ипподроме. Патриарха Каллиника ослепили и отправили в ссылку, брата Тиберия и еще множество людей убили и повесили на стенах Константинополя. В своих казнях император проявлял своеобразный черный юмор: например, назначал людей на высокие посты, а когда они с радостью уходили, посылал за ними убийц.

Не забыл император и про негостеприимный Херсонес. Он устроил против него карательный поход, приказав солдатам истребить всех жителей города. Приказ был выполнен наполовину: большинство взрослых убили, знатных лиц зажарили на деревянных вертелах или утопили в море, но детей и подростков пощадили. Равенна, в свое время выступившая против воли императора, тоже была наказана: знатных равеннцев схватили во время официального приема, отвезли в Констан-

тинополь и казнили, а епископу Равенны Феликсу выжгли глаза.

С Римом Юстиниан подружился из политических соображений. Он пригласил к себе римского папу Константина, принял его почтительно и попросил утвердить решения Пятошестого собора. После долгих уговоров был достигнут компромисс: папа принял правила частично, одоблив все, что «не противоречило православной вере, добрым нравам и декретам Рима». Рим, ждавший от Юстиниана ужасов и казней, вздохнул с облегчением и объявил его «православным и христианнейшим императором».

А «христианнейший император» посчитал разгром Херсонеса неудовлетворительным и снарядил новую экспедицию, приказав сровнять с землей город и все окрестности и не оставить в них ничего живого. Но чаша жестокостей уже превысила меру, и войско отказалось выполнять приказ. Юстиниан в это время находился в Малой Азии. В его отсутствие восставшие захватили Константинополь, вывели шестилетнего сына базилиуса из церкви, где он пытался найти защиту, и прилюдно на площади зарезали. Армия покинула Юстиниана, и он погиб от руки какого-то солдата, присягнувшего новому императору Филиппику Вардану. Так закончилось правление династии Ираклидов.

Реванш монофелитства

Филиппик Вардан, по происхождению армянин, сын сенатора, был воспитанником Стефана, ученика монофелита Макария Антиохийского. Еще до восшествия на престол ему было предсказано, что он будет царствовать долго и счастливо, если восстановит в стране монофелитство. Вдохновленный этим пророчеством, Филиппик отказался входить в императорский дворец, пока на его фасаде висела фреска с изображением Шестого собора, ниспровергшего монофелитство. В 712 году он созвал большой собор, в котором участвовали константинопольский патриарх Иоанн и такие крупные авторитеты Церкви, как святой Герман Кизикский и святой Андрей Критский. Собор единогласно восстановил монофелитство и предал анафеме деяния Шестого собора. Филиппик

отослал в Равенну и Рим отрубленную голову Юстиниана Ринотмета — для обозрения ее народом.

Но империей Филиппик Вардан управлял из рук вон плохо. Он не обращал внимания на набеги и грабежи болгар и славян, разорявших ее окраины, и проводил беззаботную жизнь в пирах и блудодействе, не жалея на развлечения денег из государственной казны. Византийцам это быстро надоело. Как-то днем, когда он спал после очередной пирушки, собственный оруженосец поднял его с постели, вывел на ипподром и ослепил. Через несколько месяцев Филиппик умер в тюрьме.

Сменивший его император Анастасий II твердо встал на православную позицию и примирился с Римом. Патриарху Иоанну пришлось униженно извиняться перед папой и оправдываться за монофелитский собор, на котором он еще недавно председательствовал. Он объяснял это «икономией», то есть разумным компромиссом, на который иногда приходится идти Церкви, жертвуя малым ради пользы целого. В византийской политике под этим словом подразумевалось временное приостановление или послабление государственных законов, которое объявлялось императором в особо важных случаях. Церковь в разное время широко пользовалась «икономией», идя на компромиссы с императорами или даже еретиками, если они не затрагивали главных догматов христианства. Это был принцип, основанный на терпимости и здравом смысле, в противовес жесткому и не рассуждающему религиозному ригоризму, который особенно процветал в среде монашества и порой из-за мелочей приводил к жесткому противостоянию. С другой стороны, «икономия», как в случае с Иоанном, иногда граничила с отступничеством.

В 715 году преемник Иоанна св. Герман возглавил новый собор, который предал анафеме монофизитство. После этого монофелитство продолжалось только в движении маронитов. Эта малоизвестная секта, основанная неким Мароном, появилась еще до Шестого собора и просуществовала 500 лет, пока во времена крестовых походов не соединилась с Римской церковью.

Глава вторая. Иконоборство

Иконодулы и иконокласты

На протяжении нескольких столетий богословские споры велись вокруг сложных догматических вопросов, смысл которых был понятен только немногим ученым мужам из церковной верхушки. Остальная паства традиционно шла за своими пастырями, принимая то учение, которого придерживался их епископ.

С иконоборством получилось иначе. Почитание икон было древним постановлением, понятным каждому и затрагивавшим всех христиан без исключения. Именно поэтому иконоборческое движение проходило с таким накалом, вызвало столько жарких, подчас кровавых стычек и впоследствии так пристрастно — в сплошных черных красках — толковалось его противниками.

Православные источники рисуют иконоборцев (по-гречески их называли иконокластами, а почитателей икон — иконодулами) как вандалов, грубых варваров, которые уничтожали книги и сжигали школы вместе с учителями. Им приписывали всевозможные ереси, говорили, что, отвергнув иконы, они хотели привлечь на свою сторону мусульман, что какие-то евреи-волхвы взяли с них клятву уничтожить иконы, пообещав взамен долгое царствование.

На самом деле иконоборство началось как раз под знаменем просвещения. Это был как бы ранний, неуклюжий византийский вариант будущего Ренессанса. Лев III Исавр, основатель исаврийской династии и зачинатель иконоборства, искренне думал, что борется с суевериями, предрассудками и мракобесием, опираясь на разум и здравый смысл. Иконоборцы были настроены не только против икон, но и вообще против Церкви, особенно монашества. Они считали монахов темными и отсталыми людьми, «ходячим мраком», «ничего не помнящими». Вместо того чтобы участвовать в жизни государства, работать, учиться, строить, воевать, эти, по их мнению, бездельники запирались в своих кельях, не принося стране никакой пользы. Иконоборцы хотели видеть государство светским и противопоставляли себя Церкви не только идеоло-

гически, но и в повседневной жизни. При дворе императоров-иконоборцев считалось хорошим тоном кутить, сквернословить, брить бороду, а люди религиозные, наоборот, вызывали подозрение. Недаром позже этот подход нашел полное понимание у Петра I, которому иконоборцы были очень близки по духу и своим задачам. Русский император считал, что церковники и монахи сильно ослабили византийское государство и сделали его уязвимым для арабов.

Как светское и антицерковное течение, иконоборство было реакцией на слишком тесное слияние Церкви с государством. В VII—VIII веках высшие должности при дворе и даже в армии занимали священники и аскеты. Например, в 695 году на пост министра финансов был назначен затворник авва Феодот, который при сборе податей проявил такую жестокость, что в конце концов был убит разъяренным народом. В 715 году войсками на Родосе командовал диакон Иоанн, убитый собственными солдатами. Священники и епископы нередко участвовали в дворцовых заговорах и переворотах, свергая императоров.

Несмотря на такое слияние (или благодаря ему), государство в лице императоров не испытывало большой почтительности к вере. В 696 году константинопольский патриарх Каллиник был вынужден одобрить снос церкви Богородицы, на месте которой построили здание цирковой партии «голубых». Больше того, император потребовал от него прочитать молитву «на разрушение церкви», и, поскольку такой молитвы не существовало, патриарху пришлось что-то сымпровизировать. Храмы перестали быть убежищем для тех, кто пытался в них укрыться от властей: это древнее право, существовавшее еще в язычестве, грубо попиралось. Церковь вообще перестали уважать. К ней стали относиться как к еще одной политической партии, и часто не самой лучшей.

Наконец, сами иконы вызывали подозрения у многих богословов и епископов. Существовала определенная грань, до которой иконы дозволялись, но после которой становились вредными. Предполагалось, что икона должна быть чисто символической, а не представлять Иисуса, ангелов и тем более Бога Отца в виде каких-то реальных людей с определенными чертами лица, бородой, прической и т. д. Епифаний Кипрский, увидев однажды в храме холст с изображением человека, пришел в ужас, разорвал его на части и дал вместо него кусок

чистой ткани. Марсельский епископ Серен, обнаружив, что его паства боготворит иконы, сорвал их со стен и выбросил из храма. В христианстве всегда был риск превращения икон в самостоятельный объект поклонения, то есть фактическое идолопоклонство, что временами и случалось. Иконы брали себе в духовники или крестные отцы, на них, как на престолах, совершали богослужение в домах, хлеб причастия клали на руки святых, изображенных на иконах, и т. д. Некоторые священники доходили до того, что соскабливали с икон краску и смешивали с кровью для причастия.

Павликиане и евхиты

У иконоборства был еще один — внешнеполитический — аспект. Византию окружали ислам и христианские ереси, враждебно относившиеся к каким бы то ни было изображениям, особенно если речь шла о Божестве. Халиф Иезид II в 723 году приказал уничтожить все человеческие лица и фигуры на зданиях, улицах и площадях. Еретики павликиане, новациане, монтанисты и мессалиане, процветавшие как раз в тех местах, где жил будущий император Лев III Исавр, традиционно отрицали иконы. Монтанизм, одна из первых ересей христианства, еще существовавшая в VIII веке, тоже была настроена иконоборчески, хотя как раз Лев Исавр нанес монтанизму сокрушительный удар, издав указ о насильственном крещении иудеев и монтанистов. Евреи для виду его приняли, а монтанисты собрались в своем главном храме, заперлись и сожгли себя заживо.

Что касается павликиан, то они как две капли воды походили на прочие дуалистические секты, разделявшие мир пополам: на черное и белое, добро и зло, материю и дух, Бога и дьявола. Они возродили старую гностическую идею про демиурга, который сотворил земной мир, и Небесного Отца, спасающего верных от этого мира. Все видимое и внешнее казалось им вредным и ненужным, поэтому они отвергали храмы, иконы, кресты и крестное знамение, а также все церковные церемонии, чины и таинства, посты, монашество и аскетизм. Павликианами они себя называли в честь апостола Павла, поскольку видели свою цель в возвращении к апостольской простоте.

Павликианство получило большую популярность в Армении и Малой Азии, где у них одно время было даже свое государство, успешно воевавшее с Византией и вербовавшее себе новых сторонников. Самым известным из павликиан был их духовный лидер Сергей, человек безупречной моральной чистоты, принципиальный и добросердечный, пользовавшийся уважением даже у своих противников. Подражая апостолу Павлу, он жил трудами своих рук, работая плотником, и на практике показывал те христианские добродетели, которые часто только формально провозглашались в официальной Церкви. На фоне громоздкого византийского православия, почти до неразличимости сросшегося с государством, простой и честный Сергей действительно казался новым апостолом.

Императоры несколько раз устраивали карательные походы против павликиан. В середине IX века во время регентства Феодоры и правления Василия I было уничтожено около ста тысяч сторонников этого вероучения. Несмотря на репрессии, павликиане продолжали существовать до падения Византийской империи и даже после него, распространившись на Запад под именем богомилов, альбигойцев и катаров.

В отличие от павликиан, мессалиане или евхиты («молящиеся», на еврейском и греческом) были чисто монашеской сектой, возникшей еще в IV веке, то есть у самых истоков монашеского движения. Евхиты считали самым главным молитву как единственный способ спасения души, все остальное для них было вторично. По их учению, каждый человек рождался со злым демоном внутри и избавиться от него можно было только постоянной и усердной молитвой. Тогда демон уйдет, а на его место явится Святой Дух, который наполнит благодатью душу и тело человека. После этого человек уже не подвластен злу, ему не нужны ни таинства, ни аскетические подвиги, он просто живет в радостном единстве со Святым Духом. Евхиты проводили время в праздности, питались только милостыней, полагая, что труд отвлекает их от духовной жизни, и устраивали экстаические пляски, воплощавшие их мистическое соединение с Божеством. Они не старались афишировать свою веру и тайно существовали в монастырях под разными именами: энтузиастов, корефов, лампициан, адельфиан, маркионистов и т. д.

Во всех этих ересях, включая монтанистов и павликиан, было много сходного по настроению и взглядам: их оторванность от всего земного, апокалиптичность, крайний аскетизм, отвращение к материи и плоти (в том числе к любым внешним проявлениям религиозности — обрядам, церемониям, иконам, церковной иерархии), склонность к мистицизму и экстазу, нетерпимость, граничащая с фанатизмом, и в то же время подкупающая честность и простота. Люди такого склада существовали во все века, порождаемые ими течения сопровождали христианство как подземная река, то уходя вглубь, то снова пробиваясь на поверхность. Всегда в той или иной мере растворенные в ортодоксальной Церкви, они готовили в ней особую среду, благоприятную для иконоборства.

Все вместе это привело к тому, что у Льва III Исавра и гонителей икон оказалось много сторонников даже среди искренних ревнителей православия. Много было и таких, кто примкнул к иконоборству только потому, что оно шло от императоров.

Упрямый исаврянин

Если бы Лев Исавр не пришел к власти, возможно, Византийская империя перестала существовать на 700 лет раньше. В 717 году, когда он вззошел на престол, арабы собрали огромную армию и флот и осадили Константинополь с суши и с моря. Окажись на месте Льва менее храбрый и менее умелый полководец, дело почти наверняка кончилось бы взятием столицы. Но воинское мастерство Льва вместе с «греческим огнем» и необычайно холодной зимой заставило арабов позорно отступить после годовой осады, потеряв три четверти солдат и практически весь флот. Из двух с половиной тысяч кораблей домой вернулось всего пять.

Поражение было настолько страшным, что арабы долго не могли прийти в себя и только через двадцать лет предприняли новую попытку захватить империю. В 740 году состоялась решающая битва при Акронионе (в Малой Азии), где Лев III и его сын Константин Копроним наголову разбили арабские войска. После двух этих побед в Дамаске начались смуты, династия Омейядов пала, и нашествие арабов захлебнулось.

Сокрушив внешнего врага, Лев укрепил государство и изнутри. Путем умелых реформ он справился с охватившим страну кризисом и создал новую административную, экономическую и судебную систему, которая успешно функционировала на протяжении нескольких столетий. Лев был инициатором и составителем нового правового кодекса, так называемой «Эклоги» — сокращенного извлечения законов с внесенными в них исправлениями «в духе большего человеколюбия». Предварявший ее текст можно считать образцом гуманизма и государственной мудрости, особенно если учесть, что он был написан в VIII веке, когда на западе Европе царило еще глухое Средневековье. «Тех, кто поставлен исполнять законы, мы убеждаем воздерживаться от всех человеческих страстей, но от здравого смысла выносить решения. Не презирать нищего, не оставлять без обличения сильного, содежавшего неправду, чтобы не наружно и не на словах превозносить справедливость, а на деле предпочитать беззаконие и лихоимство, но напротив, когда в тяжбе участвуют две стороны — чтобы обе были поставлены в равные одна к другой отношения и чтобы столько именно было отнято у обидевшего, насколько окажется пострадавшим обиженный. Всячески желая положить конец мздоимству в суде, мы решили давать жалованье из нашего казначейства славнейшему квестору и всем служащим по судебным делам, дабы они ничего не брали с лица, у них судимого». Такие слова прозвучали бы вполне уместно и в наше время.

Но в церковной истории Лев III остался как один из самых гнусных императоров, рядом с которым можно поставить разве что Диоклетиана. Он назывался Церковью «зловредным зверем», «христорборцем», «мучителем» и «демонским слугой». Исаврия, горная область в Малой Азии, откуда происходил его род, всегда считалась дикой и была известна своими разбойниками. Там издавна существовали иконоборческие секты, поэтому отрицание икон было для Льва вполне понятно. Похожих взглядов в то время придерживались и многие православные епископы. Даже эфесский митрополит Фома и помощник патриарха Германа Анастасий выступали против поклонения «рукотворным вещам». Понемногу и Лев пришел к выводу, что борьба с иконами — его священный долг.

В 726 году в Средиземном море произошло извержение вулкана, напугавшее византийцев своей силой, и Лев Исавр использовал это как повод, заявив, что народ прогневал Бога своим иконопочитанием. Он издал указ, предписывавший убрать иконы из церквей, и для примера послал чиновника Ювина убрать скульптурный образ Христа Поручителя с Халкопратийских врат в Константинополе (по легенде, его воздвиг один византийский купец, которого Иисус избавил от крупного долга, лично явившись его поручителем). Сразу же произошло первое столкновение с иконопочитателями. Собравшиеся на площади женщины просили Ювина не трогать образ, но тот, не слушая их, поднялся по лестнице и начал рубить фигуру Христа топором. Тогда разгневанные женщины опрокинули лестницу, схватили прутья и засекли Ювина до смерти. Вместе с ним погибло и несколько солдат. Император приказал схватить бунтовщиц и казнил девять человек, а на воротах вместо изображения Христа поставил простой крест с надписью: «Не терпя, чтобы Христос изображался в безгласном и бездыханном образе из землевидного материала, запрещенного в Писании, Лев с сыном юным Константином начертывает на вратах трисолнечный образ Креста — похвалу верных».

После указа Льва в провинции начались волнения. В Греции власть захватил узурпатор Косма, но был разбит преданными Льву войсками. В Италии, все еще политически зависевшей от Византии, Лев попытался устранить строптивного папу Григория II и поставить на его место другого, лояльного императору, но эта попытка провалилась. Против его преемника Григория III, проводившего ту же политику иконопочитания, Лев послал сильный флот, но тот погиб в море, разбросанный бурей.

Другим влиятельным защитником икон был богослов Иоанн Дамаскин. Он жил в Дамаске и служил при дворе халифа. Лев не мог добраться до него сам, но его люди подбросили письмо халифу, из которого следовало, что Иоанн готовился ему изменить. По легенде, разгневанный халиф отрубил руку Дамаскину, но тот помолился перед иконой Богоматери, и рука отросла.

Лев попытался заручиться хотя бы поддержкой константинопольского патриарха Германа. Тот сопротивлялся, сколько мог, а когда давление стало слишком сильным, отказался

от сана патриарха. Его место занял Анастасий, согласившийся бороться с иконами. Узнав об этом, Герман пророчески бросил Анастасию: «Не спеши, еще успеешь попасть на ипподром». Ипподром в Константинополе часто бывал местом казни, где кончали свою жизнь неудачливые узурпаторы и государственные преступники.

Константин Дерьмовый

Лев III Исавр вскоре умер. Его преемник Константин Копроним — по-гречески «Дерьмовый», буквально: «соименный дерьму»; это прозвище ему, разумеется, дали религиозные противники — в первое время был слишком занят военными и государственными делами, чтобы обращать внимание на Церковь. В самом начале правления престол у него отобрал зять Артавазд, который был иконопочитателем, и поэтому народ с радостью его поддержал. Константин бежал из города и был предан анафеме, патриарх Анастасий объявил его еретиком и поклялся, что сам слышал, как император называл Христа обычным человеком, а Богородицу — обычной женщиной. Происходило это будто бы так: Константин взял в руки кошелек, набитый золотом, и спросил, дорого ли он стоит. Когда ему ответили «дорого», он высыпал золото из кошелька и спросил, сколько тот стоит теперь. Ему ответили — ничего. «Вот так и Мария, — заявил царь, — пока имела в Себе Христа, была достойна чести. А как только родила Христа, ничем уже не отличается об обычных женщин».

Разошелся слух, что Константин Копроним умер. Однако его противники поторопились: Константин собрал войско и взял Константинополь. Артавазду выкололи глаза, а Анастасия с позором голым провезли по городу на осле и высекли, но оставили на кафедре.

Вернувшись к власти, Копроним вспомнил об иконоборстве только через двенадцать лет, когда умер патриарх Анастасий. Он созвал «вселенский» собор, на котором присутствовало 338 епископов, но не было глав высших церковных кафедр — Рима, Александрии, Антиохии и Иерусалима. На соборе избрали нового константинопольского патриарха, тоже Константина, и предали анафеме сторонников иконопочитания, в том числе покойного патриарха Германа и Иоанна

Дамаскина. Участники собора назвали императора тринадцатым апостолом и провозгласили: «Днесь спасение миру бысть, ибо ты, царь, искупил нас от идолов».

В оросе, итоговом документе собора, говорилось, что дьявол под видом исповедания христианского учения незаметно ввел идолослужение, то есть почитание икон. Но отцы собора рассмотрели вопрос о чествовании икон и решили, что иконы противоречат догмату о Лице Богочеловека Иисуса и поэтому отрицают решения всех шести соборов. Почему иконы противоречат догмату о Лице Иисуса? Потому что икона изображает Христа, но не может изобразить Его божественную сущность и показывает только человеческую, тем самым отрывая ее от Бога. Икона изображает Христа как человека, а не как Богочеловека.

Наконец, продолжал орос, нигде и никем не было сказано, что нужно чествовать иконы. Ни Христос, ни апостолы, ни соборы, ни отцы Церкви не говорили о почитании икон. Истинная икона Христа — это причастие, в котором хлеб и вино претворяются в Его плоть и кровь. А раз не нужны иконы вообще, то не нужны и иконы Богоматери и святых. К тому же изображение Богоматери и святых с помощью живописи, «низменного эллинского искусства», оскорбительно для святых и недостойно христиан.

В оросе приводились цитаты из Писания, которые можно было использовать против почитания икон. В заключение говорилось: «Всякая икона, сделанная из какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестивого искусства живописцев, должна быть извергаема из христианских церквей. Она чужда им и заслуживает презрения». Тем, кто станет делать иконы, вешать их в церквях и домах или просто скрывать, объявлялась анафема. Разрешалось сохранить лишь церковные предметы с такими изображениями — при условии, что они нужны для службы. Завершался документ традиционным запрещением «сочинять новую веру».

Созванный Копронимом собор состоялся в 754 году и какое-то время считался Седьмым Вселенским. После этого император перешел к практическим шагам. Он потребовал от всех сограждан принести клятву, что они не будут поклоняться иконам. Клятву произносили на Евангелиях, кресте и евхаристических дарах.

Храмы начали очищать от икон. Вместо изображений со сценами из евангельских и ветхозаветных историй стены расписывали птицами и цветами. По отзывам современников, церкви стали похожи на «зеленую лавку и птичью выставку». Кроме цветочков, изображали охоту, театральные сцены, любимые басилевсом конские состязания. Из книг вырезали листы с иллюстрациями и заставками, иногда их просто сжигали целиком. В то же время иконоборцы не стремились последовательно уничтожать все иконы во всех церквях. Вопреки собственным взглядам они оставили мозаичные иконы не где-нибудь, а в главном храме Константинополя — церкви Св. Софии.

Борьба с иконами затрагивала и почитание мощей святых. Иконоборцы выступили против этого и уничтожили некоторые из мощей. Так, мощи мученицы Евфимии по приказу императора Константина бросили в море, а храм, где они хранились (тот самый, в котором проходил Халкидонский собор), превратили в военный арсенал.

Читайте в приложении: Психология иконоборчества

Гонения на иконолатров

Неприличное прозвище «Дерьмовый» Константину дали православные христиане за то, что тот во время крещения испражился в купели и как бы сам крестил себя дерьмом. Так эту историю излагает летописец Феофан, называвший Константина «всегубительным, кровожадным, лютейшим зверем, обратившим власть свою к насильствам и беззаконию, от самого нежного возраста жившим во всех душегубительных занятиях». По другой версии, Константин любил обмазываться лошадиным навозом, считая это приятным и полезным для здоровья. За любовь к лошадям он получил свое второе прозвище — Каваллин, то есть «Кобылятник».

Император по характеру и поведению был чем-то близок русскому императору Петру I. Он тоже устраивал пьяные оргии, на которых был свой «всешутейший папа» — монах-расстрига. Константин вообще был настроен против монахов и объявил жестокую войну монастырям. Его целью было целиком уничтожить монашество. Монахи составляли основ-

ную силу, выступавшую против запрета икон, тогда как высшая церковная власть, послушная императору, практически не сопротивлялась. Константин называл монахов идолопоклонниками и служителями тьмы и требовал, чтобы люди при встрече их не приветствовали, а осыпали бранью.

Монахи почти перестали появляться на улицах Константинополя. Монастыри начали переселяться в Италию и на территории, свободные от власти императора. Те, кто пытался сопротивляться императорской воле, беспощадно карались. Святой Стефан, подвижник, живший на горе возле Халкидона, бесстрашно обличал Константина и призывал к защите икон. Попытки уговорить его ни к чему не привели; Стефан был арестован и брошен в темницу вместе с другими иконодудами. Там почитатели икон подвергались пыткам, им отрезали носы, уши, руки, бороды поливали смолой и поджигали. Стефана обвинили в том, что он увещевает людей бросать семьи и дома и идти в монахи: теперь это стало преступлением. Казнь Стефана состоялась 28 ноября 785 года: утром его вытащили на улицу за веревку, привязанную к ноге, и поволокли по городу. Солдаты и чернь били его до тех пор, пока он не умер, но и мертвое тело продолжали таскать и избивать; даже дети, которых император приказал специально освободить от школьных занятий, бежали за трупом и бросали в него камни.

За Стефаном последовали другие жертвы. На ипподроме засекли до смерти монаха Андрея Каливита. Игумен Иоанн Монагрский был казнен за то, что отказался наступить на икону Богоматери. Казнили также девятнадцать вельмож и военных, поддержавших Стефана.

Копроним тем временем изощрялся в изобретательности, придумывая, как обесчестить монашеский образ: на ипподром вывели монахов, заставив каждого из них держать за руку женщину. Народ, по замыслу императора, должен был их поносить и оплевывать. Правители провинций, подражая императору, превосходили его в жестокости. Так, управлявший Фракией Михаил Лахондракон приказал вывести всех монахов и монахинь на равнину близ Эфеса, где им было объявлено: кто хочет повиноваться императору, пусть наденет светлые одежды вместо черных и возьмет себе мужа или жену. Отказавшиеся были ослеплены и сосланы на Кипр.

Некоторые монастыри конфисковывались и превращались в военные казармы, другие просто разрушались. Монахов, ес-

ли они занимали высокие должности в армии или правительстве (что было не редкостью), ссылали и казнили.

Патриарх Константин, тезка императора, старался умиротворить Копронима, ни в чем ему не противореча и выполняя все указания. Его церковная «икономия» дошла до последнего предела: украшенный венком, он участвовал на пирах императора, поедал мясо и слушал кифаредов. Однако все это не уберегло его от опалы. Кто-то донес, что Константин готовит возмущение против императора. Копроним лишил его сана и приказал подвергнуть пыткам, после которых он больше не мог ходить. Бывшего патриарха принесли на носилках в церковь и стали зачитывать против него обвинения. Зачитав очередной обвинительный пункт, секретарь бил его по лицу, а новый патриарх Никита смотрел на это, сидя на кафедре. Когда экзекуция закончилась, Никита произнес на своего предшественника анафему и вытолкал его из храма. Затем Константина отправили на ипподром, где на него плевала толпа, осыпая бранью. После всего этого его спросили, как он относится к вере и собору императора, и несчастный патриарх ответил, что одобряет и то, и другое. Ему сказали: это мы и хотели услышать из твоих мерзких уст; а теперь ступай в ад. Бывшему патриарху отрубили голову и бросили тело в ров.

Михаил Лахондракон продолжал свирепствовать в своей провинции. На Страстной неделе он напал на один из монастырей, выжег его дотла, а монахов избил и покалечил. Отбрав из них 38 человек, он запер их в банях и заживо засыпал землей. Оставшиеся монастыри со всем имуществом были проданы с аукциона, а вырученные деньги Михаил отправил в государственную казну. В конце концов в его провинции не осталось ни одного монаха. Копроним написал ему письмо с выражением благодарности.

Седьмой Вселенский собор

В 775 году во время похода на болгар Константин Копроним умер, оплакиваемый обожавшей его армией. Сын Константина Лев IV Хазар придерживался политики невмешательства в дела религии и только в последний год царствования казнил нескольких придворных, обвинив их в почита-

нии икон. После его смерти на престол взошла его супруга Ирина с сыном Константином — оба были ревностными иконопочитателями. На столичную кафедру избрали Тарасия, который заявил, что не станет патриархом, пока не соберется вселенский собор, чтобы объединить Константинопольскую церковь с восточными и западными церквями, от которых она отделилась из-за иконоборчества.

Многие епископы, замешанные в иконоборстве, выступили против нового собора, говоря, что нужно почитать предыдущий (то есть иконоборческий 754 года). Но угроза низложения со стороны Тарасия заставила их замолчать. Первое заседание собора было назначено на 7 августа 786 года. Однако накануне в городе вспыхнул солдатский бунт: армия, в которой было сильно почитание Константина Копронима, выступила против проведения собора. Несмотря на это, на следующее утро собор открылся, но ненадолго: взбунтовавшиеся солдаты, обнажив мечи, подступили к воротам Св. Софии и пригрозили перебить всех, кто там находится. Собор пришлось распустить. Только через месяц Ирина сумела обеспечить порядок в городе, под разными предложениями удалив из него войска и отобрав оружие у самых беспокойных.

Новый Седьмой Вселенский собор состоялся в 787 году, через 33 года после первого иконоборческого собора под тем же номером, объявленного теперь лжесобором, и проходил всего месяц, с 24 сентября по 23 октября. На нем присутствовало от 330 до 367 епископов, в том числе представители всех главных восточных Церквей и два папских легата, оба по имени Петр. Императора, вернее, императрицу представляли два чиновника, почти не вмешивавшиеся в ход собора.

Собор начался с вызова виновных в иконоборчестве епископов и назначения для них наказаний. Епископы вызывались в три приема, по мере возрастания их вины: сначала обсуждали поступки наименее запятнавших себя иерархов, затем более виновных и, наконец, самых отличившихся сторонников иконоборства. К последним отнесли одного человека — Григория Неокесарийского. Сознвая, что в иконоборческой смуте были замешаны очень многие представители Церкви и что мотивы для этого часто были скорее политическими, чем догматическими, отцы собора отнесли к провинившимся необычно мягко — все три категории были приняты в церковное общение и оставлены в своем сане. Раскаяние многих

из них выглядело очень сомнительным после всего, что они делали и говорили при императорах-иконоборцах. Но никаких отлучений, анафемствований, осуждений и низложений не последовало.

Решив вопрос о епископах, собор зачитал доказательства правильности иконопочитания, почерпнутые из Св. Писания и святых отцов, и предал иконоборцев анафеме. В числе прочего было сказано, что «искусство живописца (разумелись, конечно, иконописцы) есть занятие священное и совсем не таково, чтобы его осмеивать». Вообще следует почитать «всякое знание и художество как дарованные Богом ради славы Его». Был рассмотрен вопрос, следует ли иконы только лобызать, или еще и поклоняться (то есть кланяться) им. Решено, что и лобызать, и поклоняться, но не служить, «потому что поклонение есть выражение почтения, служить же нельзя никому, кроме Бога».

После этого было составлено опровержение ороса предыдущего собора и составлен новый орос. Об иконах было сказано: «Со всяким тщанием и осмотрительностью определяем: подобно изображению честного и животворящего Креста, полагать во святых Божиих церквах, на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и на путях честные и святые иконы, написанные красками и сделанные из мозаики и из другого пригодного к этому вещества, иконы Господа и Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа, непорочной владычицы нашей Богородицы, также и честных ангелов и всех святых и преподобных мужей. Ибо чем чаще через изображение на иконах они бывают видимы, тем более взирающие на них побуждаются к воспоминанию о самих первообразах и к любви к ним... Ибо честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней. Осмеливающихся же иначе думать или учить или давать профанное употребление священным сосудам или монастырям постановляем, если это будут епископы или клирики — извергать из сана, если же монахи или миряне — отлучать от общения».

К этому времени Церковь уже настолько отвыкла от икон, что из восьми заседаний собора икону догадались принести только на пятое, да и то по предложению папских легатов.

После собора

Иконоборство на этом, однако, не закончилось. В большой степени это было движение скорее политическое, чем религиозное. Как только сменилась власть, сменилось и ее отношение к иконоборству.

По странному совпадению иконоборцами были выдающиеся императоры, любимые народом и войском (Лев Исавр, Константин Копроним). Об Ирине же, восстановившей иконопочитание, хорошо отзывались только сторонники почитания икон и то исключительно за сам факт восстановления. В остальном Ирина не отличалась большими нравственными достоинствами, что особенно проявилось в ее отношении к своему сыну Константину. Стремясь захватить власть, она много лет плела против него интриги и в конце концов свергла с престола. Константин был варварски ослеплен и вскоре умер. Позже Ирину лишил престола узурпатор Никифор, и она кончила дни в монастыре, где вела аскетическую жизнь и проявила большое благочестие, за что была канонизирована как святая.

Связывая себя с императорами и их политикой, Церковь становилась заложницей политических интриг. Характерна история с «прелюбодейным браком» сына Ирины Константина. Ирина заставила сына расторгнуть брачный договор с Ротрудой, дочерью Карла Великого, и жениться на нелюбимой им Марии Амнийской. Через шесть лет брака Константин решил избавиться от своей жены, вынудив ее постричься в монахини, а сам женился на некоей Феодоте. Патриарх Тарасий отказался одобрить и пострижение Марии, и венчание с Феодотой, но Константин пригрозил восстановить иконоборство, и Тарасий уступил, хотя и не стал, вопреки традиции, сам венчать императора. Впрочем, это было позволено сделать священнику Иосифу.

Поступок патриарха вызвал возмущение среди монашества, отвернувшегося от Тарасия и обвинившего его в «прелюбодейной ереси», то есть одобрении незаконного брака. В числе несогласных был и знаменитый игумен Студийского монастыря св. Феодор Студит. Феодор и его монахи раздули эту историю почти до апокалиптических размеров и Тарасия называли чуть ли не предтечей антихриста или самим антихристом. Говорили, что православие гибнет, задушенное ерети-

ками, и всерьез решали вопрос, можно ли ночевать в чужих домах и принимать там пищу — ведь их хозяева могут оказаться еретиками; лучше уж переночевать у проверенного православного человека и запастись всем нужным на дорогу. Они даже придумали специальный шифр для переписки, где императора обозначали греческой буквой «сампи», а патриарха — «копой».

Преемник Ирины Никифор почитал иконы, но из государственных соображений ущемлял Церковь и монахов. Получалось то же самое, что с римскими императорами времен гонений на христиан: страшней всего для них оказывался тот, кто искренне заботился о государстве. Вместо «симфонии» выходило противоречие: чем больше благ император доставлял Церкви и монастырям, тем больше ущерба наносил империи, и наоборот. Сама Церковь не задумывалась о том, как разрастание ее богатств и монастырских угодий сказывается на армии и финансах, как ослабляет страну, открывает ее набегам врагов и в конечном счете губит то самое государство, на которое она опирается. Поэтому она часто восхваляла слабых и даже развращенных правителей вроде Ирины и Михаила Рангавы, одобряя их за то, что они следовали интересам Церкви, и пренебрегая тем, какой удар их правление наносит стране.

На пост патриарха император выбрал своего тезку Никифора, светского человека, занимавшего должность государственного секретаря. Тот показал себя достойным пастырем, но вызвал неудовольствие монахов и Феодора Студита тем, что оправдал священника Иосифа, венчавшего «прелюбодейный» брак Константина VI с Феодотой. Против императора вспыхнул заговор, в котором оказались замешаны многие епископы и монахи. Религия окончательно срослась с политикой, православие стало как бы правящей партией, а иконоборство — оппозицией. Заговор Никифор подавил, но вскоре погиб из-за своей скупости, наступив на те же грабли, что прежде император Маврикий: он отказался дать выкуп за плененных византийцев болгарскому вождю Круму. Это вызвало такую ненависть солдат, что, когда Никифор попал в засаду, они сами его убили и передали Круму, который с торжеством насадил голову базиливеца на копье, а позже сделал из его черепа чашу.

Престол занял слабый и неуверенный в себе Михаил I Рангава, полностью отдавший себя в руки монахов. Феодор Студит стал при нем полновластным советником, во многом

определявшим политику империи. Пользуясь своим авторитетом, он отговорил Михаила отменить уже подготовленный указ о смертной казни для павликиан. Другой его совет был гораздо менее удачным и стал для Михаила роковым. Болгары предложили мир с условием обмена перебежчиками. Под угрозой нового нашествия все, включая патриарха, одобрили этот план, но Феодор Студит настоял на том, чтобы Михаил продолжал войну, потому что многие из перебежчиков приняли христианство и передать их болгарам означало обречь христиан на мучения у язычников. В битве при Адрианополе византийцы потерпели сокрушительное поражение. В столице вспыхнули волнения, толпа вскрыла могилу Константина Копрониа, крича: «Восстань и помоги гибнущему государству!» Кто-то даже видел, как Константин восстал из гроба, сел на коня и поехал воевать с болгарами. В конце концов Михаила заставили отречься от престола и уйти в монахи, которых он так любил.

Императором стал Лев V Армянин. Он считал, что бедствия постигли империю за почитание икон: ведь правители-иконоборцы царствовали и умерли благополучно, а те, что поклонялись иконам, — кончили свою жизнь очень плохо. Лев Армянин поддержал солдат, которые на Рождество 814 года забросали камнями образ Христа над воротами императорского дворца. Патриарх Никифор пытался сопротивляться императору, но был вынужден отречься от сана и отправился в ссылку. Новым патриархом стал Феодот, необразованный, «бессловесный, скотоподобный и, кроме нечестия, ничего не знающий», как отзывался о нем летописец. Он собрал в храме Св. Софии собор, чтобы обсудить все тот же вопрос о почитании икон. Участники собора призвали на него сторонников иконопочитания, изорвали на них одежды, избили, анафемствовали и отправили в тюрьму. Софийский собор подтвердил решения иконоборческого собора 754 года, но в более мягкой форме: иконы не обязательно уничтожать, достаточно просто перевесить их повыше, чтобы не смущать народ. Начались новые гонения против почитателей икон, истязания и пытки. Игумены всех монастырей должны были дать клятву, что не будут учить почитать иконы. Феодора Студита посекли воловьими жилами и после пыток отправили в ссылку.

Письмо к папе

Во время иконоборческих гонений Феодор Студит написал несколько писем римскому папе Льву III, прося вмешаться и спасти православную веру: «Мы, смиренные, взываем к тебе: услышь, великая глава, и внемли тому, что устроил сатана». По письмам видно, что Феодор очень близко стоял к мнению о первенстве римской кафедры. Римского папу он называл «первопрестольным, главнейшим между патриархами, божественной главой всех глав». «К нему, — писал он, — следует обращаться за разрешением сомнительных и спорных вопросов, как делалось издревле и от начала по отеческому преданию, ибо там верховнейшая из Церквей Божиих... По издревле установившемуся обычаю без его ведома нельзя составлять собора». Это именно то, на чем настаивали римские папы и из-за чего потом произошел раскол Церквей.

Торжество православия

В 820 году Лев V Армянин был убит в результате переворота. Заговорщики, переодевшись в церковные одежды, ворвались в дворцовый храм во время службы, где император, гордившийся своим басом, с увлечением пел один из ирмосов. Увидев бунтовщиков, царь побежал в алтарь, а когда они бросились вслед за ним, поднял крест и стал молить о пощаде. Мятежники ответили: «Теперь время не пощады, а убийства», — и отрубили ему руку вместе с крестом, а затем и голову. Императором объявили начальника дворцовой стражи Михаила, который сидел в тюрьме по обвинению в измене: его освободили из камеры и посадили на трон прямо в кандалах.

Убийство Льва Армянина вызвало одобрение сторонников иконопочитания. Феодор Студит написал, что Господь истребил «новоявленного и великого дракона, опустошавшего великую часть вселенной, змия коварного и шипевшего богохульством, мерзость запустения, сосуд гнева». И только низложенный патриарх Никифор с грустью заметил: «Государство римское потеряло хотя нечестивого, но великого защитника».

Новый император Михаил Травл (по-гречески «заика») отказался обсуждать вопрос об иконопочитании. По его мне-

нию, было «совершенно безразлично, почитать или не почитать иконы». Он ограничился тем, что возвратил из ссылки пострадавших монахов и епископов и обещал не преследовать их за веру. В ответ на настойчивые просьбы православных объявить обязательным почитание икон он заявил, что не собирается ни вводить новые догматы веры, ни изменять уже существующие. «Пусть каждый поступает, как ему угодно, не боясь никаких неприятностей и лишений. А мы в каком положении застали Церковь, в таком и оставим ее».

Религиозная терпимость Михаила, почти невероятная в то время, спасла его во время восстания Фомы Славянина. Этот самозванец объявил себя сыном императрицы Ирины и начал гражданскую войну под флагом борьбы за иконопочитание. Он использовал все возможные рычаги, какие могли привести его к победе: расположил к себе монашество, усыновив и сделав своим преемником монаха Анастасия; переманил на свою сторону рабов и крестьян, пообещав им свободу от помещиков; обратился за помощью к зарубежным противникам Византии. Халиф Харун ар-Рашид помог ему собрать войско из инородцев, ненавидевших греков (славян, армян, грузин, персов), а антиохийский патриарх короновал его как нового императора. Междоусобная война затопила страну кровью, и Константинополь был взят в осаду, которая продолжалась целый год. Но гуманная политика Михаила смягчила нравы и вызвала симпатию обеих противоборствующих сторон. Это был редкий случай, когда бунтарь и демагог, сделавший ставку на агрессивность и фанатизм, проиграл поборнику свободы и веротерпимости.

Феофил

Феофил, сын Михаила, взошел на престол после смерти отца в 829 году. Это был человек крутого нрава, властный, деспотичный, не терпевший никаких противоречий и доходивший порой до самодурства. На смотринах невест он отверг красавицу Кассию только потому, что она посмела ему перечить: «уязвила его сердце словом», как пишет летописец. Кассии пришлось уйти в монастырь, а императрицей стала более покладистая Феодора. Всем подданным Феофил приказал стричься коротко и не носить длинных волос под страхом би-

чевания — чтобы походить на древних римлян. Это не мешало ему быть человеком религиозным и благочестивым; он даже писал песнопения для службы и сам их исполнял.

Придя к власти, Феофил первыми делом казнил заговорщиков, убивших Льва Армянина, несмотря на то что они привели к власти его отца. За борьбу с иконами он взялся так же крепко и решительно, как и за все свои дела: приказал уничтожать иконы и разрисовывать церкви птицами и зверями, а также распорядился убить всех живописцев, если они не захотят плевать на иконы и попирать их ногами. Знаменитому иконописцу Лазарю на ладони положили раскаленные железные пластины, чтобы он больше не мог писать иконы. Двум братьям Феодору и Феофану, проповедовавшим иконопочитание, базилиевс велел вырезать на лбу издевательские стишки — по его словам, очень плохие, потому что хороших они не заслуживают. Уже перед смертью, заболев, он приказал казнить полководца Феофора, которого подозревал в заговоре, и скончался, держа его голову в руках.

После смерти Феофила его жена Феодора, унаследовав престол, попросила патриарха Мефодия не предавать анафеме ее мужа за иконоборчество и взамен пообещала вернуть иконы. Мефодий и созванный им собор дали ей письменное прощение души умершего императора. Феодора сдержала обещание, и 11 марта 843 года, в первое воскресенье Великого поста, состоялась торжественная процессия с несением икон между храмом Св. Софии и императорским дворцом. Тогда же было постановлено каждый год праздновать «сей святой и честной праздник», названный Торжеством Православия. На праздничном обеде после церемонии между Феодорой и Феофаном Начертанным — тем самым, на чьем лице Феофил «начертал» плохие стихи, — произошел неприятный инцидент: Феофан, указывая на свое изуродованное лицо, заявил: «За эти письмены я буду судиться с твоим мужем и царем перед нелицеприятным судилищем Божиим». Феодора в слезах бросилась к Мефодию: что же значит выданное им прощение, если царю придется отвечать за все сделанное на суде Божиим? Патриарху пришлось ее успокаивать и заверять, что на Страшном суде у Феофила не будет никаких проблем.

Глава третья. Положение на Западе

Франки

Запад к этому времени окончательно отделился от Византии и жил своей жизнью, никак не связанной с константинопольскими смутами. В конце VII века здесь произошли важные перемены. Центр светской власти переместился на север Европы, где наконец появился человек, который смог объединить разрозненные германские княжества и создать крупное государство, претендовавшее на роль преемника Западной Римской империи. Это был король франков Карл Великий.

Германское племя франков уже в V веке обосновалось в Галлии, которая в то время делилась на несколько крупных частей: Нейстрию (северо-запад с Парижем), Австразию (северо-восток), Аквитанию (юго-запад) и Бургундию (юго-восток). Франки постепенно укрепляли и расширяли свою власть на этой территории, уничтожая последние остатки римских владений и подчиняя себе другие варварские племена. Их вождь король Хлодвиг по очереди разгромил римского наместника Сиагрия, алеманнов, бургундов и вестготов. Поскольку франки, в отличие от других германских племен, были православными, византийский император Анастасий I счел возможным дать Хлодвигу звание римского консула.

Франкское королевство достигло могущества благодаря нескольким выдающимся правителям, следовавшим один за другим. Один из преемников Хлодвига, Карл по прозвищу Мартелл (Молот), в союзе с аквитанским королем Эдом Великим разбил при Пуатье армию арабов, которые уже захватили Испанию и Аквитанию и вторглись в Галлию (732 год). Эта кровопролитная битва длилась два дня, во время которых арабская конница раз за разом атаковала пехоту Карла, выстроившуюся в каре. «Северяне, — писала арабская хроника, — стояли неподвижно, как стена, держась друг за друга, подобно леднику в северных горах». Арабов погубила жадность: услышав, что франки проникли в лагерь, где хранилась их добыча, они повернули вспять и бросились спасать награбленное добро. Спустя пять лет Карл вместе с братом Хильдебрандом нанес поражение арабам близ Нарбонны. Если бы не сильное

государство франков и одержанные ими победы над мусульманами, нашествие арабов могло бы захватить всю Европу.

Но Западная церковь сохранила о Мартелле неблагоприятные воспоминания. Не имея чем наградить свою армию, Карл конфисковывал церковные земли и раздавал ее солдатам. Он смеялся епископов и ставил на кафедры своих людей из мирян, не обращая никакого внимания на церковные правила. Для него существовало только одно право — право сильного.

Сын Карла Мартелла Пипин Короткий воевал ради укрепления своей власти в королевстве со всеми соседями подряд: аквитанцами, баварцами, алеманнами, саксами и даже со сводным братом Грифоном. При Пипине началось обращение в христианство саксов. Папа Стефан III отправился к нему за помощью против лангобардов. Король почтительно встретил папу далеко от города, встал перед ним на колени и всю обратную дорогу вел под уздцы его коня, как простой конюх. Взяв с Пипина обещание вступить в войну с лангобардами, Стефан короновал и помазал его как короля франков. Его сыновей Карла и Карломана он объявил законными наследниками и под страхом отлучения запретил избирать королем любого, кто не принадлежал роду Каролингов. Пипин взамен поклялся, что он и его преемники будут всегда защищать интересы Церкви. Он действительно оказал большую услугу духовенству, первым введя обязательную десятину: каждый житель страны должен был платить Церкви десятую часть своих доходов.

В 754 году Пипин уничтожил в Альпах практически всю армию лангобардского короля Айстульфа, но после подписания мира побежденный Айстульф нарушил все договоры и вместо того, чтобы вернуть папе отнятые у него города, собрал новое войско и осадил Рим. Пипину пришлось снова вмешаться и принудить короля лангобардов выполнить прежние обещания. На юге Пипин выгнал арабов со всех франкских земель вплоть до Пиренейских гор и после долгой и опустошительной войны захватил Аквитанию, присоединив ее к своему королевству.

Необычна судьба брата Пипина, Карломана: после многочисленных войн он оставил армию и политику и взялся за церковные дела. А дела эти были очень плохи: Церковь находилась в зависимости от светской власти, не имела единой иерархии и жила полусветской жизнью. Нравственный авто-

ритет клира был крайне невысок, священники и епископы носили оружие, участвовали в войнах, охотились и вели себя так же, как миряне. Карломан вместе с епископом Майнца Бонифацием провел реформу Церкви, созвав для этого в 743 году так называемый Германский собор. Собор возродил строгую церковную иерархию, постановив, что в каждом городе должен быть епископ, а в каждой провинции — митрополит, и обязал Церковь ежегодно проводить соборы, чтобы следить за нравственностью и дисциплиной духовенства. Бонифаций стал легатом римского папы, что еще больше укрепило авторитет Рима. Церкви возвратили отобранное имущество и возместили ущерб, нанесенный Карлом Мартеллом. Затем Карломан отправился в Рим к папе Захарии и после беседы с ним построил в Риме монастырь, а сам, оставив корону и светскую власть, постригся в монахи в бенедиктинском монастыре Монтекассино.

Святой Бонифаций

Бонифаций был англосаксом по рождению, но получил прозвище «апостол всех немцев». В тридцать лет он стал священником в Англии, преподавал грамматику и стихосложение, но потом, бросив ученые занятия, отправился миссионером в Германию — обращать в христианство франков и саксов. В лесу под Гайсмаром он срубил святыню германцев-язычников, дуб Тора, и построил из него капеллу Святого Петра. Уже восьмидесятилетним старцем он отправился с новой миссией к языческому племени фризов и был убит.

Карл Великий

Государство Пипина разделили его сыновья Карл и Карломан, но через три года Карломан умер, и Карл стал единственным правителем. После мощного Мартелла и выдающегося Пипина на трон воссел поистине великий король. Воевал он еще лучше, чем дед и отец. Карл снова разбил лангобардов, покорил баваров и тридцать лет вел жестокую и кровопролитную войну с язычниками саксами, жившими между Рейном и Эльбой. В конце концов он проник в их священный лес, уничтожил идола Ирминсула и обратил в христианство вождя саксов Видукинда. На юге Карл отогнал арабов за

Пиренеи и образовал в Испании буферное государство — Испанскую марку, положив начало Реконкисте, то есть отвоеванию Испании у арабов. На востоке он разгромил аваров, полностью уничтожив это племя. За сорок лет своего правления он почти вдвое увеличил размеры королевства.

Как и положено великому правителю, Карл развивал науки и искусства, прервав культурное одичание Европы и дав начало «каролингскому возрождению». В галльской церкви он обладал такой властью, что единолично созывал соборы, назначал и смещал епископов. Но особый вес и значение франкскому королю придал союз с Римом. Как раз тогда, когда Византия потеряла интерес к Риму и бросила его на произвол судьбы, Карл стал спасителем Римской церкви, разгромив притеснявших ее лангобардов и освободив Италию. Завоеванные земли он любезно передал римскому папе Льву III, попросив взамен только об одной услуге — венчать его императорской короной. До сих пор считалось, что империя едина и у нее есть один император — византийский. Но в 800 году императором стал варвар-германец, а римский понтифик — светским государем и правителем Северной Италии.

С этого времени Рим больше не нуждался в Византии и смотрел только на западных правителей. Что касается Карла, то он обращал свой взгляд на ромейский Восток и думал о том, как объединить обе половинки империи под своей короной. При последних двух королях франки достигли такого могущества, что на равных общались с византийскими императорами. Пипин вел переговоры о браке своей дочери Гизели с сыном Константина V Копронима. Похожие планы строил и Карл Великий. В Константинополе в это время правила Ирина; сильный союзник на Западе был ей на руку. Возникла неожиданная идея брачного союза между Западом и Востоком. Казалось, что среди безнадежного упадка, торжества варварства и раздоров забрезжила возможность чудесного возрождения Римской империи периода ее расцвета.

У Ирины был сын Константин тринадцати лет, у Карла — дочь, девятилетняя Ротруда. Их обручили. В столицу франкского царства поехали учителя греческого языка, девочка научилась говорить по-гречески, между женихом и невестой завязалась переписка. Видимо, Ротруда была умна и красива, потому что Константин без памяти влюбился в нее по письмам и по присланному ему портрету. Ротруда уже собиралась

ехать в Константинополь для личного знакомства, как вдруг все расстроилось. Ирина внезапно потеряла интерес к союзу с Карлом. Говорили, что ей не понравилась слишком бойкая и уверенная в себе Ротруда, которая могла легко вертеть слабобольным Константином. Императрица разорвала помолвку и заставила сына жениться на другой, устроив первый в истории Византии царский «смотр невест». Кандидатки отбирались по росту, размеру головы, длине стопы и многим другим параметрам, среди которых немаловажным считалось почитание икон. В итоге победила красивая армянка из незнатной семьи по имени Мария. Константин, писал летописец, «очень печалился и не желал сего по привычке своей к дочери Карла, короля французского, с которою был обручен».

Спустя четыре года Карл Великий предложил еще более смелый проект: жениться на самой Ирине. В Константинополь прибыли послы от императора и римского епископа с предложением «соединиться браком с Карлом, и чрез то соединить Восток с Западом». Для Карла это был бы уже шестой брак, причем все они заключались по расчету и приносили ему политические выгоды. Вероятно, из двух государей могла бы получиться неплохая пара: Карл, хотя уже не молодой (шестидесяти лет), был могучего телосложения, привлекателен на вид, отличался необычной для варвара начитанностью, красноречием и скромностью в привычках. Ирина славилась умом и красотой. Но дело закончилось, не успев начаться: в результате очередного переворота Ирину свергли с престола и заточили в монастырь. Ее преемник Никифор был настроен против Карла и даже не признал за ним титул императора.

Объединение греков с франками не удалось, и пропасть между Константинополем и Римом выросла еще больше. Даже восстановление церковного общения уже мало что меняло. Греки презрительно относились к западным жителям, считая их грубыми и неотесанными варварами. Рим смотрел на греков с отвращением, как на еретиков и лжецов, людей злых, коварных, слабых и лукавых.

Решения Седьмого Вселенского собора были осуждены на Западе Карлом Великим, Франкфуртским собором 794 года и многими видными епископами. Недоразумения возникли главным образом из-за крайне невнятного и искаженного перевода деяний собора на латинский язык: по нему выходило, что восточные отцы предлагают поклоняться иконам как Богу,

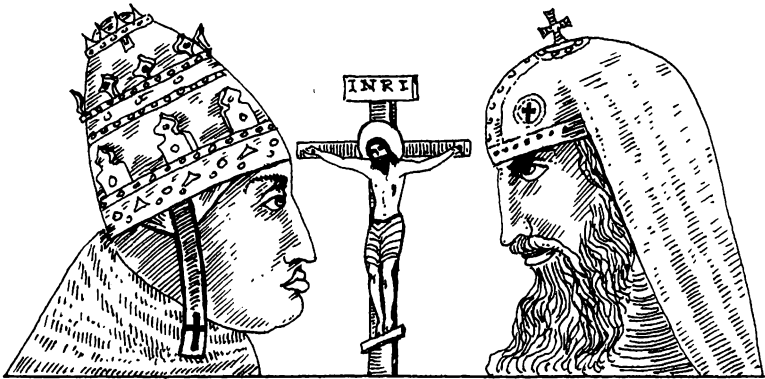
что возмущенные западные богословы торжественно отвергли. Они осудили даже римского папу Адриана, одобрявшего Седьмой собор, — за то, что он в письме Константину и Ирине «приказал суеверно поклоняться иконам».

Вообще, на Западе пришли к выводу, что их богословская наука далеко превосходит восточную, а отсюда было недалеко до мысли, что весь Восток в целом идет неправильным путем и заслуживает осуждения. Над Вселенской церковью нависла тень грядущего раскола.

После Карла

При сыновьях Карла Великого начались междоусобные войны, которые привели к разделению империи на две части: Францию, где говорили на романском языке, и Германию, где говорили на немецком. В то же время начались набеги норманнов — германских народов из Скандинавии. Норманны под предводительством Роллона осели на территории Франции, основав Нормандию, крестились и усвоили французский язык. Затем они захватили Британию, разгромив англосаксов — еще один германский народ, вытеснивший местных кельтов, — и отчасти смешавшись с местным населением. Позже норманнами был захвачен Уэльс и присоединены Шотландия и Ирландия. Так в общих чертах сформировался облик современной Западной Европы.

Часть V
Как произошел раскол Церквей

Глава первая. Римский вопрос

Петр и камень

Римская церковь всегда считалась одной из самых авторитетных. Древность происхождения, основание двумя величайшими апостолами, Петром и Павлом, положение в «центре мира» и почти неизменная приверженность православию делали ее безусловным столпом веры, на который с уважением смотрел весь христианский мир. Восточная церковь признавала Римский престол как «первый среди равных» и охотно апеллировала к нему в религиозных спорах, если точка зрения пап совпадала с ее собственной. Вопросы начинали возникать только в тех случаях, когда римские епископы притязали на абсолютное господство и требовали себе исключительные права.

После возвышения Константинополя и нашествия варваров центр политической силы переместился из Рима на восток империи, к византийским басилевсам. И как раз в это время в Риме начала активно развиваться теория об особом положении римской кафедры и ее изначальном превосходстве над

всеми остальными. В начале V века папа Иннокентий I написал антиохийскому епископу Александру, что Римская церковь имеет особое преимущество, потому что ее епископы — преемники апостола Петра. Апостольское преемство от Петра ставило римских епископов выше остальных, потому что и сам Петр, по учению Римской церкви, был выше других апостолов. В Риме его называли *princeps apostolorum*, то есть «первый среди апостолов».

Мнение о первенстве Петра было основано прежде всего на словах Иисуса: «Ты — Петр, и на сем камне создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 13–19). Место это толковалось богословами по-разному, и не всегда в пользу папства. Ориген писал, что никакого главенства среди апостолов не было и быть не могло: под камнем (Петром) подразумевается каждый, кто исповедует Христа. Камень — духовная вера, и на ней создается Церковь. «Если Петру сказано, что врата ада не одолеют его, то разве других одолеют? Если одному Петру даны ключи царства небесного, то никто из блаженных не получит их? Сказанное Петру сказано всякому, а, следовательно, Петр есть лишь имя для всякого ученика и всякому ученику даны ключи царства небесного». Августин относился к этому тексту двойственно, говоря, что одни считают «камнем» Петра, а другие — самого Христа. Златоуст писал, что «камень» надо относить к христианской вере, а не к Петру: «Когда Петр назвал Его Сыном Божиим, тогда Христос, чтобы показать, что Он также есть Сын Божий, как Петр сын Ионин, то есть одной сущности с родившим, присовокупил: и Аз тебе глаголю: ты еси Петр, и на сем камени — то есть на вероисповедании — созижду Церковь мою».

Восточная церковь в принципе не соглашалась с тем, что Петр выше и главней других апостолов. Она напоминала, что сам Петр никогда не говорил о своей исключительности и не притязал на власть в Церкви. Нигде в Писании он не заявляет: повинуйтесь мне, потому что я первый среди апостолов. Вопрос о первенстве вообще встречается в Новом Завете один раз и решается Иисусом однозначно: «Пусть тот, кто хочет быть у вас главным, будет вам слугой, а кто хочет быть среди вас первым, пусть будет вашим рабом» (Мф. 20, 26–27). Поэтому в Деяниях все апостолы равны — все они ученики Христа и делают одно дело.

Но критика папской доктрины не ограничивалась вопросом о первенстве Петра. Даже если допустить, что Петр занимал исключительное положение среди апостолов, относится ли то же самое к его преемникам? Тертуллиан считал, что нет: особая власть была дана только лично самому Петру и не передается другим. А если первенство было дано и Петру, и его преемникам — почему именно Рим должен считаться тем городом, которому принадлежит преемство от апостола Петра? Петр основал церковь не только в Риме, но и в других городах, например в Антиохии. Почему же он римский епископ, а не антиохийский? (В Риме на это отвечали, что Антиохийскую церковь Петр основал как бы по пути, а римскую — незадолго до кончины, как венец своего христианского подвига.) И как все-таки быть с апостолом Павлом? Кто на самом деле основал Римскую церковь — Петр, Павел или оба?

Все больше папы

Для римских пап всех этих сомнений не существовало. Они решительно говорили о себе как о преемниках Петра и «главе и вершине епископства». Окончательно это учение сформулировал в V веке папа Лев Великий. Петр — князь апостолов, превосходящий всех других по власти и авторитету. Он находится в особом, нераздельном единстве со Христом и является посредником между Ним и Церковью. Благодать от Господа дается всем епископам через Петра и его преемников — римских пап. Тот, кто не признает его первенства, ставит себя вне Церкви и благодати, то есть перестает быть христианином.

Папы подтверждали свои тезисы цитатами из Писания. Например, в томосе папы Льва I Великого приводился ответ Петра на вопрос Иисуса, кем почитают его люди: «Всех апостолов Господь спрашивает, что думают о нем люди, и лишь до тех пор они отвечают все вместе, пока передают колеблющиеся мнения человеческого неведения. Но лишь только спрашивается, что думают сами ученики, является первым в исповедании Господа тот, кто был первым в апостольском достоинстве. И когда он сказал: “Ты — Христос, Сын Бога живого”, — отвечал ему Иисус: “Блажен ты, Симон, сын Ионин, — потому блажен, что Отец Мой научил тебя, что Я — едиnorodный

Сын Его. И как Отец Мой открыл тебе божество Мое, так и Я исповедую тебе твое превосходство”... В награду за веру Господь предоставил блаженнейшему ап. Петру первенство апостольского достоинства, на этом крепком основании, на твердости Петровой, устроая вселенскую Церковь».

Другой аргумент Льва — Иисус заботился обо всех, но особо говорил, что будет молиться за Петра: «Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих» (Лк. 22, 31–32). Это указывает на особую связь Петра с Иисусом. В конце концов Лев делал вывод: «Он есть князь всей Церкви, и ему принадлежит попечение всех пастырей о вверенных ему овцах, так что, хотя в народе Божиим есть много священников и много пастырей, но в собственном смысле всеми управляет Петр, равно как и Христос в преимущественном смысле управляет ими».

В Риме считали, что Петр и после смерти осуществляет власть через своих преемников, невидимо присутствуя среди них и помогая им. Поэтому римские папы не могут ошибаться и не могут быть судимы — это высший авторитет, который не подлежит суду. Римский диакон Эннодий писал: «Кто может сомневаться в святости того мужа, который стоит на высоте такого сана? Да если бы ему и недоставало добрых дел личных, их восполняют заслуги его предшественника (то есть апостола Петра)». Император Валентиниан III, находившийся под влиянием папы Льва, подкреплял эти тезисы как светский государь: «Епископа, вызванного на суд в Рим, должна принудить явиться гражданская власть. Ибо только тогда возможен повсюду мир церковный, когда вся вселенная будет признавать своего правителя. И разве есть что-нибудь в делах церковных, превышающее авторитет такого первосвященника?»

После Льва эти воззрения все больше укреплялись на Западе. Когда в 502 году Теодорих Великий разбирал спор между Симмахом и Лаврентием, каждый из которых считал себя папой, он предложил решить это дело собору епископов. Но епископы сочли невозможным судить того, кого считали выше себя, и отказались решать дело, предоставив его «суду Божьему».

Первые конфликты

Восточная и Западная церкви долго считались единым целым, хотя не были такими на деле. К IV веку Западная церковь перешла с греческого на латынь, а к IX веку полностью перестала зависеть от восточных императоров. На протяжении нескольких столетий у нее были другой язык, другая жизнь, другие проблемы, другая политика. Отношение Церквей друг к другу тоже было разным. Запад все это время поневоле интересовался тем, что происходит на Востоке, потому что сам был разрушен варварами, а Византия оставалась сильной державой, от которой часто напрямую зависел Рим. Там сосредоточилась вся культура, в том числе и богословие. Еще важнее было то, что римская кафедра с самого начала претендовала на первенство в Церкви и старалась влиять на всю полноту церковной жизни. Ее не смущало, что Римская церковь порой имела довольно смутное представление о том, что происходило на Востоке. Рим хотел вмешиваться во все, но очень часто не понимал, во что вмешивается.

Восток, в отличие от Рима, был самодостаточен, он безразлично относился к Западу и не интересовался его жизнью. Его волновали только свои интриги, споры и императорский двор. Рим был окраиной империи, о которой вспоминали в тех случаях, когда для решения внутренних споров требовалась внешняя поддержка. К тому, что Западная церковь стремилась властвовать над Восточной, Византия относилась равнодушно. На Востоке считали идею папства несерьезной. В конце концов каждый крупный епископ возвышал свою кафедру и настаивал на своей древности, авторитете и особых правах. Это и на Востоке было делом обыкновенным. Поэтому на претензии пап здесь обращали мало внимания. Когда надо было привлечь Рим на свою сторону, ему подыгрывали и восхваляли его величие в самых красочных выражениях, но, когда необходимость в этом пропадала, равнодушно от него отворачивались и забывали до следующего раза.

Первые трения и разногласия между западной и восточной ветвями Церкви появились очень рано. Рим вступал в споры «с позиции силы» еще в начале христианства. Обращение Климента с увещанием к Коринфской церкви в конце I века несло печать нравоучительной авторитарности: папа писал как

«власть имеющий», как тот, кого следует слушать. Сто лет спустя папа Виктор попытался отчитать восточные церкви за неправильное празднование Пасхи, но получил отпор от эфесского епископа Поликарпа.

Еще через полвека отношения омрачила ссора между папой Стефаном и Киприаном Карфагенским. Киприан сначала полностью поддерживал Рим: «Один есть Бог и один Христос и Церковь одна; и кафедра, основанная, по слову Господа, на камне, тоже одна». Но этого мнения он держался только до тех пор, пока не произошла стычка с папой по вопросу о перекрещивании еретиков, на чем настаивала Карфагенская церковь и что полностью отвергала Римская. Недовольный Киприан стал утверждать, что Стефан не имеет права считать себя «епископом епископов»: «Петр, которого первого избрал Господь и на котором основал Свою Церковь, ничего нагло не присваивал себе и не говорил с высокомерием, что ему, как первоизбранному, должны повиноваться новички и последующие».

В IV веке произошла крупная размолвка Запада и Востока по делу Афанасия Великого. Преследуемый властями, он бежал из Александрии в Рим и предупредил папу Юлия, чтобы тот не признавал нового александрийского епископа, захватившего власть с помощью военной силы. Когда Юлий потребовал у восточных иерархов объяснений, они ответили, что тот не должен вмешиваться в дела Восточной церкви, так же как Восточная не вмешивается в дела Западной. Епископ Рима ничем не лучше всех других; и вообще, христианское учение пришло с Востока на Запад, а не наоборот. Пожалуй, это был единственный ясный и твердый ответ Востока на притязания папства, который больше потом уже никогда не повторялся. Дело Афанасия решилось без вмешательства папы, и спор затих.

Во время арианской смуты Рим повысил свой авторитет тем, что оказался единственной крупной кафедрой, не замешанной в этой ереси. Он всегда стойко держался православной позиции. Поэтому восточные отцы часто обращались к его авторитету в борьбе с арианством. Однако Рим сильно разочаровал восточных епископов, когда, не разобравшись в тонкостях богословия, встал на сторону еретика Павлина, а не православного Мелетия. Это был первый разрыв, когда прекратилось общение между Восточной и Западной церквями. Он длился 55 лет, с 343 по 398 год, когда отношения были восстановлены усилиями Иоанна Златоуста.

Лев Великий

Дальше отношения церковей строились по тому же образцу. Попытки вмешательства Рима в дела Восточной церкви встречали там отпор, но сама Восточная церковь бросалась за помощью к папе, когда ей приходилось трудно.

Когда папские легаты прямо объявляли о претензиях Рима, восточные отцы делали вид, что их не понимают, деликатно замалчивали бестактные замечания или пропускали их мимо ушей, как в хорошем обществе стараются не замечать грубых и неловких выходок невоспитанных людей. Так, во время спора Кирилла Александрийского с Несторием легаты ясно заявили, что прибыли не разбираться, а судить от лица преемников апостола Петра, который есть «князь и глава апостолов, столп веры и основание Церкви». Кирилл на это ничего не возразил и сделал вид, что принимает их как представителей Западной церкви вообще, а не римского папы.

Лев Великий, яркий идеолог папизма, четко определивший его основные принципы, в отношениях с Востоком вел себя очень осторожно. Он обжегся на этой проблеме еще в начале своего правления, когда Евтихий, низложенный Флавианом Константинопольским за ересь, обратился к нему за помощью и он, не разобравшись, взял его под свою защиту. Флавиану пришлось разъяснить папе, что Евтихий — еретик, осужденный собором.

Лев не присутствовал на Халкидонском соборе, сославшись на то, что это «не согласно с установившимися обычаями». Действительно, ни на одном из вселенских соборов не было пап — они присылали вместо себя легатов. Это создавало для римского епископа особый статус: он не был на соборе одним из патриархов, равным среди равных, а представлял себя легатами, как бы возвышая себя над остальными патриархами. Выглядело это так же, как если бы сейчас президент страны не считал бы возможным приезжать на встречу министров иностранных дел, поскольку они ниже его ранга, а посылал бы своих министров. Восточные отцы словно не замечали, к чему это ведет: их волновали только интересы текущего момента. Папы, наоборот, настойчиво и последовательно проводили свою линию.

На Халкидонском соборе Льва превозносили до небес. В нем, авторе томоса, где был твердо отчеканен догмат о двух природах во Христе, видели оплот православия. Даже Евтихий на соборе был официально осужден не за ересь, а за то, что посмел анафемствовать папу Льва. В документах, зачитанных на соборе, обращались прежде всего к папе и потом уже к участникам собора. Там были и такие фразы: «Ты в лице своих наместников управлял нами с благосклонностью, как глава членами». Томос Льва был безоговорочно принят и утвержден собором. Осуждение Диоскора вообще составили в такой форме, о какой только могли мечтать будущие католики: «Святейший и блаженнейший архиепископ великого и древнего Рима Лев, через нас и через сей святыи собор, в единении с блаженным апостолом Петром, который есть краеугольный камень Кафолической Церкви и основание православной веры, лишает Диоскора его епископства и всего священного достоинства». Написано словно под диктовку римских легатов.

Казалось бы, папа мог торжествовать: еще немного, и власть Рима на Востоке станет явной и общепризнанной. И вдруг на том же соборе зачитали 28-е правило, которое гласило, что константинопольский патриарх имеет равные права с римским.

Возмущенные легаты выразили свой протест и демонстративно покинули заседание. Но 28-е правило было принято без них. Тогда они попытались его опротестовать, заявив, что претензии Константинополя незаконны. В доказательство они прочитали 6-е правило Никейского собора «Да хранятся древние обычаи», где в конце была сделана прибавка: «Римская церковь всегда имела первенство». Когда подняли архивы, выяснилось, что в оригинальных правилах такой прибавки нет. Вопрос на этом закрыли.

Однако собор ни слова не сказал о том, что папа Лев поступает неправильно и что его требования не обоснованы. Все было подано так, будто бы легаты сами ложно поняли папу, который вовсе не хотел, чтобы его считали главой всей Церкви. Наоборот, отцы собора выразили уверенность, что папа будет рад возвышению Константинополя, потому что Константинополь — это второй Рим, а почет второму Риму возвышает и первый.

Разумеется, Лев Великий наотрез отказался принимать правило, уравнивавшее его в правах с константинопольским патриархом. Он писал резкие письма императору, императрице

и патриарху Анатолию, возмущаясь гордыней и честолюбием константинопольского епископа, который превозносит сам себя, нарушая церковный мир. Восточная церковь отвечала в своем обычном стиле, демонстрируя уступчивость и уклончивость, которые Запад принимал за слабость. Патриарх Анатолий писал в униженном тоне, как слуга господину, оправдываясь и стараясь умиловать разгневанного владыку. Никаких возражений о том, что Лев вообще не имеет права претендовать на верховное положение в Церкви, высказано не было. Примерно в том же духе отвечал и император. Однако 28-е правило осталось в силе. Недовольный Лев пытался замолчать решения собора, но император Маркиан потребовал, чтобы он прямо высказал свое к ним отношение, и Льву пришлось одобрить Халкидонский собор, включая 28-е правило. Лев постарался придать этому такой вид, что он милостиво одобрил просьбу Константинополя о предоставлении ему дополнительных прав.

Схизма Акакия

Второй раскол, длившийся 35 лет, получил название «схизмы Акакия». Константинопольский епископ Акакий сочувствовал монофизитам, но сохранял видимость своего православия. Он не поддерживал общения с антиохийским патриархом Петром Гнафевсом, ярим монофизитом, но общался с умеренным монофизитом Петром Монгом, александрийским папой. Именно общение с Петром Монгом и признание его епископом Александрии скомпрометировали Акакия в глазах Рима. Главным критерием православия тогда было отношение к энотикону императора Зенона. Энотикон означал фактический откат от решений Халкидонского собора, и те, кто его поддерживал, могли с полным основанием считаться монофизитами. Петр Монг энотикон поддерживал, а Акакий признавал его епископом: для Рима это было достаточно, чтобы обвинить Акакия в ереси и отлучить от Церкви. Папа Феликс II написал: «Знай, что по суду Св. Духа и апостольского авторитета ты никогда не будешь изъят из уст анафемы» (484 год). Так возник новый разрыв отношений между Римом и Константинополем. Он не был ликвидирован и после смерти Акакия, хотя его преемники Македоний и Евфимий были чистыми православными.

ми и боролись с монофизитами. В Риме считали, что преемник еретика, если он публично от него не отрестился (чего в отношении Акакия сделано не было), — еретик.

После прихода к власти императора Юстина монофизитство на Востоке было побеждено или, скорей, отдалилось: монофизитские провинции попросту отпали от Восточной империи и перестали быть ее частью. В 519 году послы папы Гормизды торжественно прибыли в Рим, чтобы принять покаяние Константинопольской церкви и восстановить в ней православие. Патриарх Константинопольский подписал привезенную ими уничижительную грамоту, в которой среди прочего говорилось: «Нельзя пренебрегать словом Господа нашего Иисуса Христа, говорящего: ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь мою (Мф. 16, 18). Эти слова подтверждаются совершением событий: потому что апостольский престол (то есть Рим) всегда хранит кафолическую веру ненарушимую. Итак мы, желая не отпадать от сей веры и во всем следуя установлениям отцов, анафематствуем все ереси». По требованию послов из диптихов вычеркнули не только Акакия, но и Македония с Евфимием. Впрочем, потом последние двое были потихоньку «восстановлены в правах» и даже причислены к лику святых.

Вселенские патриархи и императоры-иконоборцы

Следующее столкновение произошло между константинопольским патриархом Иоанном Постником и папой Пелагием II. Пелагий возмутился, что константинопольский патриарх в некоторых документах именуется «вселенским». То же самое разгневало преемника Пелагия папу Григория Великого. Он решил, что это проявление гордыни, честолюбия и превозношения. Если один епископ вселенский, то все остальные, значит, не вселенские, поскольку вселенная одна.

Григорий велел прекратить общение с Иоанном Постником своему представителю в Константинополе и разослал возмущенные письма императору, императрице и трем главным патриархам — самому Иоанну Постнику, Евлогию Александрийскому и Анастасию Антиохийскому. Ему ответили в том духе, что ни к чему поднимать шум из-за пустяков: титул «вселенский» — просто знак уважения, самого Григория они тоже называют и готовы называть вселенским. Григорий настаивал,

что все епископы равны и титул «вселенский» должен быть упразднен. Только при преемнике Иоанна Кириаке Константинопольской церкви удалось частично примириться с Римской: схизма продлилась пятнадцать лет.

Но споры из-за слова «вселенский» продолжались и дальше. Оно задевало римских епископов за живое. Папа Адриан I в 785 году писал императрице Ирине, что, если константинопольский патриарх именуется вселенским, значит, он ставит себя выше всех епископов, в том числе — что совсем уж недопустимо — выше римского папы. Вывод: кто называет себя вселенским, тот чужд православной веры.

Папа Николай I в IX веке заявил, что существуют только три настоящих патриарха: Римский, Александрийский и Антиохийский, а другие два, Константинопольский и Иерусалимский, всего лишь почетные звания. Ведь константинопольская кафедра не была основана никем из апостолов и даже не упоминалась на Никейском соборе, поскольку в то время Константинополь едва успел появиться на свет (в 330 году).

Еще один мощный удар по единству Церкви нанесло иконоборческое движение в Византии. Иконоборство Льва Исавра и его преемников отталкивало православный Запад и увеличивало разрыв между ним и Восточной церковью. Прежние ошибки повторялись заново: как только императоры начинали грубо и насильственно вмешиваться в религиозные вопросы, это приводило к новым расколам и наносило ущерб государству. Лев Исавр и его сын Константин Копроним фактически собственными руками оторвали от себя Рим. Отказавшись защитить Италию от лангобардов, они заставили пап обратиться за помощью к франкам, которые стали новыми светскими покровителями Римской церкви, заменив Византию.

Еще больше римлян раздражало то, что Лев Исавр своей властью отобрал у Рима традиционно принадлежавшие ей епархии на Балканах и юге Италии и передал Константинополю. Этим он заложил в отношениях Запада и Востока бомбу замедленного действия, которая взорвалась при патриархе Фотии.

Кто такие вселенские патриархи

Все епископы, по сути, равны между собой: при хиротонии они получают одну и ту же благодать и одинаково служат Богу. На всех вселенских соборах патриархи подписывались как еписко-

пы. Только с Четвертого собора (451 год) появляется титул архиепископа, а позже — и патриарха. К VII–VIII векам титул патриарха стал повсеместным и общепризнанным.

Термин «вселенский» сначала мелькал время от времени в неофициальных документах для выражения особой почительности: так, например, на Разбойничьем соборе называли Диоскора, а на Халкидонском — Льва Великого. Считается, что он появился по аналогии с титулом византийских императоров: «господин вселенной». Позже он привился и стал обычным прибавлением к званию константинопольских и римских патриархов. Вселенский — значит стоящий в центре вселенной, а таких центров было два — Рим и Константинополь.

Михаил Пьяница и Варда

Церковные неурядицы происходили параллельно неурядицам политическим, взаимно дополняя и влияя друг на друга. Византийский престол один за другим занимали малоприятные и малоодаренные правители, приносившие государству больше вреда, чем пользы. После последнего императора-иконоборца Феофила его жена Феодора правила от имени своего малолетнего сына Михаила. У нее был старший брат по имени Варда, человек амбициозный и стремившийся к власти. Когда Михаилу исполнилось шестнадцать лет, Варда уговорил его свергнуть свою мать и заточить ее в монастырь. Так на трон вошел Михаил III, получивший прозвище Пьяница.

Михаил хотел только веселиться и наслаждаться жизнью. Государственные дела его не интересовали. Он увлекался охотой, устраивал маскарады и конные ристалища. Больше всего он любил развлечения на ипподроме и сам участвовал в состязаниях на колеснице на стороне «голубых». Однажды, когда на ипподром прибежал посланец с известием, что арабы вторглись в страну и опустошают византийские провинции, император возмущенно воскликнул: «Как ты смеешь, беспокоить меня своими разговорами в такой важный момент!» Говорили, что после этого он приказал сломать световой телеграф, с помощью которого столица получала новости с границ, — чтобы впредь ничто не отвлекало его от развлечений.

Деньги из казны текли рекой на устройство пьяных оргий, где император награждал золотом самых развратных и изобре-

тательных собутыльников. Часто эти развлечения были богохульными и кощунственными. Михаил с друзьями устраивали шутовские процессии и мистерии, подражая церковным обрядам. Роль патриарха исполнял любимец базилиевса Феофил по прозвищу Поросянок (Грилл). Встречаясь на улице с настоящими священниками, они осыпали их насмешками и руганью, а прохожих «причащали» горчицей и уксусом. Покидая дворец ради развлечений, император сажал на трон статую Пресвятой Девы, чтобы она правила вместо него. Михаил пародировал даже самого Христа, вламываясь вместе со своей компанией в дома горожан и требуя ночлега для своих «апостолов».

Вместо базилиевса страной правил Варда, и правил хорошо. Благодаря его заслугам в Византии началось культурное и политическое возрождение. Варда сумел отразить нашествие руссов и разгромил армии арабов и павликиан. Покровительствуя наукам и искусствам, он создал университет в Магнаврском дворце, где изучали «семь свободных наук», а также юриспруденцию, медицину, философию и богословие. Университетом руководил знаменитый ученый Лев Математик, в его стенах учились такие выдающиеся люди, как Константин Философ и Фотий. Впоследствии Константин Философ был послан в Моравию (современная Чехия) и стал известен под именем св. Кирилла, как создатель вместе с братом Мефодием славянской азбуки — глаголицы и кириллицы.

Игнатий и Фотий

После того как императора Михаила I Рангаву заточили в монастырь, его сын Никита был осклопен и принял монашество под именем Игнатия. Он прожил в монастыре 33 года, славясь своими аскетическими подвигами, пока в 846 году, в возрасте 47 лет, не был неожиданно призван императрицей Феодорой на патриаршество.

В церковной истории в очередной раз повторился сюжет, который многократно разыгрывался раньше. В развращенный Константинополь приехал строгий монах-аскет, который уже при посвящении в сан поразил всех своей суровостью. По каким-то причинам Игнатий приказал удалиться из церкви епископу Сиракуз Григорию Асвесте, который участвовал в церемонии. Такой поступок был крайне оскорбителен для

чести епископа. Григорий в гневе бросил свечи, которые держал в руках, обозвал Игнатия «волком» и вышел из храма вместе с дружественными ему епископами.

Не менее резко Игнатий поступил с всесильным Вардой, который, по слухам, не отличался высокой нравственностью и состоял в связи с вдовой своего сына. Игнатий порицал его за эту связь и в праздник Богоявления в храме публично отказал ему в причастии. Позже патриарх проявил незаурядную смелость, отказавшись выполнить приказ Михаила Пьяницы и насильно постричь в монахини его мать Феодору и нескольких сестер. Все это привело к тому, что он впал в немилость и Варда принудил его отказаться от сана. Вскоре после отречения Игнатий передумал и снова объявил себя патриархом, запретив Церкви совершать какие-либо священнодействия без своего участия, но на константинопольскую кафедру уже успели избрать Фотия. Поскольку Фотий был мирянин, ему пришлось за шесть дней пройти все ступени церковной иерархии от чтеца до патриарха. Для Церкви это было примерно то же самое, как если бы в армии новобранец за неделю превратился из рядового в фельдмаршала.

Новый патриарх происходил из знатной семьи (его брат был женат на сестре императрицы Феодоры), имел высокий чин протоспафария и занимал важную должность протоаскриты — начальника царской канцелярии. Еще будучи мирянином, он считался выдающимся богословом и написал свою знаменитую «Библиотеку». Фотий в совершенстве знал грамматику и диалектику, толковал учение Платона об идеях и категории Аристотеля, был выдающимся юристом, принимавшим участие в создании нового правового кодекса «Номоканона», а о его познаниях в медицине говорит тот факт, что он лично готовил лечебные зелья для друзей и считался среди них чуть ли не вторым Гиппократом и Галеном. Фотий был отличным преподавателем: он не навязывал ученикам своих мнений, а рассматривал вопрос с разных углов и предоставлял им сами делать выводы, радуясь, если кто-то из них находил лучшее решение, чем предлагал он сам. Ученики его обожали; когда по государственным делам он отлучался в императорский дворец, они часто толпились возле его дома, дожидаясь его возвращения. Сам Фотий высоко ценил знания и стремился к мудрости, которая, по его словам, должна понимать «причины вещей и не на поверхности только оставаться,

но проникать до внутреннего, до глубины того, что подлежит исследованию».

Ученость Фотия поражала современников и казалась чем-то сверхъестественным. Его называли божественным, треплаженным, равноапостольным, «великим вселенским учителем», «устами теологии», чудом времен нынешних и будущих, светоносным мужем, чье имя наполняет все библиотеки и испещряет все листы церковной истории. Враги Фотия недвусмысленно намекали, что свои познания он получил от дьявола. Симеон Магистр писал, что еще в юные годы Фотий отрекся от Христа и за это получил от некоего колдуна-еврея всю «эллинскую мудрость». Говорили, что даже во время литургии он бормотал вместо молитв стихи греческих поэтов.

Фотий был полной противоположностью Игнатию. На место монаха и ревнителя веры, для которого «икономия» была синонимом ереси, пришел профессор университета, ученый и политик, сдержанный и благоразумный, старавшийся действовать только мягкостью и уговорами. Игнатий был монах, а Фотий — мирянин, никогда не занимавший никаких церковных должностей. Игнатий всю жизнь провел в монастыре, а Фотий вращался в высших кругах власти и был крупным дипломатом и чиновником.

Неудивительно, что взгляды на Церковь у них тоже были совершенно разные. Игнатий был главой монашеской партии, ярко проявившей себя еще при Феодоре Студите. Превыше всего он ставил монашество, готов был сражаться насмерть с любым отклонением от церковных правил и во всех своих действиях проявлял неумную горячность и максимализм. Для спасения ему и его сторонникам были нужны только молитвы и аскеза, и большая ученость Фотия казалась им подозрительной и почти еретической. «Вопреки евангельскому изречению: “Кто хочет быть мудрым, да будет неразумным в веке сем”, Фотий утвердил свое сердце и ум на гнилом и песчаном основании светской мудрости», — писал один из его противников.

Фотий пытался преодолеть эту неприязнь дружелюбием и почтительностью. Он написал низложенному Игнатию письмо, где говорил, что будет почитать его как отца, но игнатиане сочли это лицемерием и хитростью. К тому же положение Игнатия в ссылке было хуже некуда: его постоянно мучили, избивали до полусмерти, вышибли зубы, морили голодом,

держали то в козьем хлеву, то в церковном склепе. В конце концов его сторонники создали в Константинополе собор, на котором низложили Фотия, и обратились с письмом к римскому папе, называя его «патриархом всех кафедр» и призывая навести порядок в Церкви.

Первовторой собор

В Риме письмо игнатиян пришлось очень кстати. Папа Николай Великий был горячим и ревностным сторонником первенства римской кафедры. Именно он ввел в практику так называемые «Лжеисидоровы декреталии»: сборник поддельных постановлений Римской церкви, написанный от имени св. Исидора. В этом документе декреты и указы Рима, реально существовавшие в прошлом, были искажены таким образом, чтобы доказать особые права римских пап как абсолютных правителей Вселенской Церкви. Таким образом, «исторически» подтверждалось, что римский епископ — глава всех христиан, стоит выше вселенских соборов и не подлежит ничьему суду.

Николай объявил избрание Фотия неканоничным: во-первых, потому, что это произошло при живом патриархе Игнатии; во-вторых, потому, что он был избран сразу из мирян. Конечно, на эти обвинения можно было привести много возражений. Игнатий сам отрекся от патриаршества, поэтому Фотий имел право быть избранным. Светских людей и раньше избирали в патриархи, никто их за это не отлучал, и из них получались хорошие пастыри (Амвросий Медиоланский, Нектарий, Тарасий, Никифор). Сам Рим не возражал против избрания того же Никифора, так что же изменилось теперь?

Но папе было важно доказать свое первенство. Он послал в Константинополь своих легатов и потребовал созвать собор, чтобы разрешить спор между Фотием и Игнатием. Здесь с его предложением охотно согласились, но придали ему совсем не тот поворот, на который рассчитывал папа.

Константинопольский собор, известный как Первовторой или Двукратный, открылся в церкви Св. Апостолов в мае 861 года. Мнения о его названии расходятся; вероятней всего, он считался продолжением более раннего собора 858 года, проходившего в той же церкви и тоже занимавшегося низложением Игнатия. В соборе участвовало 318 епископов, в том

числе легаты папы Захария Ананийский и Родоальд Портский, а также император Михаил и кесарь Варда.

Игнатий направился на собор в полном облачении патриарха, сопровождаемый клириками и народом, но на улице его остановил императорский сановник Иоанн Кокс и от имени императора потребовал переодеться в простую монашескую одежду. Игнатий повиновался. В церкви его посадили на простую деревянную скамью и сразу осыпали обвинениями. Участники собора стали доказывать, что он не епископ, потому что был избран неканонично, и потребовали, чтобы он сам это признал. Игнатий ответил, что если он не епископ, то и Михаил не царь: ведь это он благословил его на царство.

По обычаю, на суде против епископа должно было выступать не меньше 72 свидетелей. Они быстро нашлись и явились на собор: люди самых разных сословий, от ремесленников до придворных. Все единогласно заявили, что Игнатий стал патриархом неправильно, потому что это сделала императрица Феодора своей волей, а не по постановлению собора. По тридцатому апостольскому правилу епископ, поставленный на кафедре светской властью, лишался сана и отлучался от Церкви.

Игнатий был осужден собором, а Фотий признан законным патриархом. Легаты с этим согласились, вопреки желанию папы. Возможно, подействовали обаяние и сила убеждения Фотия, но игнатиане говорили, что легатов просто подкупили, а папа Николай — что их запугали.

Игнатий не принял решения собора и обратился с апелляцией к папе. Посланники Игнатия расписали Фотия в черных тонах, заверив, что в Константинополе творятся всяческие беззакония и бесчинства. Когда легаты вернулись в Рим, разгневанный папа Николай осудил их и назвал Первовторой собор Разбойничьим. Он немедленно собрал свой собор в Латеранском дворце в Риме и низложил Фотия.

Читайте в приложении: Дело Лотаря

Переписка Николая с Фотием и Михаилом

После Первовторого собора Фотий отправил папе миролюбивое письмо, где объяснял, что стал патриархом не по своей воле и что в Константинополе нет правила, запрещаю-

щего возводить в патриархи мирян. Папе не стоит осуждать восточных епископов и навязывать местные римские правила всей Церкви. Фотий указал на множество расхождений в обычаях разных Церквей и призвал относиться к этому терпимо. «Одни бреют и стригут бороды сообразно с местными обычаями, а другим это запрещено соборными постановлениями... В Риме ни один священник не может жить в законном браке, но мы научены только единобрачных возводить в священники». Константинопольская церковь тоже могла бы потребовать от Римской соблюдения ее правил и обычаев, но она этого не делает, уважая ее честь и достоинство. Так пусть и Рим поступает так же.

Папа ответил письмом, в котором ясно выразил идею превосходства Римской церкви: «И да утверждается истина, что св. Римская церковь, через св. Петра, князя апостолов, сделалась и есть глава всех Церквей и что от нее зависит ненарушимое и непоколеблемое удержание порядка и управление во всех церковных делах, ее должны вопрошать об этом и следовать ее голосу. Поэтому все, что утверждается авторитетом римских первосвященников, все это должно твердо и неприкосновенно содержаться и никакое своеволие не должно иметь здесь места». То, что Восточная церковь не хранит у себя папских декретов, — нерадение, а то, что не соблюдает, — непростительная дерзость.

С формальной стороны папа был прав: Игнатия низложили, а Фотия возвели на престол по капризу императора (точнее, Варды). Дело было не в том, что Фотий стал патриархом из мирян, а в том, что его поставили на кафедру светские власти, а не церковные, которые только подтверждали то, что хотели базилиевсы. Папа писал Михаилу III: «Мы не можем равнодушно переносить того, что Игнатия, ни в чем не повинного, низлагаете, осуждаете и изгоняете, а Фотия из мирского состояния возводите на его место в епископы».

Фальшь этого упрека была в том, что он относился вообще к отношениям Церкви с государством, а не лично к Фотию или Игнатию. Если бы Николай хотел истины, он поставил бы этот вопрос ребром и отнес его прежде всего к императору, а потом — ко всей Восточной церкви (точнее, к Церкви вообще). Но Николай использовал формальную правоту только как повод утвердить свою власть в Церкви. Ему не было нужно, чтобы константинопольские патриархи были независимы

от императоров: ему было нужно, чтобы они зависели от Рима. Его идея была в том, что все неурядицы и нарушения происходят потому, что греки не слушают римских пап, твердых гарантов православия и всяческого порядка. «Мы хотим, чтобы церковь Константинопольская, по давнему обычаю, прибегала к церкви Римской и таким образом сохранялась невредимой, без порока, без преткновений, без нарушений правил».

Болгары и филиокве

К взаимному недовольству Западной и Восточной церквей добавили свою лепту события в Болгарии. При Фотии русские племена, наводившие ужас на Византию своими набегами, крестились от византийцев и превратились из их заклятых врагов в союзников (так называемое «первое крещение Руси»). То же самое произошло и с болгарами. В 864 году царь Борис принял христианство от Византийской церкви, но вскоре, недовольный тем, что Константинополь не давал Болгарской церкви независимость — автокефалию, — решил перейти под власть Рима.

Началась миссионерская борьба между Римской и Греческой церковью, во время которой огромные области и целые страны переходили с одной стороны на другую и обратно. Так было в Моравии, Болгарии, Сербии. Каждая из двух Церквей старалась взять их под свою юрисдикцию и насадить свой язык и свои традиции. Действия одной вызывали гнев и возмущение другой. Фотий называл папских миссионеров «нечестивыми и гнусными» и говорил, что они как безжалостный град и дикие вепри вытаптывают «виноградник Господень». Происходило это, по его мнению, потому, что латиняне уклонялись от правильного пути, а «даже малейшее отступление от преданий приводит к полному презрению к догматам». Фактически обе Церкви уже воевали друг с другом, хотя еще сохраняли формальное единство.

Вмешательство византийцев в дела Моравии, всегда относившейся к Римской церкви, и римлян в дела Болгарии, на которую претендовал Константинополь, привело к церковному и государственному конфликту. Император Михаил потребовал от папы Николая отменить решение о низложении Фотия. Сам Фотий выступил еще более смело, обвинив Рим в отходе

от православного вероучения. Ключевым в новом споре стал вопрос о филиокве — исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына.

По-латыни *filioque* буквально значит «и сына». Слово это взято из добавления, сделанного латинской Церковью в Никео-Цареградский символ. В его тексте сказано: «верую в Духа Святого, иже от Отца исходящего». Римская церковь позже вставила сюда слово «филиокве»: *qui ex patre filioque procedit* (иже от Отца и Сына исходящего). Появилась эта вставка довольно рано, но долгое время не была обязательной и не принималась как догмат.

На Востоке мнение о том, что Св. Дух исходит и от Отца, и от Сына, никогда не принималось. С удивлением узнав о том, что оно популярно в Римской церкви, Восточная церковь в 767 году отправила посольство на Запад специально для разъяснения этого вопроса. Был созван собор в Жантильи, но никаких документов о нем не сохранилось, как и сведений о принятых там решениях. Видимо, тогда эта проблема не стояла остро. Однако после этого на Западе появилось много книг, защищавших филиокве. В начале IX века франкский король Карл Великий ввел его в свое богослужение и предложил папе Льву III включить его в Символ веры. Папа ответил, что считает это правильным, но не хочет изменять Символ, освещенный традицией и временем. Тем не менее к середине IX века филиокве на Западе уже начало восприниматься как догмат.

Фотий узнал об этом, когда столкнулся с миссионерством латинян в Болгарии, и обвинил Рим в ереси. В 867 году Михаил III созвал собор в Константинополе, в котором участвовало 500 епископов. Собор отлучил папу Николая от Церкви. На нем были осуждены учение о филиокве и все неправильные, с точки зрения Востока, моменты в римском богослужении и церковном устройении: пост по субботам, сокращение продолжительности Великого поста, обязательный celibат для священников, — а также вмешательство Рима в дела Восточной церкви.

Вопросы болгарского царя Бориса римскому папе

Можно ли принимать баню по средам и пятницам (то есть в постные дни), причащаться без ремней и есть животных, убитых евнухом? Каких животных и птиц есть можно, а каких нель-

зя? Можно ли работать и вступать в интимную связь по воскресеньям? Что делать, если враг напал на нас во время Великого поста или посреди молитвы? Как поступать с трусами, предателями и дезертирами? Должен ли государь как христианин прощать воров, убийц и других преступников? Допустимо ли предоставлять им убежище в церкви? Казнить ли идолопоклонников? Заставлять ли их обращаться в христианство? Что делать, если одно христианское государство идет войной на другое? Можно ли использовать гадания, амулеты, магические камни, наговоры и чары против врага?

Василий Македонянин, друг Рима

Вскоре в Константинополе произошел очередной переворот, резко изменивший положение Фотия. К власти пришел Василий Македонянин, неграмотный крестьянин, конюх, которого император приблизил к себе из личной симпатии, восхищенный его красотой и физической силой. Василий угодил царю тем, что сумел победить в схватке знаменитого борца-болгарина и укротить могучего коня, подаренного Михаилу. Это был природный авантюрист и любимчик женщин, пользовавшийся расположением сестры императора Феклы и многих других богатых аристократок. Особенно сильно Василием была увлечена «пелопоннесская царица» Данилида, которая владела половиной Греции и без счета осыпала его деньгами.

Михаил заставил Василия развестись с женой Марией и женил его на своей любовнице Евдокии Ингерине, дочери варяга из царской гвардии. Поскольку император продолжал делить с ней ложе, они образовали скандальный тройственный союз, вызывавший много пересудов при дворе. Все больше привязываясь к своему фавориту, базилевс сделал его официальным соправителем. Так как сыновей у Михаила не было, Македонянин стал его единственным законным наследником. Варда по этому поводу заметил, что они пустили во дворец льва, который всех сожрет.

И верно: Василий не стал терпеливо дожидаться своей очереди на трон. Он начал с того, что убил всесильного Варду, обвинив его в измене и зарезав во время военного похода прямо в царской палатке, на глазах императора. Этот по-

ход был специально устроен для того, чтобы выманить Варду из Константинополя и лишить его поддержки своих сторонников. В последний момент Варда понял, что происходит, и бросился Михаилу в ноги, моля о спасении, но базилевс только молча смотрел, как его дядю в буквальном смысле рубят на куски.

Позже Василий расправился и с самим Михаилом, когда тот спал после попойки. Хитрый фаворит все продумал заранее: во время обеда он незаметно сломал на дверях все замки (голыми руками, поскольку был очень силен), чтобы царь не мог запереться в спальне, а на следующую ночь взял с собой семь человек и тихо вошел в комнату. Император успел проснуться и пытался защищаться, но убийцы отсекали ему обе руки. Залитый кровью Михаил корчился в агонии, осыпая Василия проклятиями, пока заговорщики не добились его ударом в живот. Вывалившиеся внутренности императора они аккуратно завернули в конскую попону.

Рим доволен

При Василии Македоняnine отношения с Римской церковью развернулись в противоположную сторону. Ради блага государства император решил заключить союз с Римом. Фотий, служивший для этого главным препятствием, был заключен в монастырь, и патриархом снова стал Игнатий. Император отправил новому папе Адриану II почтительное письмо, в котором писал, что Фотий низложен за проступки против истины и «вашего св. первосвятительства», и просил совета и помощи в том, как ему обустроить Константинопольскую церковь. «Итак, отец духовный и божественно чтимый первосвященник, ускорь исправление Церкви нашей и через борьбу с несправедливостью даруй нам обилие благ». В том же духе писал и Игнатий, называя папу «князем апостолов» и «высшим пастырем», «божественным и святым первосвященником», обладающим властью вершить все церковные дела.

В Рим было отправлено византийское посольство, которое привезло список с деяниями Фотиевого собора 867 года. Один из членов посольства, митрополит Иоанн, на глазах у папы бросил этот список на землю, объявив, что его сочи-

нил «служитель сатаны Фотий, новый Симон (Волхв), изобретатель всякой лжи». Другой посол, спасафарий Василий, растоптал документ ногами и проткнул его мечом, утверждая, что в нем сидит сам дьявол.

В 869 году папа Адриан созвал в Риме собор, где Фотия называли «подражателем Люциферу», который «свой язык изощрял, по подобию змия, против неба, против верховной папстырской власти, врученной от Бога св. Петру». Было решено предать Фотиев собор анафеме, а вместе с ним и всех, кто в нем участвовал и не отрекся от его решений. Правда, под актами нечестивого собора стояла подпись самого императора Василия, но проблему быстро решили, объявив подпись подложной, а Василия — благочестивым и православным императором. По окончании заседаний деяния Фотиева собора торжественно сожгли во дворе, причем каждый из епископов предварительно растоптал их ногами. Свидетели уверяли, что акты, несмотря на сильный дождь, горели очень быстро и при этом источали отвратительное зловоние. После этого Адриан написал императору письмо, в котором снисходительно хвалил его благоразумие: «Ты понял, какими ранами страдает церковь Константинопольская; ты понял ясно и то, что врачевать эти раны может только наша апостольская кафедра». В Константинополе и раньше было много недостойных папстырей, заключал папа, но римская кафедра всегда им помогала, указывая одним путь исправления, а другим протягивая руку помощи.

«Римский» собор в Константинополе

В этом же году, уже в самом Константинополе, по требованию папы Адриана созвали новый собор, который католическая церковь до сих пор считает Восьмым Вселенским, а православная не признает. Он проходил в храме Св. Софии, на просторных хорах, отведенных для молящихся женщин, и поначалу был очень малочислен: на первом заседании присутствовало всего двенадцать епископов, в том числе представители трех патриархий. Позже нашлось немало епископов, которые захотели к ним присоединиться, заявив, что они держали сторону Фотия только под давлением силы и даже пыток. На последнем заседании было уже 109 епископов и при-

существовали сам император, его сын Константин и множество придворных.

Прежде всего был решен вопрос с Фотием и его сторонниками. Вызванный на суд собора, опальный патриарх повел себя не только твердо, но и дерзко, посоветовав самим легатам покаяться в своих согрешениях. На него посыпался град обвинений и вопросов, на которые Фотий ответил молчанием, заявив, что если его привели сюда для поруганий, то ему нечего сказать. Когда легаты насмешливо заметили, что слышали о нем как о человеке красноречивом, и посоветовали говорить и защищаться, поскольку молчание не спасет его от осуждения, Фотий обронил, что молчание не спасло и Иисуса. Большинство сторонников Фотия вели себя так же, заявив, что не считают легатов своими судьями и не принимают решения римских пап. На одном из заседаний император Василий произнес речь и попытался лично переубедить приверженцев Фотия. Наконец, после долгих уговоров покаяться и исправиться — если не ради себя, то хотя бы ради его приверженцев, души которых еще можно спасти, — Фотий был не только низложен, но и отлучен от Церкви. «Фотию неопиту и тирану анафема! Схизматику и осужденному анафема! Прелюбодее и отцеубийце анафема!» — провозгласили отцы. Было зачитано стихотворение, написанное специально по этому случаю и высмеивавшее Фотия и его претензии на патриаршество. Акты собора подписали не обычными чернилами, а кровью евхаристии, то есть, по учению Церкви, кровью Самого Христа.

Покончив с Фотием, стали по очереди вызывать тех участников Фотиева собора, которые свидетельствовали, что Игнатий незаконно был избран в патриархи. Все каялись и говорили, что лжесвидетельствовали по приказу покойного императора Михаила III. На них наложили семилетнюю епитимию.

Затем вызвали участников кощунственных развлечений Михаила III с разыгрыванием шутовских процессий и т. п. Таких нашлось всего трое: они сказали, что царь заставил их в этом участвовать под страхом смерти или увольнения, а службу они оставить не могли, потому что им надо было кормить семьи. На них тоже наложили епитимии, на три года.

Собор принял несколько правил, по которым все клирики, посвященные Фотием, лишались своего сана. Запреща-

лось быстро возводить в церковные звания людей светских, как это произошло с Фотием. Было постановлено, чтобы оградить Церковь от вмешательства светской власти, что императоры и его представители не должны присутствовать при избрании епископов и вообще участвовать в каких-либо соборах, кроме вселенских. Епископам запрещалось униженно приветствовать царя и высокопоставленных вельмож, сходя с лошади и простираясь на земле, а вельможам и царям — принимать такие знаки поклонения.

На обратном пути в Рим на римских легатов напали славянские пираты и взяли в плен. Через год их удалось выкупить и вернуть домой, но подлинные акты Константинопольского собора, которые они везли в Рим, пропали бесследно.

Епитимия

Семилетняя епитимия для кающихся проходила в три этапа: «плачущих», «слушающих» и «стоящих в церкви». В первые два года «плачущие» не могли входить в церковь и должны были стоять во время службы за ее стеной. Затем они переходили в разряд «слушающих» и в течение двух лет могли стоять в церкви вместе с оглашенными, но лишались причастия. Последние три года «стоящие в церкви с верными» получали право на причастие, но только по церковным праздникам. В первые четыре года кающимся предписывался строгий пост: мясо и вино позволялись только по праздникам и воскресеньям. Потом пост смягчался: отказываться от вина и мяса следовало по понедельникам, средам и пятницам.

Ссора с Римом

Рим и папа могли торжествовать. Император, патриарх Константинополя и представители всех восточных патриархий безоговорочно признали главенство римского епископа над Церковью. Возможно, более мудрый и умелый папа смог бы закрепить этот успех и со временем превратить его в традицию, объединив две половины Церкви под своим началом. Но Адриан II не справился с этой задачей. Решив, что дело уже сделано, он повел себя слишком резко и грубо и настроил против себя и императора, и патриархов.

Разногласия возникли уже во время последнего собора. На одном из его побочных заседаний, проходивших в императорском дворце, разбирался вопрос о Болгарской церкви. Делегация болгар обратилась к собору с просьбой решить, к какой Церкви она должна принадлежать — Восточной или Западной? Разгорелась жаркая дискуссия, в которой греки проявили неуступчивость. Легаты заявили, что Болгария относится к Латинской церкви, и запретили восточным патриархам даже обсуждать этот вопрос, поскольку все решения могут приниматься только папой, а Греческая церковь обязана безоговорочно подчиняться его решениям. Греки раздраженно ответили, что римляне сами откололись от империи и предались франкам, а теперь еще хотят ставить своих епископов в исконно греческой земле. Легаты с возмущением назвали их гордецами и обратились к Игнатию, напомнив, что папа вернул его на кафедру и теперь он должен слушать его во всем. Игнатий уклончиво ответил, что не собирается оскорблять Римскую церковь и будет действовать по справедливости. Но когда дело дошло до конкретных решений, восточные патриархи настояли на своем и забрали себе Болгарию, невзирая на протесты легатов. Этот вопрос стал камнем преткновения, который снова рассорил Восток с Западом.

После собора Игнатий оказался в трудном положении: большинство духовенства было за Фотия и не собиралось переходить на его сторону. В Церкви возник дефицит кадров, поскольку многие члены клира были посвящены в сан Фотием или его сторонниками и по постановлениям собора оказались низложены и отлучены от Церкви. Игнатий написал папе Адриану, жалуясь, что ему не из кого поставлять священников, и прося совета и помощи. Адриан занял жесткую позицию: решение уже принято и менять его он не намерен. Греческая церковь должна сама разбираться со своими проблемами. Главное, что от нее требуется, — вернуть Болгарию. Папа раздраженно писал императору: «Соепископ наш Игнатий дерзнул посвятить предстоятеля в страну Болгарскую, чему мы удивляемся, а вы, со своей стороны, тому благоприятствуете, чему мы изумляемся», — и грозил отлучением Игнатию, если тот не откажется от своих прав на Болгарию.

Дискуссия продолжилась при преемнике Адриана Иоанне VIII. Император Василий, чувствуя разлад в Восточной церкви и надеясь на помощь папы, попросил его прислать

в Константинополь своих легатов. Иоанн согласился, выразив уверенность, что представители римской кафедры умиротворят «сварливую» Константинопольскую церковь и заодно разберутся со всем, что сделано против «преимуществ римской кафедры» и вопреки ее обычаям. Ведь император, конечно, не желает ничего другого, как «увеличивать славу церкви Римской». А для этого нужно прежде всего вернуть ей Болгарию.

Что касается Игнатия, то папа Иоанн буквально забросал его письмами, требуя немедленно отозвать из Болгарии греческих епископов. В третьем письме он принял угрожающий тон. «Уже дважды я письмами увещевал тебя, чтобы ты довольствовался Константинопольским диоцезом, который дан тебе в силу авторитета Римской кафедры, и пределов этого диоцеза не должна преступать нога твоя». Но Игнатий, продолжал он, заплатил неблагодарностью своей благодётельнице, Римской церкви, «со своим серпом вторгся на ниву другого, присвоил себе древнюю Римскую епархию в стране Болгарской. Уже за это ты вполне заслужил лишения церковного общения, но ради снисхождения мы в третий раз обращаемся к тебе письменно и увещеваем тебя». Иоанн потребовал, чтобы все присланные Игнатием епископы и их помощники были в тридцатидневный срок возвращены в Константинополь. «Если же в течение тридцати дней все, посвященные тобой или твоими епископами, не покинут страны и ты не откажешься от власти над страной, то спустя два месяца, начиная с получения этого письма, ты будешь отлучен от евхаристии и будешь оставаться в таком положении столько времени, пока наконец не послушаешься наших декретов. Но если же, несмотря и на это, пребудешь упорен и непокорлив, не сделаешь требуемого, то, по суду апостольского авторитета нашего лишишься своего патриархата и общения нашей любви и потеряешь все права священства».

Возвращение Фотия

Фотий в это время находился в ссылке, страдая от одиночества и отсутствия книг, которые отняли у него суровые тюремщики. Он писал, что теперь его жизнь хуже смерти и он предпочел бы умереть. Несмотря на это, он вел обширную переписку с верными ему епископами, из которых ни один —

историки отмечают это как удивительный и редкий факт — не отрекся от него и не перешел к Игнатию.

Василий тем временем пришел к убеждению, что интересы империи больше не связаны с Римом и что Рим — противник и соперник, а не союзник. Он поссорился с Людовиком II, который присвоил себе титул «римского императора», и был разочарован папой Иоанном, не обращавшим внимания на проблемы Восточной церкви и озабоченным только выгодой римской кафедры и возвращением Болгарии. Разлад в Церкви и упорство и стойкость фотиан заставили Василия вернуть Фотия из ссылки. Басилевс поселил его в Магнаврском дворце и сделал учителем своих детей. Реабилитированный Фотий основал новую школу, стал собирать библиотеку и писать научные труды. Патриарх Игнатий, тогда уже восьмидесятилетний старец, явился к Фотию во дворец, где, по рассказу Фотия, они «пали друг другу в ноги и взаимно просили прощения». Позже Фотий часто навещал больного Игнатия, который вскоре благочестиво скончался с молитвой на устах. Через три дня после его смерти Фотий снова стал патриархом Константинополя.

Восьмой Вселенский собор

В 879 году в Константинополе был созван многочисленный собор (многими отцами Церкви называемый Восьмым Вселенским), на котором присутствовало 383 епископа, включая римских легатов. Папа Иоанн VIII через послов объявил на соборе об отмене всех прежних папских определений о Фотии: «Достопочтеннейшего Фотия мы признаем в патриаршем достоинстве и объявляем ему общение с нами». В знак любви и уважения он прислал Фотию полное священническое облачение: фелонь, стихарь, омофор и т. д. Такой поступок со стороны папы кажется странным и непоследовательным, но его легко объяснить политическими обстоятельствами. Италия в это время была почти полностью захвачена арабами. «Ярость сарацин так велика, — писал папа, — что никто не осмеливается выйти за ворота Рима». На Западе после Карла Великого царил разброд и хаос, и искать поддержки было не у кого. Иоанн видел в Византии единственного союзника, на которого можно положиться. Он рассчитывал получить от ромеев военную помощь, пойдя на уступки в церковных вопросах.

На соборе старались не вспоминать о прошлом, а говорить только о мире и согласии. Фотий вновь был признан законным пастырем Церкви. Собор подтвердил неприкосновенность Никео-Цареградского символа, отвергнув латинское искажение *filioque*, и признал независимость и равенство обоих престолов и обеих церквей, Западной и Восточной. О возможности избрания патриархов из мирян было сказано, что это крайне нежелательно, но допустимо в особых случаях. Легаты папы несколько раз пытались поднять тему Болгарии, но восточные епископы дипломатично ответили, что этот вопрос оставляется на усмотрение императора: проводить границы между патриархатами — дело царя, а не собора. При этом они заверяли, что папа получит даже больше, чем хочет, поскольку Фотия и папу связывает великая любовь; и вообще, нет никакой надобности разграничивать патриархаты, потому что римский папа и константинопольский архиепископ живут как бы одной душой и вместе правят христианскими народами, не различая, где чужое и свое. Еще одну спорную территорию, Иллирик, на соборе формально отдали под юрисдикцию Рима, но на деле оставили под контролем Константинополя.

Фотий был патриархом еще шесть лет и ушел в отставку добровольно, поссорившись с императором Львом VI Философом (Львом Мудрым), когда-то бывшим его учеником. Есть другая версия: Фотия обвинили в государственной измене, и, когда патриарх был в храме Св. Софии, к нему неожиданно подошли двое чиновников, зачитали указ об аресте и увезли в монастырь, где он и был заточен. После Фотия патриаршая кафедра досталась шестнадцатилетнему брату императора Стефану.

Глава вторая. Между двумя расколами

1. На Западе

Плохие папы

После Фотиева раскола баталии между Римом и Константинополем временно затихли. Конфликт как бы заморозился: Церкви с головой ушли в местные дела и почти не об-

щались между собой. Для римских пап в это время наступила темная и смутная эпоха. Франкская империя, под властью которой процветал Рим, развалилась. Власть захватили местные феодалы, борющиеся между собой и ставившие на папский престол тех кандидатов, которые были выгодны их партии. Очень часто это были случайные люди невысоких нравственных и умственных достоинств. Они вели распутную жизнь и исчезали так же быстро, как появлялись, становясь жертвой бесчисленных дворцовых переворотов и убийств. За 75 лет на римской кафедре сменилось 24 папы, которых у католических историков принято называть «плохими папами».

Одним из наиболее скандальных событий в этот период стал так называемый «трупный собор». В 897 году, во время гражданских смут в Риме, покойного папу Формоза, чем-то не угодившего светским властям, выкопали из земли, посадили на трон в папском облачении и стали судить как живого. К тому времени труп пролежал в могиле уже девять месяцев и наполовину сгнил. С осужденного мертвеца сорвали церковную одежду, переодели его в светское платье, отрубили ему три пальца, которыми он совершал благословение, закопали в землю, снова выкопали и бросили в Тибр. Даже видавшим виды римлянам это показалось дикостью: устроившего «трупный собор» папу Стефана IV свергли в результате мятежа и задушили в тюрьме. Его преемники также почти все погибли насильственной смертью.

После этого наступил период так называемой «порнокра-тии», где большую роль играли женщины-аристократки. Особенно славились красавицы из семьи консула Феофилакта — его жена Феодора и дочери Марозия и Феодора-младшая. Они ставили на папский престол своих многочисленных любовников и убирала их, когда они им надоедали. Феодора-старшая сделала римским папой Иоанна X, архиепископа и полководца в одном лице; Марозия, несколько раз выходившая замуж (в последний раз — за итальянского короля), долгое время лично правила Римом с титулом патриция и сенатора, потом вступила в интимную связь с папой Сергием III, убила папу Иннокентия X и двух его преемников и, наконец, возвела на престол своего восемнадцатилетнего сына Иоанна XI (от внебрачной связи с папой Сергием). Позже другой сын Марозии, Альберих, захватил власть и посадил в тюрьму ее саму, ее мужа-короля и римского епископа, своего сводного брата. В те-

чение двадцати лет он ставил пап по своему желанию. Последним был его восемнадцатилетний сын Октавиан, ставший Иоанном XII. Октавиан оставил о себе память как об одном из самых развратных пап. Писали, что он превратил Латеранский дворец в публичный дом, охотился на улицах за добропорядочными римлянками и устраивал оргии, на которых пил за здоровье Венеры и сатаны.

В хаосе и разброде, охвативших папский Рим, возникла легенда, что одно время на римском престоле сидела даже женщина — папесса Иоанна, которая будто бы правила под именем Иоанна VIII, скрывая от всех свой пол. Рассказывали, что у Иоанны, забеременевшей от любовника, во время поездки верхом начались родовые схватки и она, упав с коня на землю, тут же родила.

Германия на троне

В X веке на политическую арену вместо ослабевших франков выступили германские князья. Самый крупный из них, Оттон Великий, сумел объединить под своей властью все земли Восточнофранкского королевства, как тогда называли Германию, и присоединить к ним Лотарингию и север Италии. Честолюбивый, умный, неутомимо деятельный и почти не вылезавший из седла, этот могучий полководец одержал победу в междоусобной войне, где против него восстала почти вся его родня, и разгромил огромные армии чехов, венгров и славян. Красавица Адельхейда, вдова итальянского короля Лотаря II, отдала ему свою руку и сердце, заодно подарив и корону Италии. В 962 году во главе своей армии Оттон вошел в Рим и был коронован как император «Римской империи» папой Иоанном XII.

Однако до мира и порядка в Римской церкви было далеко. Почти сразу после того, как Оттон покинул Рим, папа Иоанн был свергнут и изгнан. Оттону пришлось вернуться и поставить нового папу Льва VIII, но стоило Оттону уехать, его тоже свергли. На место Льва снова встал Иоанн XII, ставший к этому времени противником Оттона. Позже его сменил Бенедикт V, но Оттон вновь явился в Рим и опять поставил папой Льва VIII, а Бенедикта сослал в Гамбург. Такая же чехарда продолжалась при Оттоне II: германские императоры ставили

своих пап, после чего их свергали местные аристократы и ставили своих.

После прихода к власти Оттона III анархия на римской кафедре временно закончилась. Совсем еще юный Оттон, сын византийской принцессы, в совершенстве знавший греческий язык и разбиравшийся в тонкостях философии, был одержим двумя идеями: христианского служения Господу и возрождения Римской империи. Вторгшись в Италию, он разгромил итальянскую аристократию и навязал Риму германских пап. Главу аристократов Кресценция обезглавили, а папу Иоанна XVI изувечили (вырвали глаза, отрезали нос, уши и язык), посадили задом наперед на осла и отправили из Вечного города.

Новым папой стал учитель и друг императора Герберт Орильякский — математик, астроном, механик и философ, принявший в папстве имя Сильвестра II. Герберт поражал современников своими научными познаниями и на многие века прослыл магом и волшебником, создавшим среди прочих чудес говорящую медную голову, которая на все вопросы отвечала «да» или «нет». В лице Сильвестра папская кафедра получила настоящего ученого и изобретателя, заново открывшего многие астрономические приборы и внедрившего в европейскую науку арабскую систему цифр. Папа полностью поддерживал начинания Оттона, который, уединившись во дворце на Авентине, уже возродил римское консульство и сенат и подумывал о возвращении древней республики. Но после трагической смерти Оттона III (в 22 года) эти грандиозные планы рухнули, и к власти снова пришел клан Кресценциев.

В череде следующих безликих пап особо выделялся Иоанн XIX, который, подобно Фотию, был мирянином и прошел все ступеньки церковных должностей за один день (точнее, за восемь часов). Он прославился тем, что за деньги открыто раздавал епископские кафедры. Дело дошло до того, что следующий папа Бенедикт IX, восемнадцатилетний юноша, продал собственную тиару и папский трон некоему Джованни Грациано, который стал папой Григорием VI. Сделку, правда, признали не все, и в Риме появились сразу два папы, к которым вскоре присоединился третий, избранный соперничающей партией: Сильвестр III (1046 год).

Порядок навел германский император Генрих III, который явился в Рим и низложил всех трех пап, поставив вместо них четвертого — Климента II. Через год Климент умер от горяч-

ки, сменивший его Дамас II был отравлен, и папой стал родственник императора, выходец из Эльзаса Лев IX. Его главным помощником и правой рукой был кардинал Гумберт де Сильвио-Кандида, сыгравший ключевую роль в будущем расколе Церкви.

Суеверия

В VIII–XI веках Византийская империя, несмотря на явные признаки упадка, все еще была культурным и просвещенным государством. Константинополь представлял собой огромный город с миллионным населением (в Париже в то время жило всего 30 тысяч), с театрами, университетами, фонтанами на просторных площадях, грандиозными храмами и роскошными дворцами, где все, вплоть до мозаичных полов и кухонной посуды, представляло собой произведение искусства. В Византии еще жили тысячелетние традиции, связанные с древнегреческой культурой, образованные люди прекрасно знали классическую литературу, и какой-нибудь тонкий комплимент, сделанный императрице Зое придворным льстецом, цитировавшим Гомера, сразу понимался всеми присутствующими. В этом цветущем государстве и христианство носило более или менее мягкий, цивилизованный оттенок.

В сравнении с Византией Западная Европа была территорией варваров. Германцы не наследовали римскую культуру: они ее уничтожили, сохранив только почтительные воспоминания о величии Рима и исковерканную латынь, которая стала языком Церкви. Князья и даже короли Запада недалеко ушли от вождей варварских племен и часто вели себя не лучше бандитов и разбойников, грабивших на большой дороге. Поэтому и латинское христианство было проще и грубее, менее окультурено, больше проникнуто суевериями и пережитками язычества.

Конечно, суеверий было много и в Византии, особенно на окраинах империи. Константинопольские военачальники приносили языческие жертвы «духам злобы», чтобы умиротворить их перед битвой, а кладоискатели перед тем, как выйти на поиск сокровищ, ели собачье мясо: по поверью, земля после этого легче отдавала клады. В византийских энцикло-

педиях того времени полно нелепых представлений и магических рецептов в простонародном духе; например, утверждалось, что мозг лягушки предотвращает беременность, а заячья кровь, наоборот, способствует зачатию. Известен случай, когда при обороне Пергама в 717 году была заживо вскрыта беременная женщина: народ решил, что ее кровь даст неуязвимость защитникам города.

В ходу были бесконечные гадания и предсказания судьбы. Гадали по апокрифам (например, «Видениям Даниила») и другим таинственным и полузапрещенным книгам. Гадали по звуку медных тазов, старались услышать в лесах и горах пророческие голоса. Говорили, что и в самом Константинополе будто бы есть колонны и статуи, на которых начертан день разрушения города и список всех будущих императоров: проявив терпение и внимание, можно все это найти и прочитать. Прорицания делали пленные арабы, гадавшие по руке, случайные монахи, которым на улице давали милостыню, профессиональные толкователи снов на рынке. Почти всем этим предсказаниям верили, так же как всевозможным легендам и небывицам, которыми полны тогдашние хроники. Например, неожиданное возвращение Фотия на патриаршую кафедру объясняли действием волшебного зелья, которое тот будто бы по предложению одного монаха разбрызгал по спальне императора, чем и вызвал к себе его внезапную любовь.

Но если в Византии суеверия были скорее отклонением и исключением, то в Европе — повсеместным правилом. Здесь даже саму Библию использовали как оракул, гадая по ее страницам. В государственной и церковной практике сохранялись языческие испытания огнем, водой или мечом, когда обвиняемый доказывал свою правоту тем, что не сгорал, не тонул или побеждал в поединке своего противника: их просто окрасили в христианский оттенок и стали называть «судом Божиим».

Жители Запада были еще более дремучими, невежественными и доверчивыми, чем византийцы. В «Целителе» епископа Бурхарда описано множество причудливых суеверий, за которые в то время полагались церковные покаяния. Например, кто-то пытался вылечить ребенка, положив его на крышу или печную трубу (десять дней на хлебе и воде). Другой разбрасывал на поле самодельные «кисточки со значками», что-то вроде детских игрушек, «чтобы фавны и волосатые гномы развлекались ими и принесли ему в награду добро, украденное

у соседей» (тоже десять дней). Третий мазал мертвецу руки мазью, стараясь его оживить, — двадцать дней поста. В трупы новорожденных младенцев вколачивали колья, чтобы они не могли вернуться и навредить живым (два года поста).

В Европе в это время всюю расцветали магия и демонология, почти отсутствовавшие у византийцев. Крестьяне пытались вызвать дождь, заставляя голую девственницу погружаться в реку и кропить землю мокрой беленой. Верили, что женщина может насладиться на мужа болезнь, если обмажется медом и покатается по хлебным зернам, из которых потом намет муку и испечет для него хлеб. Верили и в то, что с помощью демонов можно летать по воздуху. «Некоторые одержимые дьяволом женщины считают себя принужденными ездить верхом на животных, — писал Бурхард, — и присоединяться к воинству демонов».

Особенностью Римской церкви были отлучения, накладывавшиеся не только на отдельных грешников, но на целые города, провинции и даже страны. Они назывались интердиктами и были сродни проклятию, превращавшему осужденного в изгоя, с которым не могли общаться даже родственники. В областях и государствах, попавших под интердикт, не проводились никакие службы, кроме покаянных, покойники оставались без отпевания, а новобрачные — без венчания.

Церковные различия

Со временем у Латинской церкви появлялось все больше правил и обычаев, которые отделяли ее от Восточной. Например, западные христиане ели удавленину, хотя это было запрещено еще апостольским собором в Иерусалиме. Европейские клирики повсеместно брили бороды, что ромеи считали признаком женоподобности, и иначе, чем греки, делали тонзуры, подстригая их снизу, чтобы было похоже на венец. Прихожане Римской церкви, вопреки требованиям византийцев, постились по субботам и совершали евхаристию в Великий пост.

Еще больше разногласий появлялось в богослужении. В отличие от греков, латиняне — или, как их тогда называли, «франки» — не употребляли в причастии квасной хлеб, а только пресный и не добавляли в евхаристическую чашу теплую воду

(«теплоту», по-гречески «зеон»), как это было принято у восточных. Во время евхаристического канона латинские священники не призывали Святого Духа, хотя в византийской литургии эта часть молитв, называвшаяся «эпиклеза», играла важную роль. Таинство миропомазания у латинян могли осуществлять только епископы. Случалось так, что священник крестил нового христианина, но получить миропомазание тот не мог, потому что рядом не было епископа. Поэтому два этих таинства у франков разошлись во времени: те, кого крестили во младенчестве, позже, в возрасте от 7 до 14 лет должны были подтвердить свое присутствие в Церкви, получив миропомазание; отсюда возник обряд конфирмации, то есть «подтверждения».

В западном богослужении среди прочих новшеств появилась органная музыка. Орган в литургическую практику ввел папа Виталий (VII век); при этом самые лучшие инструменты делались в Византии. Один из таких дорогих органов Константин Копроним подарил франкскому королю Пипину, отцу Карла Великого. Примерно в то же время на Западе возникла практика «тайных», или частных, месс, когда две мессы служились одновременно в одном храме: одна вслух, а другая тайно, шепотом, чтобы не мешать первой. Это делалось вынужденно, из-за большого количество верующих.

Важной особенностью Римской церкви было безбрачие как священников, так и епископов. В Византийской церкви обет безбрачия соблюдали только монахи и епископы, а священник, наоборот, не мог быть холостым (и поэтому никогда не мог стать епископом). Развод среди мирян в Латинской церкви не допускался ни по каким причинам, но вступать в брак вдовцам и вдовицам разрешалось сколько угодно раз.

Наконец, на Западе клирики часто принимали участие в войнах с оружием в руках, что на Востоке было строго запрещено, под страхом отлучения. Вид воинственных епископов и священников, восседавших на конях в полном боевом вооружении во время Первого крестового похода, повергал византийцев в шок.

Монахи

Монашество на Западе в это время тоже было не на высоте. Его обвиняли в тех же грехах, что и восточных монахов:

стремлении к накоплению богатств, упадке нравственности и дисциплины. Однако как раз в начале X века европейское монашество получило новое развитие благодаря аквитанскому герцогу Гильому, который в 910 году основал в Ключни новый монастырь. Настоятелем он сделал бургундского аббата Бернона, ревностного последователя Бенедикта Нурсийского. Службы в ключнийском монастыре велись почти круглосуточно и не оставляли монахам времени ни на что другое, включая физический труд: они только молились.

Строгость жизни ключийцев, их безупречная нравственная чистота и благочестие быстро завоевали им огромный авторитет. Во время сильного голода в 1028—1030 годах на юге Франции ключийские монастыри открыли свои склады с хлебом и спасли множество людей. В то же время они призывали к покаянию, боролись за улучшение нравов и образованности духовенства, введение единой литургической практики. Они восстали против симонии — продажи церковных должностей за деньги, — что в то время было повседневной практикой, и так называемой инвеституры, когда феодалы или короли раздавали земли и светские должности представителям Церкви, требуя от них взамен вассальной зависимости. Особой популярностью пользовался ключийский аббат Одон, прозванный «могильщиком» за постоянно опущенные к земле глаза. Его грозные проповеди, обличавшие порок и блудодейство мира, потрясали прихожан.

Начинание Бернона имело такой успех, что по всей Европе стали появляться «ключийские» монастыри: не самостоятельные, а как бы филиалы главного, имевшие единый устав и одного общего настоятеля. К ним подключались и старые монастыри, переходившие на ключийский устав. Все вместе это составило конгрегацию (союз), в который в середине XI века входило 65 обителей по всей Европе. Кроме Ключийской, позже возникло множество других конгрегаций, которые стали называть орденами: валломброзанцы, цистерцианцы, картузианцы и т. д.

На Западе в это время появлялось немало отшельников, подражавших восточным подвижникам и пустынножителям. Таким был Ромуальд из Равенны, знатный рыцарь из герцогского рода, подвизавшийся в Апеннинских горах и основавший Камальдольский монастырь, который отличался особой строгостью устава. Здесь обитали затворники, навсегда заму-

ровавшиеся в своих кельях, и флагелланы, занимавшиеся самобичеванием. Ромуальд, резкий и неуживчивый человек с бледным, болотного цвета лицом, имел много сторонников и последователей, расселившихся по всей Италии. Они создали движение иеремитов, которые проводили время в покое, безмолвии и посте, скрупулезно соблюдая монашеские правила. Задачей иеремита было сидеть в келье и «удерживать язык и живот», то есть молчать и как можно меньше есть. В каждой келье стояли весы, где иноки взвешивали еду и разделяли ее на порции, чтобы съедать в строго отведенное для этого время. Но часто и делить было нечего: пищу составляли только хлеб, вода и соль, «а если что-нибудь к ним прибавляют, — замечал современник, — в пустыне не считается это постом».

Иеремиты не трудились — для этого были специальные жившие при монастыре работники, как бы монахи второго ранга или служебные иноки, «рабочие пчелы». Пока они работали, иеремиты предавались умерщвлению плоти и молитвам, по восемь раз за день исполняя от начала до конца все псалмы (всего их 150), распростершись на полу с раскинутыми в виде креста руками или истязая свое тело плетью, — эта процедура называлась «дисциплиной». В качестве плети использовались розги, кнуты из веревок или цепи. Существовала особая монастырская математика, сопоставлявшая церковное покаяние с количеством ударов плетью: один год покаяния был равен трем тысячам плетей, а за время чтения десяти псалмов можно было нанести себе тысячу ударов. Таким образом, чтение десяти полных Псалтырей с «дисциплиной» обеспечивало покаяние на сто лет.

Божий мир и Божье перемирие

Идея «Божьего мира» родилась на соборе в Тулузе в 1021 году и позже была утверждена Клермонским собором. Под таким лозунгом Церковь выступила против бесконтрольного насилия власть имущих, чтобы смягчить слишком жестокие нравы в варварской Европе. За нападения на незащищенных клириков, паломников, бедняков, женщин и торговцев святотатцам грозило отлучение от Церкви. Позже Западной церковью было введено так называемое «Божье перемирие» — что-то вроде военного поста, согласно которому христиан

мог воевать только с утра понедельника до вечера среды, а во все остальное время воздерживаться от насильственных действий. Епископ Прованса предписывал, «чтобы с начала вечера в четверг и до восхода солнца в понедельник утром среди всех христиан, друзей и врагов воцарялись твердый мир и перемирие». К этим дням добавлялись Рождественский и Великий пост, Рождество, Пасха, промежуток времени между Вознесением и Пятидесятницей, три праздника Девы Марии и дни нескольких святых. Получалось, что воевать запрещалось примерно 240 дней в году.

Для выполнения постановлений Церкви были учреждены специальные лиги мира со своими судом, казной и «армией мира», состоявшей из добровольцев-прихожан. Эмон, архиепископ Буржа, требовал, чтобы каждый христианин с пятнадцати лет объявил себя врагом нарушителей мира и готов был бороться с ними с оружием в руках. Епископ Гифред Нарбоннский писал: «Пусть ни один христианин не убивает другого христианина; ибо тот, кто убивает христианина, проливает кровь Христову... Если человека несправедливо убьют, чего мы не желаем, за это надо будет заплатить штраф в соответствии с законом». Получалось, что за послушание предписывалось не отлучение от Церкви, а всего лишь штраф по светскому закону, и только за «несправедливое» убийство. Кто же должен был решать, какое убийство справедливо? Конечно, те же светские власти.

Церковь сознавала, что искоренить войны и убийства невозможно, и старалась хотя бы ограничить их с помощью «Божьего перемирия». Но реально следовать ему было невозможно, и на деле никто этого не делал. Времена в Европе были поистине темными: голод и войны доводили людей до потери человеческого облика. В 910 году во Франции и Германии были отмечены случаи людоедства из-за сильного голода. Взрослые сыновья пожирали своих матерей, матери — малолетних детей. Появились целые банды, которые убивали на дорогах путешественников, разрубали их на части и поедали. Бродяги ловили детей на приманку в виде куска хлеба, а хозяева гостиниц съедали ночью своих постояльцев.

Как будто естественного голода было еще недостаточно, к нему добавлялись добровольные посты. Постные дни занимали две трети года: от 180 до 196 дней. Из них 140–150 дней запрещалось есть не только мясо, но и рыбу. К соблю-

дению постов относились очень строго. Шестьдесят девятое апостольское правило гласило: если клирик не соблюдает Великий пост и постные дни (среда и пятница) — извергается из сана, если мирянин — отлучается от причастия. В Великий пост запрещалось есть мясо даже «при последнем издыхании». В некоторых епархиях существовало правило, что евшим мясо в Великий пост выбивали зубы. Говорили: кто нарушает пост в среду, будет осужден вместе с Пилатом, а кто в пятницу — вместе с распявшими Христа.

Посты были не только добровольными, но и принудительными: они служили средством наказания и покаяния. За многие тяжкие преступления полагался сорокадневный пост на хлебе и воде. Он мог быть однократным или повторяться ежегодно в течение нескольких лет. Нередко покаянный пост в том или ином виде растягивался на долгие годы и даже на всю жизнь. Например, по распоряжению папы Николая I франк Вимар, убивший трех своих сыновей, должен был до самой смерти не есть мяса, семь лет не пить вина, а еще пять — пить только три раза в неделю.

Паломничество

Еще одним способом очистить душу и замолить свои грехи были паломничества. Маршруты паломников в IX—XII веках покрывали практически всю Европу и Ближний Восток от Ирландии до Палестины. Почти в каждой стране находилась какая-нибудь важная реликвия: в Риме были погребены Петр и Павел, в Венеции хранились мощи апостола Марка, в испанском Сантьяго-де-Компостела — апостола Иакова, в немецком Кельне — трех волхвов. Пилигримы могли посетить гробницу апостола Иоанна в греческом Эфесе или святого Мартина во французском Туре, поклониться надгробию архиепископа Фомы Беккета в английском Кентерберии или могиле Олафа Святого в Норвегии. Многие предпочитали отправляться на юг, в Египет, к священной горе Синай.

Паломничеству предшествовала долгая подготовка, тем более что одного желания тут было недостаточно: сначала требовалось получить одобрение своего епископа, который тщательно проверял, из каких побуждений его подопечный пускается в путь и не кроется ли в его мотивах праздное легко-

мыслие или мирское любопытство. Выдержав экзамен, небогатый пилигрим искал группу, к которой мог присоединиться: путешествовать одному было слишком опасно, — и отправлялся в путь пешком, верхом или на корабле. Знатных вельмож сопровождали прислуга, охрана и множество попутчиков, так что их поездка порой превращалась в многотысячную процессию. Поскольку путь предстоял долгий, перед отъездом запасались деньгами и хорошо хранящимися продуктами: соленой рыбой, сухими фруктами, вином. Один опытный путешественник рекомендовал паломнику взять с собой большой сундук: «он будет служить тебе сиденьем в течение дня, постелью — в продолжение ночи, складом для твоей провизии, гробом — чтобы тебя не бросили в море, если, что весьма вероятно, тебе придется умереть в дороге».

Паломничество действительно было нелегким и опасным предприятием, из которого многие уже не возвращались. Самым трудным считалось путешествие на Ближний Восток и в Иерусалим, где паломников на каждом шагу подстерегала смертельная опасность. Зевульф, пилигрим XII века, так описывал последнюю часть пути: «Из Иоппии мы поднимались в город Иерусалим в течение двух дней по гористой, очень крутой и опасной дороге; ибо сарацины, которые постоянно устраивают засады христианам, прячутся в горных ущельях и в скалистых пещерах, бодрствуя днем и ночью, постоянно сторожа, нельзя ли напасть на кого-нибудь, у кого нет спутников. Бесчисленное количество человеческих тел, совершенно растерзанных дикими зверями, лежат на дороге и возле дороги». Зевульф откровенно объяснил, почему тела христиан лежали без погребения: «Там совсем нет земли, а раскопать скалу нелегко; но даже если бы там была земля, кто был бы так глуп, что покинул бы своих спутников и стал один рыть могилу товарищу, если бы кто сделал это, то приготовил бы могилу скорее себе, чем товарищу».

Но, даже добравшись до самых ворот Иерусалима, многие пилигримы не могли войти в город: за вход следовало заплатить пошлину, а у обнищавших странников часто не было ни гроша. Они целыми днями толпились перед воротами, надеясь, что какой-нибудь благочестивый богач заплатит за них. Бывало, что паломникам везло: однажды в Иерусалим прибыл Роланд Нормандский, отец Вильгельма Завоевателя, совершавший покаянное паломничество за убийство брата, и опла-

тил вход для всех, кто не мог попасть в Святой город. Но некоторые не получали никакой помощи и порой умирали здесь же, у ворот, так и не увидев долгожданную святыню.

Однако и те, кому посчастливилось попасть в город, не могли рассчитывать на безопасность. По свидетельству архиепископа Вильгельма Тирского, церкви в Иерусалиме «подвергались ежедневно жестоким нападениям. Во время богослужения неверные, наводя ужас на христиан своими криками и бешенством, вбегали неожиданно в храм, садились на алтари, опрокидывали чаши, топтали ногами сосуды, посвященные служению Господу, ломали мрамор и наносили духовенству оскорбления и побои. С самим владыкой патриархом обращались как с лицом презренным и ничтожным, хватая его за бороду и волосы, свергали с престола и бросали на землю».

Из паломничества было принято привозить всякие памятные вещицы и сувениры: это были своего рода доказательства совершенного подвига. Они имели важное значение, поскольку в родных местах в пилигримах видели героев и устраивали им торжественные встречи со специальным богослужением. Григорий Турский описывал, как вокруг могилы святого Никетия толпы пилигримов собирались «словно рой пчел», чтобы набрать сувениров: «одни хватали кусочки воска, другие немножко пыли, некоторые вытягивали несколько нитей из покрывала на могиле». Из Палестины везли пальмовые ветки, из Сантьяго и Мон-Сен-Мишеля — морские раковины, из Кентербери — «воду св. Фомы», превратившуюся в кровь. Каждый, кто побывал у Гроба Господня, считал нужным привезти с собой его камешек (рассказывали, что один граф даже откусил его зубами во время поцелуя), поэтому со временем каменное ложе, на котором лежало тело Иисуса, все больше разрушалось, и его пришлось закрыть мраморной плитой.

Светские и церковные власти старались по возможности облегчить странникам нелегкий путь. Паломникам выдавались от королей и епископов охранные грамоты с приложенной печатью, для них строились харчевни и приемные дома, о них заботились монашеские ордена, защищавшие пилигримов от нападений разбойников и лечившие тех, кто заболел в пути: госпитальеры, тамплиеры, орден св. Иакова. Существовали путеводители, где указывались расстояния между городами и описывалось, как лучше добраться из одного места в другое, какие опасности могут встретиться в пути и т. д.

В гостиницах и постоялых дворах с пилигримов часто не брали деньги, прося вместо этого помолиться за хозяина в святом месте. Чтобы помочь паломникам, монахи строили для них прибежища в самых глухих и труднодоступных местах, где не было никакого жилья: здесь они всегда могли найти пищу и кров. Горный перевал Сен-Бернар в Альпах получил название благодаря странноприимному дому, основанному в X веке святым Бернаром: жившие здесь монахи по ночам зажигали свет и били в колокола, чтобы шедший через перевал странник не сбился в пути, а во время непогоды и снежных бурь сами отправлялись в горы и искали заблудившихся христиан.

Так же, как и посты, паломничества часто использовали для принудительного покаяния: они стали видом наказания за тяжкие грехи вроде убийства или содомии. Герцог Фульк Анжуйский, например, трижды ездил в Палестину, чтобы замолить убийство своей жены и другие преступления. Позже у паломников появилась специальная одежда: серый плащ, клюка, сума, калиги (сандалии) и шляпа с широкими полями. Некоторые путешествовали к святыням босиком, другие, чтобы удлинить путь, после каждых трех шагов делали шаг назад.

2. На Востоке

Как жили византийцы

К IX веку в Византии история Церкви и история государства слились в одно целое. Церковные историки исчезли, потому что события одной истории было невозможно отделить от событий другой. Константинопольские патриархи стали своими, почти домашними людьми в царских семьях, они сопровождали басилевсов в течение всей жизни: крестили их, венчали, отпевали после смерти. Решение церковных дел нередко определялось личными отношениями между патриархами и царями, которые много и часто общались между собой. При храме Святой Софии была даже специальная пристройка, мираторий, где после литургии патриарх отдыхал вместе с императором.

Император официально считался властителем не только империи, но и вообще всей вселенной: неподвластность ему других земель рассматривалось только как временное недо-

разумение. Государь-автократор (от греческого «самовластный») единолично распоряжался всем, что находилось в государстве, включая его подданных. Он мог отобрать или дать любую землю, любой титул или должность; мог сослать, казнить, заточить в темницу или осыпать золотом; мог судить, объявлять войну, командовать армией, принимать посольства и издавать законы. Единственное, чего он не мог сделать, это отменить церемониалы, которым вынужден был подчиняться так же, как последний раб в его империи. Басилевс не имел права показываться перед подданными просто так: каждое его появление превращалось в пышный и утомительный обряд, собиравший толпы зрителей. Чтобы просто перебраться из дворца в расположенную рядом церковь, он должен был шествовать в составе торжественной процессии, увешанный драгоценностями, облаченный в затканые золотом шелковые ткани и пурпурные сапоги, под хор славословий и курение фимиама, среди народа и сановников, которые опускались на колени и целовали его ноги.

Несмотря на абсолютную власть монарха, далеко не все в стране зависело от императоров. Византия была специфическим государством. Огромная власть в нем принадлежала чиновничеству, которое жило не столько жалованьем, сколько взятками и воровством. Все дела решали связи и подкуп, знакомство в придворных кругах, лесть и политическая ловкость. Это была настолько давняя и хорошо отработанная система, что ее работа уже почти не подчинялась воле императора. Любые попытки что-то изменить подвергались саботажу и глохли в молчаливом сопротивлении чиновников, а особенно активных царей-реформаторов свергали с трона. Басилевсы могли только менять положение отдельных лиц в этой системе: фавориты быстро взлетали по карьерной лестнице, попавшие в опалу так же стремительно скатывались вниз, на их место попадали новые временщики и т. д. Те, кто оказывались наверху, старались поскорее урвать свой кусок от государственной казны, выпрашивая у императора подарки, льготы и подачки. Множество законов, принятых в империи, были только фасадом, за которым шла борьба тайных влияний и интриг.

В экономике, как и в политике, государство присутствовало всюду и диктовало все: что делать, как много и за сколько. В Византии, в отличие от Запада, не было свободы торгов-

ли и производства. Все регламентировалось до мельчайших деталей. Контроль осуществлялся через корпорации ремесленников. Это были не свободные союзы, защищавшие интересы ремесленников, а государственные организации, созданные властями для того, чтобы лучше контролировать подданных. Члены корпораций находились под строгим наблюдением своих руководителей, которые следили за тем, чтобы они вовремя платили налоги и были лояльны государству. Кроме того, они были обязаны принимать участие в разных процессиях и церемониях по торжественным случаям. Те, кто не входил в такие союзы, были сильно ущемлены в правах: с них брали увеличенную пошлину, а торговать позволяли только после того, как члены корпораций распродавали свой товар.

В случае неурожая зерна цена на хлеб не менялась, но при той же цене по решению властей уменьшался размер форм, в которых он пекся. Скот продавался только после того, как государственный чиновник брал с него пошлину и ставил клеймо; запрещалось покупать его раньше, чем он пригонялся в город, чтобы никто не мог получить чрезмерную прибыль за счет разницы в цене. Мясо разрешалось продавать только в одном, строго определенном месте и только членам союза макелариев. Конями торговали только вофры, другим это было запрещено. Рыбаки должны были продавать рыбу оптовикам рано утром сразу после улова, и специальный чиновник устанавливал на нее цену в зависимости от количества пойманной рыбы. Прибрежные районы были разделены на участки и внесены в налоговые описи, поэтому рыбу тоже могли ловить только определенные люди с разрешения властей.

Все, что производилось, отправлялось на государственные склады, где пломбировалось или клеймилось и лишь потом поступало в продажу. Ремесленникам запрещалось иметь слишком большие запасы сырья и нанимать больше двух работников, чтобы производство не разрасталось бесконтрольно, а владелец — не слишком богател. Быстро разбогатевшие вызывали подозрение. Все должны были быть чем-то заняты, но жить скромно и всегда чувствовать на себе руку государства. Налог брался со всего: земли, аренды помещений, лодок, мастерских, овощей, каждой овцы или мула, с любой покупки и продажи. Иногда цепочка покупок-продаж искусственно увеличивалась, чтобы государство могло получить максимум

прибыли. Например, привозимый в столицу шелк-сырец — который могли закупать только метаксопраты в строго установленном месте и под контролем чиновников — проходил длинную цепочку перепродаж, где на каждом этапе государство брало себе восьмипроцентную пошлину. Из-за этого конечная стоимость продукции взлетала до небес, а чиновники клали в карман огромные суммы.

Особое положение занимал Константинополь, государство в государстве. Здесь контроль над подданными был самым сильным, а уровень жизни — выше, чем в других местах. Константинополь считался центром мировой торговли; здесь сходились торговые пути Востока и Запада, венецианцы встречались с печенегами, русские с индийцами, арабы с афинянами. Город служил «витриной» страны, призванной поражать приезжих великолепием и пышностью и демонстрировать ее мощь и величие. Еще важней было то, что Константинополь являлся ключом к власти: захвативший столицу получал власть во всей империи. Любое серьезное недовольство горожан создавало прямую угрозу для базилевса, которого в случае бунта могли свергнуть и убить, заменив узурпатором, как это не раз бывало.

Варварство

Через тысячу лет после Рождества Христова в Византии по-прежнему процветало рабство. Рабовладение не считалось противоречащим учению Церкви. У богачки Даниелиды в IX веке рабов было столько, что, когда их освободили и переселили в Италию, из них составила целая колония. Обычно рабы были пленниками, взятыми на войне, и после особенно успешных войн рабы появлялись даже у крестьян. На площади Тавр в Константинополе, где продавали рабов, ребенок стоил 10 номисм, ремесленник — 40, писец — 50, врач — 60. Впрочем, то же самое происходило в Риме, пока у него были силы вести войны.

Несмотря на внешний лоск, в обычаях и нравах византийцев царил варварская бесчеловечность. В тюрьмах заключенные годами гнили заживо, иногда сидя в полной темноте. пытки заключенных были так чудовищны, что от них сходили с ума или кончали жизнь самоубийством. Казням предшествовали обряды поругания, обставленные как театральные

шествия. Преступнику сбрасывали все волосы вплоть до ресниц, сажали задом наперед на осла и, обмотав бычьими или овечьими кишками, изображавшими ожерелья и короны, везли по улицам голым или в грубой мешковине. В процессии участвовали мимы и скоморохи, впереди шел кривлявшийся жезлоносец, а горожане выходили на балконы, чтобы полюбоваться забавным зрелищем.

Сами казни были предельно жестоки. Широко применялось членовредительство: отрубались носы, ноги, руки, уши, языки, преступников оскопляли и ослепляли. Тут были свои градации: иногда ослепляли не до конца, а только притупляли зрение, вращая перед глазами добела раскаленное железо. Но чаще всего глаза просто выжигали, вводя в глазницу плававший огнем железный стержень. Это было так мучительно, что часто приводило к долгой агонии и смерти. Иногда в качестве особой милости несчастному оставляли один глаз.

Смертная казнь тоже была разнообразна: приговоренным отрубали головы, вешали, сажали на кол, распинали на деревьях, колесовали, заживо сжигали в медном быке (на площади Тавра, то есть быка, в Константинополе), отдавали на растерзание львам. Трупы казненных запрещалось хоронить: их отдавали на поругание толпе и сбрасывали во рвы, а головы сажали на колья и ставили на видных местах, как правило, на ипподроме.

Особенно жестоко обращались с заговорщиками. Наказывали не только их, но и их семьи: отбирали имущество, жен заключали в монастыри, мальчиков оскопляли. Подозрительных, вечно боявшихся переворотов базилиевсов любые заговоры и бунты приводили в бешенство, и они вымещали свою ярость на преступниках. Валент II однажды лично распилил пилой двух полководцев, хотя они предали даже не его, а его противника, узурпатора Прокопия: императора возмутил сам факт предательства. При Михаиле III заговорщикам выкололи глаза, отрубили правые руки и вывели на площадь, дав каждому глиняное кадило, наполненное зловонной серой, и заставили кадить друг на друга. Позже по инициативе Церкви был введен закон, чтобы осужденного бунтовщика казнили не раньше, чем через тридцать дней после приговора: надеялись, что за это время правитель успеет остыть и, может быть, смягчит кару.

Перевороты случались так часто, что никто не чувствовал себя уверенно на троне. Даже члены семьи и близкие по крови

люди — братья, дети, жены — были не поддержкой, а угрозой, тайным врагом, который в любой момент мог устроить заговор, подсыпать яд или ударить мечом. У приходивших к власти императоров вошло в обычай убивать своих родственников, чтобы устранить возможных претендентов на престол. Михаил V оскопил всю свою мужскую родню, от мальчиков до стариков. Из 109 византийских императоров только 34 умерли на троне своей смертью. Из остальных восемь погибли на войне или от несчастных случаев, двенадцать отреклись от престола, столько же скончались в тюрьмах и монастырях, троих уморили голодом, восемнадцать искалечили (ослепили, оскопили, отрубили руки и ноги), а двадцать убили всевозможными способами, от простого удушения до сбрасывания с колонны.

Ученость

Византия славилась своей ученостью. В Константинополе уже в IX веке появился университет, основанный при императорском дворце всесильным Вардой, дядей Михаила III. Образование в нем было открытым и бесплатным. Чтобы подать пример, Варда сам посещал лекции и награждал лучших учеников. При Константине Порфирородном в университете преподавали высокопоставленные лица, которые доказывали пользу наук собственной карьерой: философию вел протоспафарий Константин, астрономию — императорский секретарь Георгий, геометрию — патрикий Никифор, риторику — митрополит Никеи Александр. Сам император Константин был археологом, нумизматом, филологом (знал скандинавские и славянские языки), историком, этнологом, музыкантом, писателем, поэтом, философом и художником в одном лице.

Но византийская наука, как и византийское государство, выглядела своеобразно: в ней при всем желании нельзя было найти оригинальности. Ромеи отлично разбирались в геометрии, математике, архитектуре, астрономии, но не создавали при этом ничего принципиально нового. Византийские изобретения и новшества можно перечислить по пальцам: архитектор Исидор Милетский сконструировал циркуль, Синезий Киренский создал более совершенный вариант астролябии, «византийский Архимед» Лев Математик придумал обозна-

чать буквы числами. Это почти все. Большие успехи в механике и химии на практике оборачивались созданием омолаживающих кремов или игрушек-автоматов для развлечения царей. Несмотря на свою просвещённость, греки так и не создали трехпольного земледелия, не изобрели твердое стремя или ветряные мельницы: все это впервые появилось в Европе.

Ромеи как будто считали, что все уже сказано, написано и придумано до них, поэтому не надо больше ничего искать, исследовать или изобретать, осталось только усваивать и сортировать старое. В ходу были бесконечные компиляции, хрестоматии, сборники и выжимки — беспорядочное изложение сведений, где научные факты смешивались с нелепыми суевериями. Например, в «Земледельческой энциклопедии», изданной при Константине Порфирородном, вполне серьёзно советовали писать на яблоках стихи из Гомера, чтобы предупредить их падение с веток, а тем, кто хочет много пить и не пьянеть, предлагалось носить венок из трилистника. Были очень популярны сокращения классических сочинений, где сюжет какой-нибудь греческой трагедии излагался в нескольких строках или даже одной фразе.

Несмотря на это, Византия во всем мире считалась центром и недостижимым образцом учености и культуры, о котором грезили жаждущие знаний и куда устремлялись, не жалея денег и сил, жители Франции и Италии, германцы, болгары и даже арабы. Отчим папского посла Лиутпранда говорил, что готов отдать половину своего состояния, лишь бы его пасынок научился греческой науке. Халиф аль-Мамун так ценил византийского ученого Льва Математика, что обещал императору Феофилу огромные деньги и вечный мир с Византией, если он хотя бы на время отпустит Льва в Багдад.

3. Императоры

Василий I

Воцарение Василия I, безграмотного конюха и удачливого авантюриста, как ни странно, оказалось благом для империи. Каковы бы ни были его моральные качества, он показал себя умелым и справедливым правителем. Войны, которые вел Василий, были в основном удачны. Ему удалось разгромить

вождя павликиан Хрисохира, который грозил захватить всю Малую Азию и однажды чуть не взял в плен самого императора. Когда голову Хрисохира привезли в Константинополь, довольный Василий поставил ее на ипподроме и мастерски расстрелял из лука. Позже он нанес поражение арабам и занял Кипр, в Италии захватил Бари, а в Далматии — Дубровник. Василий пользовался большой любовью солдат, потому что во время походов жил и работал так же, как они, и даже еще больше: грузы, которые таскал царь, с трудом переносили трое.

Император построил много зданий в Константинополе и проявил себя как неплохой законодатель, оставив свод законов под названием «Исагога». Он лично разбирал все жалобы граждан, а когда их не было, посылал глашатаев спрашивать, нет ли пострадавших и обиженных. Его рвение к справедливости было так велико, что однажды наступил день, когда посланные при всех стараниях не смогли найти ни одного недовольного гражданина.

Василий погиб на охоте, пробитый рогом оленя. Но в основанной им Македонской династии появились новые достойные цари, такие, как Лев Мудрый и Константин Багрянородный: их правление стало для страны периодом расцвета.

Лев VI Мудрый

Лев VI, ученик Фотия, проявил себя как талантливый ученый и писатель; его перу принадлежит шеститомный свод законов (так называемые «Василики»), заменивший Юстинианов кодекс. Но по характеру Лев был сложным и противоречивым человеком, склонным к слезливости и подверженным чужим влияниям. У него имелись странные причуды: он мог, например, переодеться ночью бедняком и отправиться проверять бдительность стражей и очень забавлялся, если его сажали в тюрьму как бродягу. Войны он вел неудачно, зато при его правлении особенно расцвела прославленная греческая дипломатия, позволявшая ромеям заключать выгодные договоры даже в случае военных поражений. В числе прочего в нее входила роскошная церемония приема послов, приезжавших на аудиенцию к императору: она была обставлена с поражающей воображение пышностью и внушала чувство величия и мощи государства. Сначала послов долго вели по

огромному дворцу, в великолепных залах которого толпились роскошно одетые придворные; потом они попадали в особое помещение, задернутое занавесью; здесь послы падали ниц, а когда поднимали голову, видели перед собой золотой трон, на котором восседал царь в блистающих одеждах. Трон стоял под золотым деревом, на котором пели золотые птицы, а по обеим сторонам высились золотые львы, раскрывавшие пасти и издававшие рычание. С помощью специального гидравлического устройства трон плавно поднимался почти под потолок, и император взирал на посетителей с высоты трех метров.

Лев Мудрый первым сделал обязательным церковное венчание и постановил, что брак, не благословленный Церковью через обряд венчания, не должен считаться законным. По иронии судьбы этот указ вскоре обратился против самого императора. Трое его жен скоростижно скончались, не оставив наследника. Лев решил не жениться, пока у него не появится сын. Его новая возлюбленная Зоя Карбонопсина (Черноокая) родила мальчика в Порфирном зале императорского дворца, как и следовало по византийской традиции, но родившийся вне церковного брака ребенок не мог считаться законным и претендовать на престол. Лев обратился к патриарху Николаю Мистику, своему бывшему секретарю («мистиком» называлась должность тайного секретаря) и товарищу по учебе у Фотия, с просьбой решить эту проблему. Николай согласился крестить младенца и признать его законным наследником при одном условии — если император расстанется с Зоей. Шестого января 906 года ребенок был крещен с именем Константина и объявлен законным сыном императора. Лев выслал Зою из дворца, но уже девятого января вернул ее обратно, а спустя немного времени венчался с Зоей и короновал ее с титулом августы.

Возмущенный Николай отказался впускать императора в храм Святой Софии. Разлад между базилиевсом и патриархом закончился традиционно: Николай был отправлен в отставку. Лев же обратился к римскому папе Сергию III и получил разрешение на брак. Новый патриарх Евфимий собрал в Константинополе собор, который одобрил четвертый брак Льва в виде большого исключения, хотя и не признал Зою императрицей. В Церкви возник раскол между николаистами и евфимианами, сильно напоминавший тот, что прежде был между Игнатием и Фотием.

Александр

После смерти Льва к власти пришел его брат Александр. По словам летописца, при Льве «исполнению царских обязанностей он предпочитал беспутство и роскошь, а уж воцарившись единолично, и вовсе не совершил ничего достойного упоминания». Александр был внешне красив, но в душе развратен, злобен и жесток. Он едва не оскотил малолетнего племянника Константина VII, а покойного Льва VI ненавидел так, что сразу после его кончины сделал все наоборот: сослал Зою в монастырь, низложил Евфимия и вернул в патриархи Николай Мистика. Собор 912 года послушно осудил Евфимия, но Николай Мистик этим не удовольствовался и приказать избить старца: ему вырвали бороду, выбили зубы и колотили ногами до тех пор, пока он не потерял сознание. Даже осла, на котором ездил Евфимий, выбросили из дворца на улицу, прикрыв на нем указ: «Человек, уличенный в попечении о пище и питье этого осленка, делается врагом самодержца и императора Александра и безупречного патриарха Николая. Если вина его будет доказана, его подвергнут побоям, обстригут, лишат имущества и выгонят из города». Папу Сергия собор объявил еретиком, что вызвало новый раскол с Римской церковью.

К счастью для Византии, Александр правил меньше года. К концу правления он «потерял мужскую силу» и, желая излечиться от своей болезни, обратился к магам и стал поклоняться медным знакам зодиака, установленным на ипподроме.

После Александра царствовал малолетний Константин при регентстве Николая Мистика. Всемогущий патриарх вел войны, подавлял восстания и решал судьбы государства. Он вернул из ссылки Зою и постриг ее в монахини, чтобы она не могла претендовать на власть, но Зоя перед посвящением тайком наелась мяса, что сделало посвящение недействительным. Вскоре Зоя сама свергла Николая, заставив его три недели укрываться в Церкви, а затем вынудила уйти с поста регента, но сохранила в сане патриарха.

Роман Лакапин и Константин VII

Дела в империи шли все хуже. Болгары едва не взяли Константинополь, и патриарх Николай Мистик в письмах слезно умолял их царя Симеона пощадить малолетнего императора Константина. В конце концов он сам вместе с императором отправился в лагерь врага, взывая к его жалости и милосердию. Византийцам пришлось дать Симеону титул императора болгар и пообещать женить Константина на одной из его дочерей.

Положение спас полководец Роман Лакапин, втянувший в войну сербов и хорватов и сокрушивший могущество Симеона. Константина он женил на своей дочери Елене, а сам вместе с тремя сыновьями стал править страной. Зоя попыталась его отравить, но неудачно, и он снова постриг ее в монахини, на этот раз с соблюдением всех формальностей. Николай Мистик стал его другом, партия Евфимия после смерти своего вождя затихла. При новом императоре собор 920 года окончательно запретил четвертый брак, даже в виде исключения (в третий раз разрешалось, но только до 40 лет).

Лакапин был не только воинствен, но и религиозен. В 944 году произошло знаменательное событие, которое до сих пор празднуется Русской церковью: император захватил Эдессу и увез в Константинополь знаменитый нерукотворный образ Спасителя, который, по легенде, Сам Иисус отправил эдесскому царю Авгару. Сын Авгара был язычником, поэтому образ замуровали в стену вместе с горящей лампадкой. Но когда через несколько веков стену сломали, перед образом все еще горел огонек. Эдесский образ творил множество чудес и даже умел воспроизводить сам себя: достаточно было приложить к нему ткань или камень, как на них отпечатывалась его копия. Эти копии тоже были чудотворны, но действовали слабее. Роман заставил эмира Эдессы обменять образ на 200 пленных арабов и 12 тысяч серебряных монет. Чтобы эдессцы, почитавшие великую реликвию, не подменили оригинал, он забрал с собой и все копии. Святыню торжественной процессией несли в Константинополь, в каждом городе к ней выходили местные вельможи, епископы и простые жители и воздавали ей царские почести. В самом Константинополе образ встречали толпы народа, и патриарх пронес его по усыпанным

цветам улицам, в сопровождении императора и сената. Празднества продолжались три месяца.

При Лакапине на Константинополь напал русский князь Игорь, поразивший византийцев своей жестокостью. Летописец рассказывал, как русские «из пленных одних распинали на крестах, других вколачивали в землю, третьих ставили мишенями и расстреливали из луков. Пленным же из священнического сословия они связали за спиной руки и вгоняли им в головы железные гвозди». Войско Игоря приплыло на лодках, пользуясь тем, что флот ромеев воевал с арабами, но Лакапин поставил на несколько старых кораблей сифоны с «греческим огнем» и разбил врага.

Николая Мистика сменил шестнадцатилетний сын Романа Лакапина Феофилакт. Чтобы поставить его на патриарший престол, императору пришлось сместить действовавшего патриарха Трифона, который наотрез отказывался уходить. Тогда митрополит Кесарийский Феофан придумал хитрую уловку: он сказал Трифону, что молва считает его совсем безграмотным — будто бы он даже не умеет ставить свою подпись, — и предложил, чтобы опровергнуть клевету, расписаться на пустом листе. Простодушный Трифон поставил свою подпись, и в чистый лист тут же вписали акт об отречении. Патриарха отправили в монастырь, где он умер в заточении.

Феофилакт стал «достойным ответом» Византии плохим папам в Риме. Его патриаршество длилось 23 года, и все это время он проводил время в празднествах и развлечениях, не обращая внимания на церковные дела. Он открыто продавал церковные должности всем желающим, а во время праздников устраивал шутовские сборища с пьяными плясками и неприличными песенками. Он обожал лошадей и кормил их миндалем и фигами, поил дорогим вином, опрыскивал роскошными духами — все за счет церковной кассы. Однажды, узнав, что его любимая кобыла ожеребилась, он прервал службу и отправился смотреть на жеребенка. И даже умер он, упав с лошади.

Сыновья Романа Лакапина свергли своего отца с престола, но сами были свергнуты сторонниками Македонской династии, после чего наконец Константин VII, с детства носивший формальный титул императора, в сорок лет стал им на самом деле. Этот был типичный «интеллигент», книжник, мягкий, добродушный, любивший свою жену. При нем в Константинополе крестилась русская княгиня Ольга под именем Елены.

Роман II и Никифор Фока

Сын Константина Роман II остался в истории как мягкотелый правитель, распутник и пьяница. Он женился на дочери трактирщика Феофано (на троне — Анастасия), которая взяла власть над ним самим и над всей империей. Красивая, энергичная и развратная, Феофано заставила мужа заточить в монастырь собственную мать и пять сестер.

Зато ему повезло с военачальником: у него был талантливый полководец Никифор Фока, прозванный за свои военные успехи «белой смертью сарацинов». Потомственный аристократ, он вел аскетический образ жизни, носил власяницу своего дяди, святого Малеина, спал на голом полу, много постился и мечтал стать монахом. Тем неожиданней был его брак с Феофано, которая избавилась от своего супруга (говорили, что отравила), но не могла удержать власть в одиночку и нуждалась в поддержке авторитетного военачальника. Порочная красавица и пожилой воин, покрытый рубцами и шрамами, заключили брак-договор, возведший Никифора Фоку на трон. Позже на его могиле написали: «Ты победил все, кроме женщины».

Никофор Фока был императором, монахом и солдатом в одном лице. Он отвоевал у арабов всю Малую Азию, Южную Италию, Кипр, Алеппо и Антиохию, триста лет остававшуюся под владычеством ислама. С болгарами Никифор Фока разобрался руками русского князя Святослава, который еще раньше уничтожил Хазарское царство. На ратное дело император смотрел как на христианский подвиг и хотел, чтобы всех воинов, павших на войне против неверных, объявляли святыми мучениками. Но Церковь этого не приняла.

Никифор Фока основал монашество на горе Афон, отправив туда своего друга и наставника преподобного Афанасия. В то же время, несмотря на свои монашеские симпатии, он запретил создание новых монастырей и передачу им новых земель — так напугало его чрезмерное разрастание монашеских угодий. Вот что он написал в своем указе: «Наблюдая теперь совершающееся в монастырях и других священных домах и замечая явную болезнь (так я называю жадность), которая в них обнаруживается, я не могу придумать, каким врачеванием может быть исправлено зло и каким наказанием я должен

заклеймить безмерное любостяжание. Кто из святых отцов учил этому и каким внушением они следуют, дошедши до такого излишества и такого безумия! Каждый день они стараются приобретать тысячи плэфров (примерно 1200 кв. м), строят роскошные здания, разводят превышающие всякое число табуны лошадей, стада волов, верблюдов и другого скота, обращая на это всю заботу своей души, так что монашество уже ничем не отличается от мирской жизни со всеми ее суетными заботами».

Император всеми силами поддерживал армию и для этого душил страну налогами, тяжесть которых усугубили несколько неурожайных лет. Цена на хлеб в стране выросла в восемь раз. Чувствуя враждебность народа, Никифор Фока устроил из императорского дворца крепость, окопав его глубоким рвом. Но настоящая опасность ждала его внутри дворца. Феофано тайно завела нового любовника, тоже прекрасного полководца и друга мужа, красавца Иоанна Цимисхия. Почувствовав что-то неладное, Никифор Фока отстранил Цимисхия и выслал из города.

Тогда Феофано спрятала у себя в спальне двух переодетых в женщин солдат, которые ночью с помощью корзины подняли на стену дворца Цимисхия и его друзей. Вбежав в спальню императора с обнаженными мечами, заговорщики увидели, что постель пуста. Решив, что басилевса предупредили, они уже хотел покинуть комнату, но тут кто-то из евнухов указал им на Никофора Фоку, который, как положено аскету, спал на барсовой шкуре у камина. Цимисхий разбудил его ударом ноги; император приподнялся на локте, молча глядя на своего друга. Один из сообщников ударил его мечом и рассек голову, но не убил. Тогда раненого Никифора подтащили к царскому креслу, на которое сел Цимисхий; он начал осыпать императора руганью, рвать ему бороду и выбивать зубы рукоятью меча. Никифор только повторял: «Господи помилуй, Богородица помоги». Наконец ему отрубили голову и показали ее через решетчатое окно гвардейцам, которые тут же признали императором Цимисхия. Обезглавленное тело царя весь день пролежало на снегу.

В свое время Никифору Фоке предсказали, что его убьют вскоре после взятия Антиохии. И действительно, его смерть случилась всего через полтора месяца после этого, в ночь с 10 на 11 декабря 969 года.

Эпитафия Иоанна Геометра Никифору Фоке

Я подчинил города ассирийцев и всех финикиян,
 Я неприступнейший Тарс Риму склонил под ярмо,
 Освободил острова, их избавив от варварской власти,
 И захватил я большой, славный красой своей Кипр.
 Запад, а также Восток бежали пред нашей угрозой,
 Высохшей Ливии степь, счастье дарующий Нил.
 Пал я в своем же дворце, в своем же покое стал жертвой
 Женских предательских рук, вдруг и злосчастен, и слаб.
 Были со мной и столица, и войско, и стены двойные —
 Истинно, нет ничего призрачней смертных судьбы!

Иоанн Цимисхий

Во главе Церкви в это время стоял патриарх Полиевкт, суровый и решительный предстоятель, не боявшийся перечить басилевсам и наложивший епитимью на Никифора Фоку за его брак с Феофано. Узнав о насильственной смерти императора, Полиевкт отлучил от Церкви его убийц. Но Цимисхий поклялся, что не участвовал в убийстве, и свалил всю вину на Феофано и своих друзей, назвав их по именам (хронист пишет, что Феофано, узнав об этом, в бешенстве набросилась на любовника и едва не выцарапала ему глаза). Всех заговорщиков, включая Феофано, заточили в монастырь. Кроме того, патриарх потребовал, чтобы Цимисхий отменил закон Никифора Фоки против монастырей, и только после этого венчал его на царство.

Цимисхий любил вино и плотские наслаждения, но полководец из него был не хуже, чем аскет Никифор Фока. Несмотря на маленький рост, он обладал огромной физической мощью, ловкостью и меткостью, мог перепрыгивать через трех лошадей сразу и попасть дротиком в отверстие кольца. Абсолютно бесстрашный и невозмутимый, он всегда бился в первых рядах своих солдат.

Его военные успехи были огромны. Цимисхий занял болгарскую столицу Великий Преслав и разгромил сильную армию Святослава, угрожавшего захватить Константинополь. В решающей битве под Доростолом россы, как пишет летописец, «стяжавшие среди соседних народов славу постоян-

ных победителей в боях, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство». Только к вечеру император, бросив в бой конницу, оттеснил «скифов» в город и после долгой осады заключил с ними мирный договор. После этой победы Иоанн Цимисхий справил в Константинополе пышный триумф, во время которого шел пешком рядом со своей колесницей, где лежала одежда болгарского царя Бориса, а на ней стояла икона Влахернской Богоматери: именно ей император приписывал свою победу.

На Западе император заключил мир с Оттоном II, отдав ему в жены одну из своих родственниц. Затем он захватил Северную Месопотамию, Ливан, Сирию и почти всю Палестину. Иерусалим ему помешала взять внезапная болезнь — желудочная инфекция, — которая свела его в могилу. Ходили слухи, что его отравил евнух Василий Ноф, занимавшийся поставками провианта в армию и скопивший на этом огромные богатства. Цимисхий сам доверил ему управление внутренними делами империи, но как-то с досадой обронил, что пока он проводит время в походах, их плоды достаются евнуху. Спустя несколько недель после этого он скончался.

В отношении церковных дел его правление было отмечено двумя событиями. Впервые начала взиматься церковная подать, называвшаяся «каноникон» (она была гораздо меньше десятины на Западе). В это же время римский папа Бонифаций VII бежал в Византию, прихватив с собой папскую казну.

Болгаробойца и святой Владимир

Кода сын Цимисхия Василий в восемнадцать лет взошел на трон, он был изнеженным и избалованным юношей, посвящавшим время только удовольствиям и развлечениям. Но политические события в Византии заставили его быстро повзрослеть. Сразу после его воцарения в стране вспыхнули мятежи: два самых крупных полководца, Варда Фока и Варда Склир, восстали против базилиевса и захватили практически всю империю. Зажатый в двойные клещи и почти лишенный армии, Василий решил на отчаянный шаг: он обратился за помощью к русскому князю Владимиру, пообещав ему руку своей родной сестры Анны. Это было беспрецедентное реше-

ние: до сих пор «багрянородные» принцессы императорского рода никогда не выходили замуж за варваров. Даже лучшие правители Запада, Карл Великий и Оттон I, получили отказ. Владимир согласился на этот союз и прислал около 6000 человек, которые вместе с оставшимися верными Василию отрядами сумели отразить армию мятежников.

Когда дело было сделано, Василий попытался отказаться от своего обещания, но Владимир захватил Херсонес и силой вынудил императора выполнить условия договора. Анне пришлось отправиться в дикую языческую Русь, к князю россов и «великому распутнику», как называл его немецкий хронист Титмар Мезенбургский. В русской летописи на эту тему говорится более подробно: «Был же Владимир побежден похотью, и были у него жены, а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц». Но переход в христианство произвел в князе чудесную перемену: крестившись под именем Василия (в честь императора), он отпустил своих жен, стал вести благочестивую и целомудренную жизнь и занялся благотворительностью. В Киеве при его правлении каждое воскресенье устраивались бесплатные пиры для всего народа: на улицах стояли открытые телеги с едой и питьем, к которым мог подходить любой желающий, а из казны щедро раздавались деньги. Для Руси это был переломный момент: Владимир не только крестился сам, но и крестил свою дружину, а потом и всех своих подданных, распространив православие далеко на север. Русская церковь стала митрополией под управлением Константинопольского патриархата.

Борьба с мятежами и восстаниями заняла у Василия II тринадцать лет. Это ожесточило его характер, сделало мрачным и суровым, «твердым как кремь», по выражению историка Михаила Пселла. Он так никогда и не женился, не имел друзей и советников и правил страной единолично. Почти всю жизнь он провел на войне, и в Константинополе оказывался только проездом, переезжая с одного фронта на другой. Прозвище Болгаробойца он получил за победу над болгарским царем Самуилом. Взяв в сражении 15 000 пленников, Василий приказал их ослепить, но оставить один глаз каждому сотому воину, чтобы они могли как поводыри довести их до дома. Когда Самуил увидел эту огромную процессию слепых,

когда-то бывших его армией, у него разорвалось сердце (по другой версии, он отравился с горя).

Историки считают Василия II одним из лучших византийских правителей наравне с Ираклием. Но крестоносцы, захватив в 1204 году Константинополь, обошлись с ним неуважительно: выкопав из могилы останки императора, они надругались над его телом. Только через 60 лет византийцы среди развалин храма обнаружили останки басилевса со вставленным в челюсти свистком и вложенной в руки волюнкой.

Зоя и ее мужа

Василий оставил богатую и процветающую страну, занимавшую огромную территорию от Дуная до Евфрата. Это был высший пик развития империи, после которого она начала клониться к своему упадку. После смерти Болгаробойцы на троне за 66 лет сменилось четырнадцать императоров, один хуже другого.

У Василия не было сыновей, только брат Константин VIII. Это был настолько ничтожный правитель, что византийские историки смогли похвалить его лишь за одно качество — он не мешал Василию управлять страной. После смерти Константина власть перешла к его дочерям Зое и Феодоре. Зоя несколько раз выходила замуж, причем каждый ее новый муж становился императором.

Первым был Роман Аргира, странный старик-мечтатель, который хотел отправить экспедицию за Геракловы столбы (то есть Гибралтар), чтобы ловить там огромных рыб и кормить ими византийцев. Зоя изменяла ему с молодым красавцем Михаилом и, видимо, постепенно травила мужа, который уже при жизни выглядел как живой мертвец. Все в Константинополе знали о ее романе, тем более что она и не пыталась его скрыть: придворные не раз заставляли их вместе в постели, и если Михаил краснел и смущался, то Зоя только смеялась и целовала своего возлюбленного, хвастаясь тем, что они только что предавались сладчайшим любовным наслаждениям.

Романа еще не успели похоронить, как Зоя обвенчалась с Михаилом IV. Правитель из него вышел неудачный. Он страдал эпилепсией и часто во время приемов закатывал глаза и начинал трястись; тогда специально обученные слуги задер-

гивали вокруг него занавески, чтобы гости не были свидетелями приступа. Умер Михаил от водянки, но незадолго до своей смерти нашёл в себе силы возглавить поход против мятежных болгар и успешно его завершить. «Видел его и я; он трясся на коне, как покойник на катафалке, а его пальцы, державшие поводья, были как у гиганта — толщиной и величиной в руку, — писал Михаил Пселл. — Так он показал ромеям, что воля может поднять и мертвых».

Овдовевшая Зоя усыновила племянника мужа, тоже Михаила, ставшего новым императором Михаилом V по кличке Калафат (то есть «конопатчик», по профессии отца). Как ни плохи были два предыдущих басилевса, этот оказался ещё хуже. Михаил люто ненавидел своих родных: по словам Пселла, его ничуть не тронуло бы, если бы всех его родственников накрыло одной волной. Он убил нескольких своих дядьев, других отправил в ссылку и, наконец, попытался свергнуть саму Зою. Калафат сослал её на Принцевы острова и заставил постричься в монахини, но когда об этом узнали в Константинополе, в городе вспыхнул бунт. Михаил V пытался скрыться в Студийском монастыре, но его силой оторвали от алтаря, вытащили на улицу и ослепили. Умер он в ссылке на острове Хиос, всеми брошенный и забытый; даже время его смерти не известно.

Третьим мужем Зои стал Константин IX Мономах, добродушный и обаятельный бездельник, довершивший развал страны. Константин никого не казнил и не преследовал, не имел никакой охраны, а двери его комнат всегда были открыты настежь. По характеру он был прекрасный человек, отличался щедростью и состраданием и не раз повторял слова римского императора Тита, что не был царем в тот день, когда не сделал ни одного доброго дела. При нем снова расцвели науки, и в Константинополе был открыт юридический лицей, куда брали учеников всех сословий. Но страну сотрясали мятежи, казна пустела, армия слабела, а враги наступали со всех сторон. На западе отпала Сербия, с севера устраивали набеги печенеги, доходившие уже до стен столицы, а с востока двигался новый опасный враг — турки-сельджуки.

При Константине Мономахе патриархом стал Михаил Кируларий, сыгравший одну из главных ролей в окончательном расколе Церкви.

Секрет вечной молодости

Когда Зоя овдовела второй раз, ей было уже 64 года. Спальня царицы больше напоминала алхимическую лабораторию, где постоянно кипела работа и от работавших горнов стоял такой жар, что его с трудом выносили все, кроме самой Зои. Но результаты этих усилий были поразительны: кожа императрицы выглядела абсолютно свежей благодаря особым косметическим рецептам. Михаил Пселл писал, что прожитые годы не оставили на императрице никакого следа: «Тот, кто стал бы любоваться соразмерностью частей ее тела, не зная, на кого смотрит, мог бы счесть ее совсем юной: кожа ее не увяла, но везде была гладкой, натянутой и без единой морщины». Ее возраст выдавали только дрожь в руках и согнутая спина.

Глава третья. Окончательный разрыв

Церкви перед расколом

В церковном разрыве, произошедшем в XI веке, хорошо видна вина как Запада, так и Востока. На протяжении многих столетий Восточная церковь потворствовала Риму своим бездействием, попустительством и близорукостью. Полностью уйдя в собственные догматические споры, в Константинополе словно не замечали, что происходит на Западе. Церковная жизнь латинян не входила в сферу интересов византийцев, они в нее не вмешивались, ничего о ней не знали и не хотели знать. Во время пелагианских споров сторонники Пелагия пытались заручиться поддержкой Востока против папы, но не встретили сочувствия. Церкви Галлии и Африки долго боролись с папством, но ни разу не получили поддержки со стороны Востока. Западные христиане привыкли считать, что все вопросы решаются только в Риме, а ромеи остаются в стороне. Своим безразличием Восточная церковь укрепляла папскую власть.

Рим, наоборот, активно вмешивался в восточные споры и шаг за шагом завоевывал свои права. Претензии пап обнаружили очень рано, но в Византии на них не обращали внимания. Рим неоднократно ясно и четко говорил, что претендует

на высшую власть в Церкви, но не только не получал твердого отпора, но даже не видел серьезной реакции на свои претензии: все тонULO в каком-то болоте. Пока папы настойчиво и упорно проталкивали свою мысль, на Востоке извинялись, заискивали и уклонялись. В папском Риме молчание Востока воспринималось как знак согласия. Когда Восточная церковь наконец опомнилась, было уже поздно: Запад стал единым целым, а авторитет пап — вековой традицией. До разделения Церквей остался один шаг.

Расколу способствовали и внешние условия, сложившиеся в Церкви. Рим объединил практически всю Западную империю. Это была огромная территория, замкнутая на собственных интересах. Там проходили свои соборы, решались местные вопросы. Восточная церковь была раздроблена на несколько патриархий, и Константинополь постепенно терял над ними контроль, не только из-за церковных, но и политических причин. Завоевание Египта и Сирии арабами, нашествие турок, несторианские и монофизитские расколы оторвали от Восточной церкви миллионы верующих. Она все больше слабела, тогда как Западная церковь — крепла.

Однако, слабея, Восточная церковь консолидировалась. Постепенно епископ Константинополя стал на Востоке таким же папой, как епископ Рима на Западе. Отпадение Александрии и Антиохии сделало константинопольского архиерея единственным реальным патриархом. Вся власть над Восточной церковью сосредоточилась в его руках, так же как вся власть над Западной — в руках папы. В «Исагоге», созданном при Василии I, о патриархе говорилось как об «одушевленном образе Христове, в себе самом являющем истину», — это очень похоже на то, как думали и говорили о себе папы. Патриарх почитался главой Церкви, как и царь — главой государства. Запад и Восток образовали две замкнутые и самостоятельные половины, каждая со своим государем и своим папой. Оставалось только оформить это разделение.

Накануне

После Фотия отношения между Западной и Восточной Церквями были случайными и эпизодическими. В 1009 году папой стал священник Петр Боккадипорко. Из скромно-

сти он не захотел взять имя Петра II и назвался Сергием IV, введя обычай менять имя при избрании на римскую кафедру. В своем послании к Церквям Сергей включил в Символ веры филиокве, ставшее для Запада традиционным и привычным. В Константинополе немедленно вычеркнули Сергия из диптихов, и больше ни один римский папа никогда там не появлялся.

При Василии Болгаробойце и патриархе Евстафии возник проект разделения церковной власти между римским папой и константинопольским патриархом. В Рим к папе Иоанну XIX было направлено посольство с предложением сделать римского понтифика главой Западной церкви, а греческого патриарха — Восточной. Это был разумный выход, и Иоанн уже склонялся к соглашению, но протесты клюнийских монахов заставили его передумать. Было решено, что, в отличие от земных царств, «владение святого Петра неделимо» и в мире не может существовать два вселенских первосвященника.

В начале XI века интересы Западной и Восточной церквей пересеклись в Южной Италии, отобранной у Рима еще Львом Исавром. Энергичный папа Лев IX старался восстановить здесь свое влияние. Под его влиянием во многих греческих храмах Италии евхаристию стали совершать по западному образцу, на пресном хлебе. Греков это возмущало. Во времена ранней Церкви и первых пап подобный вопрос, скорей всего, решился бы мирно, в духе любви и терпимости, как это было с разногласиями по поводу дня празднования Пасхи. Но в XI веке атмосфера в Церкви стала уже совсем другой.

Лев IX неустанно боролся за чистоту церковной жизни и прилагал много сил, разъезжая по епархиям Европы и снимая плохих епископов. В миру его звали Бруно Эгисхейм-Дагбургский, он был епископом Тульским (в Лотарингии) и приходился родственником германскому императору Генриху III. Когда Генрих решил сделать его патриархом, Лев долго отказывался и согласился лишь при условии, что его назначение одобрит римский клир и что в помощь ему дадут его друга и соратника, клюнийского монаха Гильдебранда. В Рим оба пришли с видом кающихся грешников: босиком, облачившись во власяницы и посыпав голову пеплом.

Лев и Гильдебранд были убеждены, что во главе Церкви должен стоять только один, никому не подвластный и непогрешимый владыка, святой праведник, наделенный мистической властью апостола Петра. Гильдебранд написал специальный трактат «*Dictatus papae*» («Папский диктат»), где эта идея была выражена просто и ясно. «Только римский первосвященник может быть называем вселенским. Его имя едино в мире. Только он может низлагать епископов и вновь возвращать им сан. Только он может издавать новые законы, соединять или делить епархии. Без его повеления никакой собор не может называться всеобщим. Он не может быть судим никем. Никто не может осудить того, кто апеллирует на приговор к апостольскому престолу. Важные дела каждой церкви должны подлежать его решению. Римская церковь никогда не ошибалась и никогда не впадет в ошибку. Римский первосвященник имеет право низлагать императоров. Он может освобождать подданных от клятвы верности неправедным государям».

Оба соратника, Лев и Гильдебранд, старались соответствовать этому идеалу. В Реймсе Лев поставил в алтаре гроб с мощами святого Ремигия, крестившего первого короля франков Хлодвига, и заставил каждого епископа поклясться, что тот не виновен в симонии. Папа пытался защищать простых христиан от притеснений феодалов. Особое внимание он уделял Южной Италии, все еще находившейся под юрисдикцией Византии и страдавшей от набегов норманнов. В конце концов Лев собрал армию и пошел воевать с захватчиками, но в битве при Чивиае (1053 год) потерпел поражение и попал в плен.

Как раз в это время из Константинополя пришло послание, которое послужило началом к решающему конфликту.

Кируларий и его переписка с папой

Начало делу положил патриарх Михаил Кируларий, возглавлявший Константинопольскую церковь. Он происходил из знатной семьи, но за участие в заговоре против Михаила IV был насильно пострижен в монахи. Имея хорошее образование и твердый характер, он понравился Константину Мономаху, и царь решил сделать его патриархом.

Современники описывали Кирулария как практичного, умного, честного, но упрямого и злопамятного человека. Подобно папе Льву, свое патриаршество он ставил выше императорского трона и часто конфликтовал с базилиевсами, настаивая на том, что небесная власть выше земной. Он не побоялся защитить главаря мятежников Льва Торника, вставшего против Константина Мономаха. Но когда сам Мономах, всеми покинутый, умирал в одиночестве, патриарх до последней минуты оставался у смертного одра и старался его утешить.

Кируларий ревностно заботился о чистоте веры и боролся со всеми отклонениями как в обрядовой, так и в вероучительной сфере христианства. К Римской церкви он относился резко отрицательно и, возможно, заранее подготовил ничем не спровоцированный конфликт, улучшив момент, когда дела у Рима были особенно плохи.

Поводом послужил западный обычай совершать евхаристию на пресном хлебе — опресноках (по-гречески он назывался «азима»), а не квасном («артос»). Такой же обычай существовал в некоторых восточных церквях, например в Армянской, и все шире распространялся в южных районах Италии, где было сильно влияние Рима. Эта незначительная, казалось бы, деталь, толковалась богословами в очень широком смысле и влекла за собой длинную цепочку взаимных обвинений, которыми издавна обменивались Рим и Константинополь.

Кируларий решил положить этому конец. Он отлучил от Церкви византийского правителя Южной Италии Аргира за то, что тот допустил причащение на опресноках, и закрыл в Константинополе все латинские храмы и монастыри, которые посещали послы, путешественники, купцы и норманны-гвардейцы. В одном из храмов уполномоченный патриарха даже опрокинул блюда с хлебом причастия и растоптал ногами — на том основании, что пресный хлеб не может быть даром евхаристии.

Об обычаях латинян

Из письма Кирулария Петру Антиохийскому: «Не только они принимают людей, которые вкушают пресный хлеб, но и иногда и сами совершают Божественные Тайны с опресноками. Кроме

того, они запрещают брак священников: женатые не могут получать достоинство священства, но те, кто стремятся к рукоположению, должны оставаться безбрачными... Епископы носят перстни на пальцах, как будто бы они берут себе в жены церкви; они утверждают, что носят их как залог. Они принимают участие в сражениях и оскверняют свои руки в крови: они отнимают у других душу и теряют собственную. До нас дошли слухи, что во время святого крещения они крестят одним погружением, призывая имя Отца и Сына и Святого Духа. Более того, они наполняют рты новокрещаемых солью. Они запрещают почитание мощей святых, а некоторые из них исключают почитание святых образов. Они не почитают среди святых наших великих святых отцов, учителей и святителей — я имею в виду Григория Богослова, великого Василия и божественного Златоуста — и не принимают их учение во всей его полноте...»

Одновременно Кируларий поручил болгарскому архиепископу Льву Орхидскому написать послание против латинян. В нем упоминались некоторые отступления от церковных правил: пост в субботу, поедание удавленины и, конечно, евхаристия на опресноках. Пресный хлеб, писал архиепископ, «ничем не отличается от бездушного камня и кирпичной глины», а квасной хлеб «жив, одушевлен и дает теплоту». Употребление опресноков — пережиток иудейства и не подобает христианам, сменившим древнее еврейское священство на новое, по «чину Мелхиседекову» (Мелхиседек — ветхозаветный священник, считавшийся прообразом Христа). Письмо было написано с утонченной византийской вежливостью: перечисленные заблуждения объявлялись происками варваров и иудеев, папа Лев именовался «самым почтеннейшим», а франки «людьми Божьими», — но суть дела от этого не менялась. Греческое коварство проявилось и в том, что послание было направлено не самому папе, а одному из его епископов, Иоанну Транийскому, с тем чтобы тот сам довел его до сведения других епископов и священников, включая «достопочтеннейшего папу». Кардинал Гумберт, правая рука папы, перевел письмо на латинский и показал его Льву, находившемуся в плену у норманнов.

Лев написал длинный ответ Кируларию, требуя уважения к первопрестольной Церкви. «Вот уже почти 1020 лет прошло с тех пор, как пострадал Спаситель, и неужели вы думаете...

те, что только теперь от вас Римская церковь должна учиться, как совершать евхаристию?» Он снова перечислил все причины, по которым римский епископ является непререкаемым авторитетом и главой христиан. «Никто не может отрицать, — заключал папа, — что как крюком управляется вся дверь, так Петром и его преемниками определяется порядок и устройство всей Церкви. И как крюк водит и отводит дверь, сам оставаясь неподвижным, так и Петр и его преемники имеют право свободно произносить суд о всякой Церкви, и никто отнюдь не должен возмущать или колебать их состояния; ибо высшая кафедра ни от кого не судится». Упоминался здесь и поддельный «дар Константина», благодаря которому папы якобы стали не только первосвященниками, но и царями. Что касается Константинопольской церкви, то, по мнению Льва, она запятнала себя ересями, непослушанием папе и избранием в патриархи женщины. Сама по себе она не имела бы никакого авторитета и никаких прав, если бы Римская церковь, как чадолюбивая мать, не поставила бы ее на второе место.

Восточная папесса

Параллельно легенде о папессе Иоанне на Западе существовала история о женщине-патриархе на Востоке. В Салернской хронике рассказано, что один константинопольский патриарх, любивший свою племянницу, держал ее у себя под видом евнуха. Перед смертью он назначил ее своим преемником, и она в мужском обличье заняла патриарший престол. Когда дьявол рассказал об этом беневентскому князю Арихиду, тот написал письмо в Константинополь, и обманщица была разоблачена.

Читайте в приложении: Подделка тысячелетия — «Дар Константина»

Гумберт в Константинополе

Несмотря на эти трения, ни Лев, ни император Константин Мономах не хотели всерьез ссориться друг с другом. Норманны в лице могущественного Робера Гвискара, захватившего Сицилию и часть Италии, были опасным врагом как для Запада, так и для Востока. Папа решил уладить разно-

гласия с Византией и, списавшись с Мономахом, отправил в Константинополь делегацию во главе с кардиналом Гумбертом.

Трудно было найти менее подходящую кандидатуру для ведения мирных переговоров. Гумберт имел гордый и вспыльчивый характер, сдобренный изрядной долей высокомерия и чем-то напоминавший натуру самого Кирулария. «Это был человек в высшей степени страстный, охотник до распрей, и притом истый поборник преимуществ Римской кафедры», — описывал его хронист. Уроженец Бургундии, он с детства воспитывался в монастыре, получил хорошее образование и сделал быструю церковную карьеру, став вначале архиепископом Сицилии, а затем кардиналом и епископом Сильва-Кандидским. Гумберт был ближайшим советником папы Льва и принадлежал к партии церковных реформаторов, в которую входили друг папы Гильдебранд и многие авторитетные епископы, связанные с клюнийской конгрегацией.

Кардинал оказался в городе Трани как раз в тот момент, когда местный епископ Иоанн получил послание от Льва Охридского. Гумберт активно участвовал в переписке Рима с представителями Восточной церкви и императором Константином Мономахом. Особенно острой была его полемика с игуменом Студийского монастыря Никитой Стифатом, которую оба вели напористо и грубо, в оскорбительном тоне и не стеснясь в выражениях. Гумберт говорил, что монах Стифат занимается не своим делом и вместо того, чтобы умерщвлять плоть в монастыре, лает, подобно псу, на Римскую церковь. Это не монах, а Эпикур, ему место не в монастыре, а в публичном доме. Речь кардинала пестрила такими выражениями, как «собака», «циник», «глупец», «проклятый», «знаменосец чумного учения и дьявольского внушения», «ты глупей осла» и «молчи, дурак».

В начале 1054 года по поручению папы Гумберт отправился в Константинополь во главе посольства, в которое помимо него входили два высокопоставленных лица: епископ Петр Амальфийский и диакон-кардинал Фридрих Лотарингский. Они везли с собой два письма от папы: одно, почтительное и сравнительно мягкое, для императора и второе, грубое и резкое, для патриарха. Мономаху папа писал с похвалой, сравнивая его с Константином Великим, но откры-

то ругал патриарха и предупреждал, что, если тот останется на кафедре, папа порвет с ним отношения. «Если патриарх пребудет упорен, то есть не подчинится папской воле, то невозможен будет мир между нами». Самого Кирулария папа попросту отчитывал, обвиняя его в гордыне и желании захватить власть над Восточной церковью, вместо того чтобы смиренно подчиниться Риму. «Римская церковь такова, что если какая-либо нация на земле по гордости не согласна с ней в чем-либо, то подобная церковь перестает называться и считаться церковью, — она ничто. Это будет уже какое-то собрание еретиков, собрание схизматиков, синагога сатаны». Никакого намека на возможность компромисса здесь не было: либо признавай власть папы, либо будь схизматиком и еретиком.

Когда трое легатов прибыли в Константинополь, Мономах принял их с почетом и поселил в императорском дворце. Отношение базилевса к посланцам Льва было дружелюбным и благосклонным: он ожидал быстрого разрешения всех вопросов и установления взаимовыгодного союза с Римской церковью. Легатам был устроен торжественный прием у императора, на котором присутствовал и Кируларий. Позже патриарх рассказывал, что был неприятно поражен гордым и надменным видом латинян, которые не только ему не поклонились, но даже не посмотрели в его сторону. Еще хуже они вели себя на приеме у самого патриарха в Студийском монастыре: Гумберт просто молча сунул ему письмо папы и удалился.

Прочитав письмо, Кируларий заподозрил — реально или для виду, — что оно поддельное и что печати на нем нарушены. Он прекратил общение с легатами, объявив их самозванцами, которые сами написали письмо и прибыли без ведома папы. Положение стало еще более двусмысленным, когда до Константинополя дошло известие, что папа Лев IX умер. Этим легаты лишались своих полномочий, поскольку не могли представлять покойного папу, а новый, Виктор II, был избран только через год.

Но Константина Мономаха, несмотря ни на что, продолжала преследовать идея союза с Римом. Он был готов даже созвать собор в Константинополе и отлучить Кирулария, чтобы восстановить мир с Западной церковью. Его останавливал только страх, что это может вызвать возмущение среди священства. Стараясь смягчить напряжение, Мономах устроил

диспут в Студийском монастыре, на который пригласил Гумберта и его давнего противника Никиту Стифата. По словам самого Гумберта, Никита признал свою неправоту и сжег написанное им сочинение против латинян.

Однако дело не двигалось с мертвой точки. Кируларий продолжал игнорировать послов, и раздраженный Гумберт решил действовать. «И вот папские легаты, — сообщал епископ Арсений, — наскучив сопротивлением патриарха, как они говорили, решаются на самый наглый поступок. 15 июля они вошли в Софийскую церковь и, когда клир готовился к служению в третий час дня в субботу, положили на главный престол грамоту отлучения на виду присутствующих клира и народа». В присутствии стоявших здесь же императора и патриарха они объявили анафему всякому, «кто упорно станет противиться вере святого римского и апостольского престола и его жертвоприношению».

В храме началось замешательство. Иподиаконы попытались вернуть грамоту легатам, но те отказались и вышли из храма, отряхнув прах со своих ног и возгласив напоследок: «Пусть судит Бог!» Бумага оказалась на полу, кто-то ее поднял, документ стал ходить по рукам и, наконец, попал к патриарху, который распорядился перевести его на греческий язык и представить императору.

Константин Мономах не нашел ничего лучше, как возложить всю вину, во-первых, на переводчиков грамоты и, во-вторых, на иноземных противников Византии и их местных приспешников, которых он назвал «партией Арги-ра». «Что касается иноземцев, то над ними не имеем власти; виновных же после наказания отправляем к вашему святейшеству, дабы чрез них и другие научились, как опасна подобная болтовня. Грамоту же после анафематствования тем, кто принимал участие в совете, кто писал и возлагал на престол и кто имел хотя бы маленькое сведение об этом, сжечь публично. Царство мое (так именовал себя император) отдало приказ заключить под стражу вестарха, зятя Арги-ра, и веста, его сына, дабы они, содержась в темнице, испытали мучения за это дело». Вопреки распоряжению базилиевса грамота была не сожжена, а помещена в архив, и текст ее сохранился до сих пор.

Легаты уже отчалили от берега, когда патриарх неожиданно попросил их вернуться и встретиться для беседы. Сно-

ва забрезжила возможность примирения. Легаты вернулись в Константинополь, но обещанная встреча не состоялась по неизвестным причинам. Говорили, что послы потребовали присутствия императора в сопровождении охраны, а Кирулария это испугало, потому что он боялся гнева Мономаха. И легаты снова уплыли.

Через пять дней Кируларий созвал небольшой собор из двух архиепископов, двенадцати митрополитов и семи епископов. Все три легата были отлучены за «недостойное поведение в храме». О филиокве и целибате на соборе упоминалось только как о достойной сожаления практике, которой придерживаются некоторые из латинских церквей.

Читайте в приложении: Грамота отлучения

Так произошел окончательный раздел Церквей. Ни тема папской власти, ни вопрос о филиокве, важнейший с точки зрения догматики, при этом даже не были затронуты. В конце концов стало уже не важно, что разделяет обе стороны: противники искали только повод, чтобы излить взаимное раздражение и недовольство. Poleмика между латинянами и греками велась мелочно и ожесточенно, с пристрастным выискиванием взаимных слабостей и недостатков. Спорящие не только не смягчали разногласий, но нарочно раздували их, придираясь к каждой обрядовой тонкости, к каждому уклонению от церковного обычая, с видом ревностного благочестия возводя их чуть ли не в отступление от веры. В посланиях патриархов и епископов длинной чередой шли списки взаимных обвинений и претензий, где смешивалось все — мелкое и крупное, важное и неважное. Первенство пап упоминалось в одном ряду с бритьем бород, филиокве — с постом в субботу. Сочинялись целые богословские трактаты, почему хлеб евхаристии должен быть квасным, а не пресным, хотя все эти обоснования придумывались задним числом, вдогонку к уже сложившейся традиции, происхождение которой затерялось в истории и стало непонятным, но священным.

Раздавались и голоса здравого смысла, но к ним мало кто прислушивался. Например, патриарх Петр Антиохийский в ответ на письмо Кирулария, где тот громил латинян, писал, что христиане должны «всячески склоняться к миру и братской любви», особенно там, где это не грозит опасностью для основ веры. Латинян надо признавать своими братьями, даже если они в чем-то ошибаются, ведь в главном они мыслят так же, как и мы. Петр считал, что многое из того, что пере-

числял Кируларий, маловажно, а во многом (например, в поедании удавленины) восточные христиане повинны не меньше западных: так как же мы можем осуждать у других то, что терпим у себя? Единственно важный вопрос, о котором, по его мнению, стоило спорить, это филиокве, остальное несущественно или безразлично. В конце концов, христиане должны объединяться не по обычаям, которые могут быть различны, а по духу. В заключение Петр предупредил, что не стоит обращаться с Западной церковью слишком жестко, это может привести к еще большему разрыву. «Увещаю и твое боголепное блаженство принять мою мысль, чтобы, всего требуя, не потерять всего».

Мягкая позиция патриарха Петра у многих вызывала раздражение: она объяснялась недостатком христианской ревности, для которой не должно существовать мелочей. Говорили, что Петр и сам человек невоздержанный и слабый. Появились анекдоты, где он изображался страстным любителем скоромного, который даже в патриаршестве не мог отказаться «от мяса» и выпрашивал у императора разрешения есть его вопреки всем правилам, а когда это не удалось, услаждался хотя бы его запахом. «Не потерпим патриарха-мясоеда», — будто бы возмущались подчиненные ему епископы. Правда, и у Петра находились сторонники, например знаменитый богослов и экзегет Феофилакт Болгарский. В ответ на просьбу одного диакона составить краткий список «бесчисленных» заблуждений латинян он заметил, что восточные христиане достойны большего осуждения за ожесточение против западных, чем западные — за сами эти заблуждения. Не следует впадать в мелочность, призывал он, и видеть преступления в западных обычаях, которые частично произошли из благочестия, а частично — из снисходительности к человеческим слабостям. Только в филиокве Феофилакт видел серьезный проступок латинян, за который, по его словам, им «придется гореть в аду».

Но самым удивительным в истории разрыва XI века было то, что формально никакого разделения Церквей не произошло. Латиняне анафемствовали только Кирулария и его приближенных, а созданный патриархом собор — только папских легатов, которых к тому же объявили самозванцами, не представлявшими на деле Римскую церковь. Незначительность этого события подчеркивалась тем, что папский престол в это время не был занят: один папа умер, а другой еще не был из-

бран. Подобных случаев бывало уже множество, но рано или поздно они как-то утрясались, и о них забывали.

Казалось бы, можно было ожидать, что и на этот раз произойдет то же самое. На ссору в Константинополе почти не обратили внимания ни на Западе, ни на Востоке, сочтя ее временной размолвкой. Уже упомянутый Петр Антиохийский писал: «Они наши братья, хотя, по грубости и неведению часто уклоняются от того, что прилично, следуя своей воле... Я выскажу свою мысль прямо: если они исправятся относительно прибавления к символу (то есть филиокве), то я не искал бы от них ничего более, оставляя безразличным в числе других и вопросы об опресноках». Кардинал Фридрих Лотарингский также не одобрял разрыва и, став папой Стефаном IX, пытался исправить случившееся при Гумберте. Византийские императоры не раз проводили в Константинополе соборы и диспуты, уговаривая патриархов примириться с Римом.

Но все эти попытки ни к чему не привели. Ни Латинская, ни Греческая церкви не испытывали внутренней тяги к воссоединению. Сложившееся положение всех устраивало, потому что на деле две половинки христианского общества уже давно жили отдельно друг от друга. Каждая занималась своими проблемами, не заботясь о другой и не нуждаясь в ней. Благодаря этому безразличию иногда казалось, что никакого разделения не случилось, что все идет по-прежнему, а случайное недоразумение не имеет значения. Римских пап продолжали иногда поминать в некоторых восточных церквях, изредка проводились совместные богослужения, и западные святые, случалось, попадали в православные святцы.

Но постепенно разрыв стал привычкой, потом правилом и, наконец, традицией. В XIII веке, когда император Михаил V Палеолог поставил вопрос о воссоединении Церкви, патриарх Иосиф сослался на собор Кирулария как на вселенский и потребовал соблюдения его решений. Первые крестовые походы, реально столкнувшие Запад и Восток лицом к лицу, подкрепили теорию практикой. К этому времени греки и латиняне уже так ненавидели друг друга, что предпочитали заключать союз с арабами и турками, а не между собой. Ромеи заявляли, что готовы скорей пойти под иго «агарян», то есть мусульман, чем иметь дело с латинянами, от которых «смердит нечестием». Поход 1202—1204 годов, когда крестоносцы обратили свое оружие против византийцев и разграбили их столицу, за-

лив кровью улицы города, казался естественным итогом этих отношений и никого уже не удивил.

Последний проблеск возможности воссоединения Церкви промелькнул накануне взятия Константинополя турками. Силы были уже слишком неравны, и речь могла идти только об унии, то есть поглощении Восточной церкви Западной. Из осажденной столицы Константин XI Палеолог в отчаянии звал на помощь Рим и был готов на все, чтобы спасти империю. Но византийский клир в последний раз собрался с силами и отстоял чистоту веры ценой собственной гибели. После этого православное христианство почти целиком переместилось в Россию, настолько далекую и настолько нецивилизованную в глазах Запада, что о православии практически забыли на несколько веков. Расстановка сил в Европе была уже другой и формировала новую церковную историю, рассмотрение которой не входит в рамки этой книги.

Часть II

Миссия на север, или Как крестили англов

Англы приведены им ко Христу наставлением в вере;
Целый народ обращен был терпением его и любовью, —

такие строчки входили в эпитафию, начертанную на гробнице Григория Великого. Принято считать, что именно этому римскому папе англосаксонские германцы обязаны обретением христианской веры. Англы и саксы не были коренным населением Англии: их призвало туда кельтское племя бриттов на помощь в борьбе со своими вечными врагами пиктами. В отличие от бриттов, крещенных ирландцами, англы не приняли христианство и еще долго оставались язычниками. Однажды Григорий Великий, еще не будучи папой, прогуливался по римскому рынку и увидел привезенных из Британии рабов, мальчиков «соразмерного телосложения, с приятными чертами и красивыми волосами». Когда ему сказали, что это англы, он воскликнул: «У них лица ангелов, и они достойны приобщиться к ангелам на небесах!» — удивившись, что люди с такой небесной внешностью еще не христиане.

Став папой, Григорий не забыл эту встречу и в 596 году отправил в Англию сорок монахов во главе со своим другом и соратником аббатом Августиним. Путешествие оказалось трудным: галльские христиане были недовольны, что папа вмешивался в дела британской церкви, которую они считали своей, и не хотели пропускать его посланцев. В Британии миссионеров встретил еще более холодный при-

ем бриттов, крещенных ирландскими монахами. Кельтская церковь в некоторых деталях отличалась от римской: здесь по-другому проводили обряд крещения, иначе высчитывали время празднования Пасхи. Если латиняне выстригали тонзуру в виде венчика вокруг головы — это называлось тонзурой св. Петра, — то кельты предпочитали тонзуру св. Павла: головы выбривались спереди, а сзади отпускались длинные волосы. Еще важнее было то, что римляне приехали крестить англов и саксов, то есть германцев, которых бритты считали оккупантами и своими злейшими врагами. Они отказывались даже есть в одном с ними помещении, а пищу, которую касалась рука англа, бросали псам. Поэтому бритты смотрели на крестителей англов как на своих врагов, хотя они и были христианами.

Григорий хотел подчинить местную церковь римской, воссоздав ту структуру, которая существовала еще в первые века христианства: две провинции с кафедрами в Йорке и Лондоне, в каждой провинции по четырнадцать епархий во главе с епископами. Августин потребовал, чтобы местные христиане отказались от своих обычаев и подчинились Риму. Британские епископы и монахи обратились за советом к одному отшельнику, славившемуся своей святостью. На вопрос, нужно ли им подчиниться, старец ответил: повинуйтесь Августину, если он человек Божий. Но как это узнать? — спросили бритты. Если он Христов, ответил старец, то кроток и смирен сердцем, как и Сам Господь. Приходите на место последними: если Августин встанет при вашем появлении, значит, он послан Христом; а если отнесется к вам пренебрежительно, то и вы поступайте так же.

Бритты так и сделали. Когда они вошли, Августин остался сидеть, поэтому они сочли его гордецом и стали ему противоречить, не признавая своим епископом. «Если уж он сейчас отнесся к нам с презрением, — говорили они между собой, — то что будет, когда мы ему подчинимся?» Тогда Августин пригрозил, что если они не примут мир от своих братьев, то получат войну от своих врагов, намекая на гнев язычников. Действительно, вскоре на земли бриттов напал король Эдильфрид. Узнав, что монахи молятся о победе его противников, он заявил: «Раз они молятся своему Богу против нас, значит, они воюют против нас». Его солдаты перебили больше тысячи монахов, в живых осталось всего несколько десятков.

Несмотря на все трудности, Августин достиг больших успехов в миссионерской деятельности. Уже через год после прибытия в Англию Августин крестил короля Кента Энгельберта и множество его приближенных. Но в Лондоне ему закрепиться не удалось, и он поселился в Кентербери, основав здесь монастырь Святого Петра и став первым архиепископом Кентерберийским. Позже епископом Лондона стал поставленный им Меллита, при котором был построен первый собор Святого Павла. Только через 60 лет после смерти Августина в Витби состоялся собор, на котором произошло слияние кельтской и римской церквей — с соблюдением римских обычаев и во главе с архиепископом Кентерберийским.

Часть III

Монофизитские диспуты

Дискуссия о двух природах Христа сводилась к одному главному вопросу: может ли существовать природа, не имея своего лица (ипостаси)? Монофизиты считали, что не может, поэтому у Христа были и одна природа, и одно лицо. Православные утверждали, что может: лицом человеческой природы у Христа было лицо Его божественной природы, то есть Лицо Бога-Слова; значит, у Него две природы и одно лицо. Попытки опереться на предания и авторитет святых отцов ничего не давали: в них можно было найти подтверждение и той, и другой точки зрения, в зависимости от того, как их интерпретировать. Православные обычно пропускали те места, в которых говорилось о возможности существования одной природы во Христе, а монофизиты, наоборот, не замечали выражений, благоприятных для мнения о двух природах.

Во время монофизитских споров перед богословами возникало множество вопросов, связанных с богочеловеческой природой Христа. Например: если всякая природа себя проявляет, то есть действует, то какая природа действует во Христе — божественная, человеческая или и та и другая попеременно? Монофизит Севир Антиохийский отвечал — богочеловеческая. Раз природа одна, значит, и действие одно. Человеческая природа во Христе не действует самостоятельно, потому

что не имеет лица. Любое действие Христа — единое богочеловеческое. Одно лицо — одно действие. Христос никогда не действует только как человек или только как Бог. Он действует как Богочеловек. Например, чудо хождения Иисуса по воде. Идет человеческое тело, но божественным образом. С точки зрения православных, тот же самый эпизод выглядел иначе: то, что Христос идет, — это человеческое, а то, что идет по воде, — божественное.

Сефир считал, что во Христе существуют не два естества, а две стороны одной ипостаси. Одно лицо — одна природа — две ее стороны (человеческая и божественная). Однако слияние природ не произошло, не появилось новой богочеловеческой природы. Природа человека осталась такой же, как была, и природа Бога — тоже. Значит, все-таки две природы, а не одна? Да, но только мысленно. Природы две теоретически, а практически — одна, потому что она проявляет себя как одну. Почему как одну? Потому что человеческая природа во Христе не имеет никакой самостоятельности — она лишена ипостаси, воплощения в конкретном лице. Человеческая природа существует только умопостигаемо, а реально всегда действует вместе с божественной.

Одним из частных приложений общей доктрины о природах был вопрос о страданиях Христа. Сефир утверждал, что Он не мог не страдать, поскольку был человеком. Но мог бы и не страдать, поскольку был Богом. Его оппонент Юлиан Галикарнасский возражал: для Христа было естественней не страдать, чем страдать. На страдание Он соглашался добровольно, несмотря на Свою бесстрастную природу, лишённую греха (как у Адама до грехопадения). Юлиан считал, что после воскресения Иисус просто перестал соглашаться на страдания, Сефир — что Бог перестал позволять Ему страдать.

Другой вопрос: какой была природа Христа, тленной или нетленной? Сефир отвечал: до воскресения тленной, после — нетленной. Юлиан: с самого начала нетленной.

Один из аргументов, выдвигаемый против монофизитов православными, звучал так: если каждая природа должна иметь свое лицо, как говорят монофизиты, то у Троицы должны быть либо одна природа и одно лицо, либо три природы и три лица. Поскольку ясно, что лица три, то и природы, выходит, должно быть три. Чтобы поддержать свое мнение — одна природа = одно лицо, — монофизитам пришлось придумать

новую доктрину, тритеизм, которая скоро выделилась в отдельную секту. Тритеисты утверждали, что в Боге одна сущность, но три существа, так же как у людей одна сущность, но много существ (и лиц). То есть Отец, Сын и Св. Дух не просто разные ипостаси одной природы, но три разных личности и, стало быть, существа. Возражение против такой теории выдвинул еще Григорий Богослов, считавший, что если в человеке реально существует индивидуум, а его общая природа только умопостигаема, то в Боге, наоборот, существует общая природа, а Его «индивидуумы» только умопостигаемы.

Монофизиты в ответ называли православных «четверичниками», потому что они вводят в Св. Троицу новую, четвертую ипостась Христа-человека. Ведь всякая природа ипостасна, поэтому и человеческое естество Христа не могло не иметь лица. Поэтому тот, кто говорит, что во Христе две природы (как утверждал Халкидонский собор), тот утверждает и то, что в Нем два лица. Троица же, получается, имеет четыре лица: три божественных и одно человеческое. Православные возражали, что не утверждают ничего подобного: в Боге не появилось новой ипостаси, но ипостась Бога Сына стала сложной, она представляет теперь две природы, божественную и человеческую.

Кроме перечисленных, перед христианами вставали сложнейшие вопросы психологии, не разрешенные до сих пор. Каким было тело Иисуса, сотворенным или несотворенным? Как Он в одном лице мог быть и Богом, и человеком? Каким было Его сознание, что Он думал и знал о Себе? Был Он всеведущим или чего-то не знал? В православии склонялись скорей к тому, что Христос обладал всеведением. Еретиков, считавших, что по своему человечеству Иисус не был всеведущим, называли агонитами, то есть проповедующими неведение.

Часть IV

Диспут Максима с Пирром

Суть диспута заключалась в следующем.

Пирр утверждал, что признание двух волей разделяет человека и Бога во Христе. Максим возражал, что если их не разделяют две природы, то не разделят и две воли.

Пирр говорил, что если во Христе есть две воли, то, значит, у Него и два лица. Максим ссылался на Троицу, которая имеет три лица, но одну природу и одну волю. Значит, воля относится не к лицу, а к природе. В Христе две природы, значит, и воли две, а лицо одно.

Пирр: если воля определяется не лицом, а природой, то она не свободна, потому что зависит от природы. Максим: то, что определяется природой, не обязательно должно быть несвободным. Бог благ по природе, но это не значит, что Он вынужден быть благим.

Пирр: если ипостась Христа единая, но сложная, то почему бы не допустить в Нем единую, но сложную волю? Максим: воля относится к категории вещей, которые не могут быть сложными.

Пирр предложил не разжигать раздоров и не рассуждать о воле вообще. Максим: догматы требуют разъяснения.

Пирр: у отцов и на соборах не говорится о двух волях. Максим: зато говорится о двух полных природах. Но человеческая природа не была бы полной, если бы лишилась воли. Раскаленный меч и режет, и жжет. Две природы, огонь и железо, и два действия — в одном мече.

Психология иконоборчества

Важную роль в сопротивлении иконоборчеству играл психологический момент. Человеку свойственно считать, что образ содержит в себе частицу сути того, что он изображает. Поэтому, оскорбляя изображения, неизбежно оскорбляют и тех, кто на них изображен. Когда иконокласты плевали и попирали ногами изображения Христа, святых и Богородицы, рубили их, резали, сжигали, то вопреки всем теориям это выглядело так, словно они кощунственно издевались над Самим Христом, Богородицей, святыми. Стараясь изобразить это наглядно, св. Стефан показал Константину монету с профилем императора и спросил: «Какого наказания достоин я буду, если эту монету с изображением императора брошу на землю и стану топтать? Отсюда и ты можешь видеть, какого наказания заслуживают те, кто Христа и Его Святую Матерь оскорбляют на иконах». На Седьмом Вселенском соборе один из раскаявшихся иконоборцев, Феодосий Аморийский, говорил: «Ес-

ли царским портретам и фигурам, отправляемым в села и города, навстречу выходит народ со свечами и кадилницами, оказывая почтение не изображению на облитой воском доске, но самому императору, то насколько более следует изображать икону Спасителя, Его Матери и святых!» Иоанн Дамаскин цитировал слова Василия Великого: «Честь, воздаваемая образу, восходит к Первообразу», а Феодор Студит упрекал иконоборцев в двойных стандартах, утверждая, что они сами себе противоречат, когда воспринимают икону в отрыве от того, что на ней изображено: «Изображение человека именуют человеком, быка — быком, верблюда — верблюдом, и вообще по имени изображаемого именуют изображение, — икону же Христа Бога Господа, Богоматери или кого-либо из святых никак не допускают называть их именами, ни даже в переносном смысле, а просто говорят “икона”, не прибавляя чья, чтобы, как думается им, не погрешить». По мнению Феодора, «поклонение или непоклонение образу падает и на Первообраз и, если икона изображен Господь, — на Господа».

В православном богословии эта двойственность проявлялась с другой стороны. Почитатели икон подчеркивали, что икона только символически изображает Богочеловека во Христе, она не является и не может быть вторым воплощением Христа, поэтому не претендует на то, чтобы являть в себе Его человеческую и божественную природу. Однако, разъясняя смысл и назначение икон, они приходили к выводу, что на иконах изображается не человек Христос, а ипостась Христос, то есть Богочеловек в обеих Своих природах, земной и небесной. Получалось, что икона содержит не только человеческое изображение, но нечто и от божественной самой сущности Христа, а значит, заслуживает поклонения не просто как символ и напоминание о Боге, но как нечто, причастное самому Богу. Незримая небесная часть иконы, конечно, должна восприниматься не телесными очами, а верующим духом, но все-таки она содержится в самой иконе: это «божественная энергия», которая изливается на смотрящего через материальное посредство иконописного образа. Таким образом, икона — только посредник, но посредник такого рода, что его нельзя совсем отделить от того, что он передает: ведь он не мог бы передавать божественное, если бы не был обожен сам.

Часть V

Дело Лотаря

Папа Николай I не только писал трактаты о первенстве римского епископа, но и подтверждал теорию практикой. Ему удалось на деле утвердить свою власть в споре с лотарингским королем Лотарем II.

Чтобы развестись со своей женой Теутбергой, Лотарь обвинил ее в прелюбодейной связи с братом, а сам женился на любовнице Вальдраде, с которой состоял в связи еще до женитьбы и от которой имел троих детей. Два германских епископа, Гюнтер Кёльнский и Тьетгод Трирский, согласились с этим и одобрили новый брак. Оскорбленная Теутберга обратилась с жалобой к папе, но созванный им собор в Меце тоже встал на сторону короля. Тогда Николай своей властью отменил решение собора и лишил сана обоих епископов. Ни Лотарь, ни епископы не признали его действий и обратились за помощью к брату Лотаря императору Людовику II, который вскоре вошел с войсками в Рим. Однако Николай сумел убедить в своей правоте Людовика. Протесты епископов и их апелляция к авторитету собора ни к чему не привели: Церковь горой стояла за папу. Лотарь остался в одиночестве и был вынужден оставить Вальдраду и снова вернуться к Теутберге. После этого случая Николай ввел новое правило: каждый новый архиепископ должен был давать клятву в полном повиновении и преданности папскому престолу.

Подделка тысячелетия — «Дар Константина»

В IX веке на Западе появился документ, называвшийся «Donatio Constantini», то есть «Константинов дар». В нем рассказывалось о том, что император Константин Великий, заболев смертельной болезнью, должен был по совету языческих жрецов омыться в крови младенцев, но по доброте сердечной отказался от столь жестокого лекарства. В ту же ночь во сне ему явились апостолы Петр и Павел и сообщили, что если он обратится в христианство и примет крещение от папы Сильвестра,

скрывавшегося в пещере от гонений, то немедленно исцелится. Константин последовал этому совету и исцелился. В благодарность император дал Сильвестру и всем его преемникам «власть и почести императорские» и предоставил первенство над четырьмя другими патриархами и всеми христианскими церквями. «Папа, — говорилось в документе, — который когда-либо будет стоять во главе святой Римской церкви, пусть стоит выше всех священников и пусть будет главою всем священникам всего мира, и пусть его решением определяется все то, что относится к почитанию Бога и к заботе об укреплении христианской веры».

В грамоте подробно перечислялись императорские одежды и другие украшения, дарованные Сильвестру: «Передаем Римскому папе диадему, то есть корону, со своей собственной головы, нарамники, которыми украшается выя императорская, пурпуровую хламиду, багряную тунику и все другие царственные одежды, вручаем ему императорский скипетр и все другие знаки отличия и перевязи, — словом, все принадлежности царского величия». Кроме того, «дабы первосвященническая власть не оскудевала», Константин оставлял Сильвестру Латеранский дворец, «превосходящий все дворцы в мире», а также «все провинции, местности и города Рима и Италии, или западных областей и все места и города в них — в полное распоряжение и власть».

В документе определялись и различные привилегии римского духовенства. «Почтеннейших клириков всякого чина, состоящих в служении Римской церкви, мы возводим на такую же высоту власти и блеска, на какой находится наш сенат, и определяем, чтобы они украшались, как украшаются наши патриции и консулы. Словом, как украшена императорская свита, так и клир Римской церкви. И как при императорском достоинстве состоят различного рода прислужники — постельничьи, придверники и стража, то же должно быть и в св. Римской церкви. И еще: для несравненно большей блистательности папского достоинства пусть клирики ездят на лошадях, украшенных чапраками и белейшими тканями, и пусть носят точно такую же обувь, какую употребляют сенаторы».

Сам император, чтобы освободить место Сильвестру, выразил желание перебраться в Восточную империю, так как «несправедливо, чтобы земной монарх имел власть там, где уста-

новлены Царем Небесным верховная власть и главенство над христианской религией».

В заключение императором обрушивались проклятия на всех, кто осмелится воспротивиться этому указу. «И если (во что мы не верим) появится такой человек, который осмелится осквернить это или пренебречь этим, то пусть он будет проклят вечными проклятиями, пусть он и в здешней и в будущей жизни чувствует, сколь враждебны ему святые Бога, первые из апостолов — Петр и Павел, и пусть он погибнет, сожженный в адской преисподней вместе с дьяволом и всеми нечестивцами».

Этот документ широко использовался папой Григорием V и особенно Львом IX, при котором произошел раскол Церквей. В 1449 году подложность «Дара» была доказана гуманистом Лоренцо Валлой, но только в XIX веке Римская церковь признала, что «Donatio Constantini» был фальшивкой.

Грамота отлучения

Гумберт, Божией милостью кардинал и епископ Святой Римской Церкви; Петр, архиепископ Амальфи; Фридрих, диакон и канцлер, всем чадам Католической Церкви.

Святой и Римский, Первенствующий и Апостольский Престол, которому, словно главе, принадлежит особое попечение обо всех церквах, ради мира и на благо Церкви удостоил нас чести, соделав своими послами в этот царствующий град, чтобы в соответствии с написанным мы бы сошли сюда и увидели, действительны ли те жалобы, которые беспрестанно доходят до его слуха из этого великого города, или же все это не так. Итак, да будет известно славным императорам, духовенству, сенату и народу города Константинополя и всей Католической Церкви, что мы ощутили здесь великое добро, которому весьма радуемся во Господе, но также и величайшее зло, от которого чрезвычайно печалимся. Что касается столпов имперской власти и ее чтимых и мудрых граждан, то город сей христианнейший и православный.

Что же до Михаила, произвольно именуемого патриархом, и тех, кто одобряет его глупость, то в их среде ежедневно селятся многие плевелы ересей.

Ибо, подобно симонианам, они продают дар Божий; подобно валезианам, оскопляют пришельцев и производят их не только в клириков, но даже и в епископов; подобно арианам, перекрещивают тех, кто уже был крещен во имя Святой Троицы, в особенности латинян; подобно донатистам, утверждают, что за исключением лишь Церкви Греческой, Церковь Христова и подлинные Жертва и Крещение исчезли из всего мира; подобно николаитам, позволяют и защищают плотские браки служителей священного алтаря; подобно северианам, называя злословным закон Моисеев; подобно пневматомахам или феумахам, отсекают в Символе веры исхождение Духа Святого от Сына; подобно манихеям, кроме прочего, утверждают, что хлебная закваска одушевлена; подобно назореем, соблюдают телесную чистоту иудейскую до такой степени, что отказывают умирающим новорожденным детям в крещении ранее восьми дней по рождении и не подают Причастия женщинам, которым угрожает смерть в месячных истечениях или при родах, а если они язычницы, то запрещают им креститься; и, растя волосы на голове и лице, не принимают в общение тех, кто стрижет голову и бреет бороду, следуя установленной практике Римской Церкви.

В этих, а также и во многих других ошибках сам Михаил, хотя бы и вразумляемый письмами господина нашего Папы Льва, презрительно отказался покаяться. Кроме того, когда мы, послы Папы, восхотели устранить причины такого большого зла разумным способом, он отказал нам в приеме и беседе, запрещал совершать мессу в церквах, так же как и ранее закрывал церкви латинян, называя их “азимитами”*, повсюду преследовал латинян словом и делом столь сильно, что среди своих собственных чад предал анафеме Апостольский Престол, против воли которого продолжает писать, что он — “вселенский патриарх”.

Итак, поскольку мы не потерпели это неслыханное оскорбление и рану, нанесенную Первенствующему, Святому и Апостольскому Престолу, и были озабочены, что католическая вера будет различными путями подрываться, властью Святой и нераздельной Троицы и Апостольского Престола, чье посольство мы выполняем, всех православных отцов семи соборов и всей Католической Церкви, мы подтверждаем сле-

* Опресночниками.

дующую анафему, которую преподобнейший Папа произнес в отношении Михаила и его приверженцев, если не покаются.

Михаилу, неофиту, рекомому патриархом, который принял монашеские облачения только из-за страха пред людьми и ныне обвиняемому многими в самых тяжких преступлениях; с ним и Льву, называемому епископом Охридским; также Константину, сакелларию вышеназванного Михаила, который богохульно топтал ногами жертвенные дары латинян; и всем их приверженцам в вышеупомянутых ошибках и предубеждениях: да будет им анафема, маран афа*, вместе с симонианами, валезианами, арианами, донатистами, николаитами, северианами, пневматомахами, и манихеями, и назореями, и всеми еретиками, с самим дьяволом и его ангелами, если однажды не покаются. Аминь, Аминь, Аминь.

* Феодорит Кирский в «Толковании на Первое послание к Коринфянам» говорит о фразе «маран афа»: «Это не еврейское, как думали некоторые, но сирское слово. В переводе же значит: “Господь пришел”». Фразу «анафема, маран афа» следует понимать как «Да будет отлучен до времени пришествия Господа!».

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Церковь земная и Церковь небесная	
Глава первая. Внутреннее устройство Церкви	10
Глава вторая. Дела административные	30
Глава третья. Церковь и государство	43
Часть II. Духовные атлеты	
Глава первая. Монашество на Востоке	59
Глава вторая. Монашеский кодекс	69
Глава третья. Монашество на Западе	100
Часть III. Монофизиты	
Глава первая. Схизма монофизитов	118
Глава вторая. После Халкидона	132
Глава третья. Три главы и V Вселенский собор.	142
Часть IV. Торжество православия	
Глава первая. Иракий и монофелитство	157
Глава вторая. Иконоборство	183
Глава третья. Положение на Западе	203
Часть V. Как произошел раскол Церквей	
Глава первая. Римский вопрос	209
Глава вторая. Между двумя расколами	237
Глава третья. Окончательный разрыв	270
Заключение.	281
<i>Приложение.</i>	285

Соколов В.

С59 Занимательная история Древней Церкви. На пути к расколу / Владимир Соколов. — М. : Ломоносовъ. — 2016. — 304 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-315-5

Книга Владимира Соколова посвящена жизни Древней Церкви с V века, когда она одержала окончательную победу над язычеством, по век XI, когда произошел фундаментальный раскол западных и восточных христиан и появились две самостоятельных конфессии: православие и католицизм. Как и почему произошло разделение, что ему предшествовало и каким в те времена было устройство Церкви, как формировались догматы и почему вокруг них шли столь ожесточенные баталии, как зарождалась ереси, что такое монофизитство и монофелитство, как возникло монашество, как проходили вселенские соборы, почему началась и чем закончилась борьба с иконами — обо всем этом и о многом другом рассказывается популярно, максимально сжато, но без упрощений. Твердо следуя историческим источникам, автор адресует свой труд — свод последовательных событий — людям самых разных воззрений. Ранее в издательстве «Ломоносовъ» вышла книга Владимира Соколова «Занимательная история Древней Церкви. От гонений к триумфу».

УДК 27

ББК 63.3(0)4

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Владимир Соколов

Занимательная история

Древней Церкви

На пути к расколу

Редактор Т. Климова
Верстка А. Петрова
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 04.03.2016.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 19. Тираж 1200 экз. Заказ 1296

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т. 8(499)270-73-59

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. Половцы
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. Великие загадки Древнего Египта
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА

- 31 Виталий Белявский. Вавилон легендарный
и Вавилон исторический
- 32 Олег Ивик. История и зоология мифических животных
- 33 Лев Карсавин. Монашество в Средние века
- 34 Владислав Петров. Древняя история смерти
- 35 Олег Ивик. Еда Древнего мира
- 36 Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана
- 37 Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда
- 38 Владимир Новиков. Русская литературная усадьба
- 39 Отечественная война 1812 года глазами современников
- 40 Наталья Пушкарёва. Частная жизнь русской женщины
XVIII века
- 41 Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей
- 43 Генрих Бёмер. История ордена иезуитов
- 44 Алексей Смирнов. Скифы
- 45 Андрей Снесарев. Невероятная Индия: религии, касты, обычаи
- 46 Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. Хазары
- 48 Вячеслав Шпаковский. История рыцарского вооружения
- 49 Лев Ельницкий. Великие путешествия античного мира
- 50 Юрий Чернышов. Древний Рим: мечта о золотом веке
- 51 Виктор Бердинских. Русская деревня: быт и нравы
- 52 Сергей Макеев. Дело о Синей Бороде
- 53 Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
- 54 Печенеги
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
- 56 Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь
Карл Филипп, или Шведская интрига смутного времени
- 57 Александр Куланов. Обнаженная Япония
- 58 Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
- 59 Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
- 60 Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
- 61 Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
- 62 Константин Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича
- 63 Виктор Калашников. Русская демонология

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 64 Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ, СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. Заложники ПЕТРА I и КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ПОКОРИТЕЛЬ АЗИИ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ и РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ и КРЕСТОНОСЦЫ. ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ и ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ и ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ и СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ в КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ и СТЕФАН БАТОРИЙ: СХВАТКА ЗА ЛИВОНИЮ
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ

- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. ГУННЫ
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- 98 Илья Кораблев. ГАННИБАЛ
- 99 Дмитрий Боровков. ВЛАДИМИР МОНОМАХ, КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ
- 100 Петр Черкасов. ШПИОНСКИЕ И ИНЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ
- 101 Владимир Горончаровский. РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ:
ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ
- 102 Виктор Бердинских. ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ
- 103 Ауртни Бергманн. ТОРВАЛЬД СТРАННИК
- 104 Геннадий Коваленко. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
В ИНОСТРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ
- 105 Людмила Ивонина. ДРАМА ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ
- 106 Игорь Тантлевский. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ
- 107 Станислав Чернявский. АНТИОХ ВЕЛИКИЙ, «ЦАРЬ АЗИИ»
- 108 Георгий Вернадский. ЗВЕНЬЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
- 109 Владимир Соколов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ. ОТ ГОНЕНИЙ К ТРИУМФУ
- 110 Антон Горский. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ
- 111 Вера Курская. ИСТОРИЯ ЛОШАДИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
- 112 Антон Горский. МОСКВА И ОРДА
- 113 Александр Васильев. ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ ОТ ОСНОВАНИЯ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ ДО ЭПОХИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.
324—1081 годы
- 114 Дмитрий Занков. РУСЬ ЗА ТРАПЕЗОЙ
- 115 Людмила Морозова. Андрей Дёмкин. РУССКИЕ ЦАРИЦЫ
И ЦАРЕВНЫ XVII ВЕКА
- 116 Виктор Бердинских. РУССКИЕ У СЕБЯ ДОМА
- 117 Михаил Мочалов, Дмитрий Полежаев. ДЕРЖАВА САСАНИДОВ.
224—652 годы
- 118 Станислав Чернявский. МИТРИДАТ ВЕЛИКИЙ,
«ПОСЛЕДНИЙ ЭЛЛИН»
- 119 МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО XV—XVII ВЕКОВ
ПО СКАЗАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Владимир
Соколов
Занимательная
история
Древней
Церкви

Книга Владимира Соколова посвящена жизни Древней Церкви с V века, когда она одержала окончательную победу над язычеством, по век XI, когда произошел фундаментальный раскол западных и восточных христиан и появились две самостоятельных конфессии: православие и католицизм. Как и почему произошло разделение, что ему предшествовало и каким в те времена было устройство Церкви, как формировались догматы и почему вокруг них шли столь ожесточенные баталии, как зарождались ереси, что такое монофизитство и монофелитство, как возникло монашество, как проходили вселенские соборы, почему началась и чем закончилась борьба с иконами — обо всем этом и о многом другом рассказывается популярно, максимально сжато, но без упрощений. Твердо следуя историческим источникам, автор адресует свой труд — свод последовательных событий — людям самых разных воззрений. Ранее в издательстве «Ломоносовъ» вышла книга Владимира Соколова «Занимательная история Древней Церкви. От гонений к триумфу».

ISBN 978-5-91678-315-5

9 785916 783155